П. Бейсов

Свободное слово бессмертно

УЛЬЯНОВСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

П. БЕЙСОВ

СВОБОДНОЕ СЛОВО БЕССМЕРТНО

Из истории революционной литературы в старом Симбирске. 1905 — 1912 гг.

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1966

ОТ АВТОРА

В ГОДЫ первой русской революции широкое распространение и признание в массах приобрела революционная поэзия. Этому способствовали социал-демократические газеты и журналы, листовки, песенники и другие издания.

Вопросам литературы уделяли большое внимание ленинская «Искра», газеты «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь». «Искра» неоднократно писала о могучем воздействии на массы революционной песни. В статье В. И. Ленина «Начало демонстрации» и в сообщении «Из нашей общественной жизни» (1901, № 13), написанных по поводу волнений и демонстраций в Нижнем Новгороде в связи с высылкой Горького из города, говорилось о том, что все выступления в защиту писателя сопровождаются песнями борьбы. Плотная толпа студентов, семинаристов, земских интеллигентов, рабочих провожала Горького с песнями и напутствиями. Пелись песни: «Отречемся от старого мира», «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою», «Дубинушка», «Депутатам от сословий», «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Назови мне такую обитель», «Из страны, страны далекой». Раздавались возгласы демонстрантов: «Да здравствует М. Горький!», «Да здравствует свободное слово!», «Да погибнет деспотизм!». Нижегородская демонстрация закончилась торжественной декламацией студента: «Падет произвол и восстанет народ, могучий, свободный и сильный».

Такое выступление «Искры» имело, конечно, не информационный, а политический характер. Это был обмен революционным опытом, в котором важное место отводилось песням борьбы, показывался их мобилизующий характер.

В более позднем своем выступлении «Искра» указывала и на другую особенность революционной песни: «Она всегда проложит дорогу листку, брошюре, книге...» (1902, № 22).

Говоря о роли и значении революционного художественного слова, нельзя, разумеется, не остановиться на знаменитой ленинской

работе «Партийная организация и партийная литература», написанной в разгар революционных боев 1905 года. Это манифест коммунистической партии по вопросам литературы и искусства. В. И. Ленин развивает и обосновывает учение о партийности литературы, о литературе как мощном средстве познания и революционного преобразования жизни. Он указывает на то, что литература должна служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность». Вместе с тем В. И. Ленин разоблачает буржуазную литературу, зависимую «от денежного мешка». Партия устами Ленина учила: «Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы». (Полн. собр. соч., т. 12, стр. 101).

Этот ленинский принцип подхода к литературе, к ее использованию в революционной работе служил руководством для всех партийных организаций.

Истории Симбирской организации РСДРП посвящено немало работ (В. Алексеева, В. В. Рябикова, Г. Н. Федорова, М. А. Гнутова, М. А. Бутаева и других авторов). В 1964 году вышли «Очерки истории Ульяновской организации КПСС». В этих работах нет специального исследования литературной жизни края, но они дают характеристику революционного движения в Симбирской губернии, что совершенно необходимо для изучения и понимания местной освободительной литературы. Мне приходилось уже писать о революционной литературе нашего края 900-х годов: «Литературный вечер Скитальца и первая демонстрация в Симбирске» (1955), «Песни борьбы» (1955), «Материалы Ульяновского архива о Горьком» (1956), «Письмо Горького Симбирской газете «Жизнь» (1957), «Горький и Симбирск» (1959). Изучение Государственного архива Ульяновской области и партийного архива Ульяновского обкома КПСС, тщательный просмотр периодической печати, знакомство с печатными и рукописными воспоминаниями революционных деятелей тех лет дало возможность выявить значительный дополнительный материал, характеризующий литературную жизнь края в годы первой русской революции.

Хронологические рамки настоящего обзора — 1905—1912 гг., но преимущественное внимание уделено литературе 1905—1907 гг., содействовавшей приобщению масс к революционной борьбе. Местная поэзия, созданная зачастую безымянными поэтами-самоучками, не отличалась высоким мастерством, но она носила ярко выраженный освободительный характер, воплощала идеи русской революционной поэзии XX века. Огромное благотворное влияние на местную освободительную поэзию оказывала литература, возглавляемая

Горьким, которая была доступна широким массам трудящихся и выполняла свое благородное дело воспитания гражданских чувств.

Симбирская организация РСДРП и тяготевшие к ней прогрессивные силы располагали прозаическими и поэтическими произведениями, поступавшими, по крайней мере, из четырех источников:

1. Поэтические произведения, статьи о литературе, которые печатались в «Искре», «Вперед», «Пролетарии», «Социал-демократе» и нелегально доставлялись в Симбирск. Обзор этой революционной поэзии дан в главе «Пламенный светоч» настоящего исследования.

2. Художественные произведения, находившиеся в Симбирской нелегальной большевистской библиотеке: сборники революционных песен — «Песни революции», «Перед рассветом», «Песни борьбы»; произведения Степняка-Кравчинского, Горького, Л. Толстого, А. Барыковой, Гауптмана.

Этой литературе мною посвящена глава «Бессмертное слово», рассказывающая не столько о нелегальной библиотеке, о которой достаточно полно говорит В. Рябиков, один из ее организаторов, сколько о библиотеке имени И. А. Гончарова, в которой уже к 1908 году были собраны произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова и других представителей марксизма. В ней же были сосредоточены произведения Горького и писателей, объединявшихся вокруг горьковского «Знания». После ликвидации нелегальной Симбирской библиотеки центром концентрации марксистской литературы и революционной поэзии стала библиотека имени И. А. Гончарова. Вероятно, это был легальный филиал Симбирской организации большевиков.

3. Сочинения Горького и Скитальца, с чьими именами была тесно связана литературная жизнь Симбирска тех лет. Об этом говорится в главах: «То кричит пророк победы...» и «Песни гусляра» настоящих очерков.

Вместе с тем в Симбирске развивалась литературная жизнь, определяемая также первой местной большевистской газетой «Наши дни». В ней сотрудничали поэты Изгнанник, Михаил Бродяга. К ним тяготел Путник. В эти же годы в Симбирске появилась книга стихов и басен М. Стоговского. Первые творческие шаги Александра Неверова были сделаны тоже в родном Симбирске.

4. Потаенная литература, возникшая в нашем крае в годы первой русской революции, а также в 1910—1912 гг. Этой вольной печати посвящены главы: «Песни борьбы», «Нелегальные юношеские журналы» и «Сызранский мартиролог литературы».

Характеризуя местное литературное движение как часть общерусской общественной жизни, мы связываем события не только с

деятельностью большевистской организации, но и вообще с демократическими силами края. В 1900 году В. И. Ленин писал в «Искре» о том, что «Заря» и «Искра» должны стать общедемократическими органами «в том смысле, чтобы мы выдвигали и обсуждали все демократические вопросы, не ограничиваясь одними узкопролетарскими вопросами, ...привлекали всех честных борцов против самодержавия, каких бы взглядов они ни были, к каким бы классам они ни принадлежали, привлекали их к поддержке рабочего класса, как единственной революционной и бесповоротно враждебной абсолютизму силы» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 332).

Ленинская установка на привлечение всех честных писателей — борцов против самодержавия — осуществлялась как в деятельности самой «Искры» и других центральных печатных органов искровского направления, так и в практике периферийных социал-демократических газет. Это определило привлечение в настоящих очерках книг Стоговского, Аркадьева, некоторых подпольных ученических изданий, местной периодической печати.

Предлагаемая вниманию читателей книга рассчитана на учителей-словесников, студентов, пропагандистов и краеведов.

Считаю своим приятным долгом поблагодарить старейшего архивного работника Н. Н. Смирнова, директора Ульяновского государственного архива А. Ф. Варламову, старшего библиографа Дворца книги имени В. И. Ленина Н. И. Никитину и краеведа-историка Г. Н. Федорова за их помощь, оказанную мне в работе над настоящими очерками.

Свободное слово, бессмертное слово,
Ты—пламенный светоч во мраке былого—
Ты в рабстве томилось в течение веков
На пытке, в темнице, под гнетом оков.
Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предав поруганью.
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, победно звуча...

О. Ч ю м и н а

БЕССМЕРТНОЕ СЛОВО

I

В ВОСПОМИНАНИЯХ одного из организаторов Симбирской большевистской группы В. В. Рябикова «Подпольная библиотека Симбирской социал-демократической организации большевиков в 1901—1906 гг.» рассказывается о том, как в Симбирске возникла нелегальная большевистская библиотека[1]. Ее возникновение Рябиков относит к концу 1901 года, когда в Симбирск стала поступать политическая литература от В. В. Орлова: брошюры, книги, сборники революционных песен...

В 1901 году Орлов учился в Казанском механико-техническом училище, а с осени 1902 года — в Саратовском среднетехническом промышленном училище, где с 1903 года стал членом социал-демократической организации учащихся. 10 марта 1904 года он был арестован за распространение нелегальной литературы и 19 марта выслан в Симбирск, по месту жительства, под особый надзор полиции. С возвращением Орлова в Симбирск связывается оформление руководящего ядра Симбирской группы РСДРП. В марте—июле 1904 года эта группа уже настолько заявила о себе, что была взята под наблюдение Симбирским губернским жандармским управлением[2].

Летом 1903 года из-за границы стала приходить в адрес отца Орлова «Искра». Отец, человек далекий от политической жизни, передавал получаемую газету сыну. «Искра» приходила в Симбирск по инициативе Казанской или Саратовской организации РСДРП, где Орлова знали как активного участника революционного движения.

Согласованная и заинтересованная деятельность Орлова и Рябикова дала свои плоды: в 1901—1903 гг., с получением ленинской «Искры», оформилась нелегальная библиотека в Симбирске. Дальнейшее пополнение библиотеки шло довольно успешно, особенно с лета 1904 года, когда Симбирская группа РСДРП по заданию ЦК партии стала получать и отправлять в города Поволжья и Урала нелегальную марксистскую литературу, издаваемую за границей. Это дало возможность пополнить Симбирскую библиотеку марксисткой литературой, ленинскими статьями. В ней было до 250 книг и брошюр. Создание библиотеки принесло новые формы работы: возник первый кружок для марксистского самообразования членов Симбирской группы РСДРП, были созданы отдельные библиотеки-читальни для рабочих, солдат и учащихся.

О составе Симбирской библиотеки можно судить по «Каталогу библиотеки», изданному Симбирской группой РСДРП в 1906 году; Рябиков, однако, предупреждает, что это «небольшая часть прежней нелегальной библиотеки»[3].

Значительное место в библиотеке занимали прокламации, политические брошюры, газеты, изданные Московским, Самарским, Казанским комитетами и Симбирской группой РСДРП. Среди книг, изданных центральными органами партии, были произведения Маркса и Энгельса: «Манифест Коммунистической партии», «Гражданская война во Франции», «Первый манифест 1864 г.», «Революция и контрреволюция». В «Воспоминаниях» В. Рябикова говорится о том, что им удалось достать первый том «Капитала» Маркса и «Эрфуртскую программу» Каутского[4]. Были в библиотеке также работы Плеханова «Новый поход против русских с-д», «На два фронта» и его знаменитый труд «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

В каталоге названы и отдельные работы В. И. Лени-

на: «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (1902), «К деревенской бедноте» (1903), «Задачи революционной молодежи» (1903), «Письмо в редакцию «Искры» (1903) и «Две тактики» (1905).

В брошюре «К деревенской бедноте» в простой и ясной форме излагались положения, легшие в основу аграрной части программы партии. В этой работе, как известно, дан глубокий анализ классовой борьбы в деревне и обоснована тактика большевистской партии по отношению к крестьянству.

«Письмо в редакцию «Искры», носящее название «Почему я вышел из редакции «Искры», написанное в 1903 году, было послано в редакцию после выхода в свет 50-го номера газеты, в котором была напечатана статья «Наш съезд», дающая «совершенно неверное освещение» разделения между «искровцами». Редакция газеты отказалась поместить «Письмо» в № 54 «Искры», и В. И. Ленин вынужден был напечатать его в типографии «Искры» отдельным листом. «Письмо в редакцию «Искры» разъясняло широким кругам партии и рабочим сущность разногласий, возникших на II съезде РСДРП.

В «Воспоминаниях» В. Рябикова сказано, что организаторы библиотеки «заимствовали» из общественной библиотеки имени И. А. Гончарова книгу В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»[5].

Значительное место в «Каталоге» Симбирской партийной библиотеки занимает раздел «Газеты и журналы С-Д». Это интересный во многих отношениях раздел. В библиотеке были газеты «Искра», «Вперед», «Пролетарий», а также некоторые другие периодические издания. Последних насчитывалось по одному-два номера, тогда как центральные большевистские газеты были представлены значительным количеством номеров. Ленинской «Искры», например, хранилось 27 номеров[6]. И это не случайно. Организатором и непосредственным идейным руководителем общерусской газеты «Искра» был В. И. Ленин. Эта газета играла исключительно важную роль в распространении творческого марксизма, в частности, учения Ленина о партии нового типа. Она была боевым органом большевиков.

Кроме «Искры», в Симбирской библиотеке был научно-политический журнал «Заря», издававшийся редакцией ленинской «Искры». В «Каталоге библиотеки» на-

звано также одиннадцать отдельных изданий «Искры» («Восстание в Одессе», «К солдатам», «В бой за свободу», «Суд над крестьянами» и др.).

О значении «Искры» говорил В. И. Ленин, характеризуя работу Второго съезда РСДРП. Главная задача съезда, подчеркивал он, заключалась «в создании *действительной* партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». (Полн. собр. соч., т. 8, стр. 193). Съезд принял Программу, разработанную «Искрой».

После того, как «Искра» стала органом меньшевиков (с № 52, ноябрь 1903 г.), В. И. Ленин вышел из ее редакции и в 1904 году создал новую большевистскую газету «Вперед». «Направление газеты «Вперед», — писал Владимир Ильич, — есть *направление старой «Искры»*. Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой» (Полн. собр. соч., т. 9, стр. 236).

Газета «Вперед» играла большую роль в борьбе с меньшевиками и в подготовке III съезда партии, закрепившего победу большевизма в организационных и тактических вопросах.

По решению III съезда создается Центральный орган РСДРП — «Пролетарий», главным редактором которого был утвержден В. И. Ленин. Газета выходила в Женеве с мая по ноябрь 1905 года. Вместе с Лениным в газете работали Луначарский, Ольминский, Воровский. Эта нелегальная большевистская газета продолжала традиции ленинской «Искры» и газеты «Вперед». «Пролетария» вышло 26 номеров, из них в Симбирской библиотеке были № 1, 4, 7, 10, 11, 12, 13.

В газетах «Искра», «Вперед» и «Пролетарий» было напечатано около 150 статей и заметок В. И. Ленина: в «Искре» — около пятидесяти, в газете «Вперед» — более сорока, в «Пролетарии» — свыше пятидесяти. Симбирские большевики и революционно настроенные рабочие читали такие статьи В. И. Ленина, как «Крепостники за работой», «Проект нового закона о стачках», «Самодержавие колеблется», «Рабочая и буржуазная демократия», «Петербургская стачка», «Извещение о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии», написанный Лениным Устав партии и другие. Читали они также ответ «Искры» фальсификаторам из

«Вестника русской революции» по поводу второго издания брошюры В. И. Ленина «Задачи русской социал-демократии».

Кроме того, в искровском журнале «Заря» (в библиотеке имелись 2—3 и 4 номера) были напечатаны ленинские работы: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Г. г. «критики» в аграрном вопросе. Очерк первый»[7]. Впоследствии этот очерк составит первые четыре главы работы В. И. Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса». В последнем номере журнала печатались: проект Программы партии, подготовленный редакциями «Искры» и «Зари», а также работа В. И. Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии».

Большевистские издания ориентировали местные партийные организации на использование ленинских работ, напечатанных в «Искре» и других органах. Так, в первом номере «Пролетария» (1905 г.) была опубликована «Программа для занятия с крестьянскими кружками». В разделе пособий к лекциям названы ленинские работы, напечатанные в «Заре» (№ 4) и «Искре» (№ 22, 23, 34, 35 и др.). В числе пособий указаны и отдельные ленинские работы: «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос», «К деревенской бедноте»[8].

В нелегальной Симбирской библиотеке, по свидетельству В. Рябикова, была и гениальная работа В. И. Ленина «Что делать?» (1901—1902 гг.), в которой дана разработка идеологических основ большевистской партии.

«Что делать?», — писал В. И. Ленин, — есть *сводка* искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов... Кто возьмет на себя труд ознакомиться с «Искрой» 1901 и 1902 годов, тот несомненно убедится в этом» (Полн. собр. соч., т. 16, стр. 101).

Ленин и его последователи — «искровцы» — одержали историческую победу на II съезде РСДРП, на котором была принята революционная программа, опубликованная в «Искре». Эта Программа партии, а также полный текст протоколов II съезда тоже имелись в нелегальной Симбирской библиотеке[9].

Как видим, Симбирская организация РСДРП располагала наиболее важными ленинскими, искровскими материалами, опубликованными в период борьбы за партию нового типа, и, следовательно, была в курсе обще-

партийной жизни. Это определяло деятельность местных большевиков.

О значении ленинской «Искры», сыгравшей огромную роль в борьбе за партию нового типа, хорошо сказал соратник В. И. Ленина — Г. М. Кржижановский. «Под ее знаменем, — писал он, — в России стали накапливаться те силы, которым впоследствии пришлось в небывалом историческом масштабе выявить всесокрушающую мощь ленинской тактики, ленинского «марксизма в действии»[10]. Такие силы накапливались и формировались под воздействием «Искры», могучего ленинского слова и в старом Симбирске.

II

Подпольная библиотека Симбирских большевиков была закрыта в сентябре 1906 года в период разгула черносотенной реакции. Местная организация РСДРП ушла в подполье, а «нелегальные книги..., — сообщает В. Рябиков, — были распределены по предприятиям среди партийцев, легальные — по профсоюзам, которые пока еще существовали». Во время арестов «отбирались книги из нелегальной библиотеки, но значительная часть их все же сохранилась на руках отдельных товарищей»[11].

Кроме подпольной библиотеки, в Симбирске имелся и легальный центр, в котором были собраны революционные художественные издания и марксистские труды. Речь идет о публичной городской библиотеке имени И. А. Гончарова. Царское правительство принимало меры к тому, чтобы книги революционных писателей не доходили до народа. От этих книг правительство «оберегало» библиотеки-читальни. В 1913 году в газете «Рабочая правда» была напечатана статья В. И. Ленина «Что можно сделать для народного образования», посвященная состоянию библиотечного дела в России. В. И. Ленин писал о том, что разные чиновничьи комиссии вырабатывали строгие правила, предназначенные охранять «наши богатые публичные библиотеки от улицы, от черни!» (Полн. собр. соч., т. 23, стр. 349).

Вокруг библиотек шла острая классовая борьба, их деятельность во многом зависела и определялась различными классово-политическими группировками. Возникновение публичной библиотеки в Симбирске было

связано с деятельностью передовых симбирских учителей. В 1891 году в Симбирске возникло «Общество по распространению народного образования», объединившее демократически настроенных ревнителей просвещения. Одним из первых шагов этого общества было открытие 17 (30) января 1893 года бесплатной народной библиотеки-читальни имени И. А. Гончарова. Инициаторами создания библиотеки были: учительница В. В. Кашкадамова — друг семьи Ульяновых, ученица и последовательница Ильи Николаевича Ульянова, с 1925 года — Герой Труда; М. Г. Медведева — заведующая фундаментальной библиотекой городских начальных училищ, с 1933 года — Герой Труда; учитель словесности Мариинской гимназии М. Ф. Суперанский — активный краевед и гончарововед, чьи исследования о Гончарове публиковались в центральной прогрессивной печати; учитель гимназии Д. Степанов и другие прогрессивные деятели народного образования.

Смерть И. А. Гончарова в 1891 году вызвала в их сердцах желание увековечить имя писателя путем создания народной библиотеки-читальни. В этом благородном деле они не были одиноки. Когда симбирский губернатор задержал открытие библиотеки, потребовав внесения в ее фонд 300 рублей, что было не под силу ее организаторам, — на помощь им пришли студенты. Они организовали платный концерт, и нужная сумма была собрана.

Библиотека-читальня имени И. А. Гончарова являлась первой бесплатной народной библиотекой в Российской провинции. Однако библиотека была поставлена в особые условия. Ей разрешалось иметь книги такого типа, как «Киевопечерская лавра»; сочинения Пушкина разрешалось иметь только в сокращенном «народном» издании; из сочинений Тургенева — «Записки охотника». В народную библиотеку не допускались сочинения Некрасова, Г. Успенского, Помяловского. В библиотеке-читальне имени И. А. Гончарова висел большой портрет писателя — подарок художника С. П. Жемчужникова, но в ней не было сочинений Гончарова. Разрешалось иметь лишь единственную книгу — «Фрегат «Паллада»[12].

Выход все же был найден. В том же здании в октябре 1899 года была открыта платная общественная библиотека, имевшая право на более широкое комплектова-

ние книг. «Совместное помещение обеих библиотек, — сообщает заведующая народной библиотекой-читальней М. Г. Медведева, — дало возможность нелегально выдавать книги из платной библиотеки читателям народной библиотеки». В платной библиотеке и были собраны в первое время литературно-критические произведения, связанные с именем И. А. Гончарова, а также революционная художественная и марксистская литература.

Собирание этих книг было делом далеко не простым. Правительственные библиотечные правила 1884 года запрещали даже для платных библиотек сочинения Добролюбова, Чернышевского, Писарева, а также журналы XIX в. — «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово».

В ноябре 1901 года, в сорокалетие со дня смерти Добролюбова, В. Короленко обратился в Полтавскую городскую управу с просьбой «возбудить в установленном порядке ходатайство об отмене изъятия, тяготеющего над полным собранием сочинений Добролюбова, и разрешении выдавать их подписчикам общественной библиотеки»[13]. Однако и в последующие годы сочинения Добролюбова оставались в запрете для общественных библиотек и читален. Только в 1907 году эти правила были отменены, и гонимые сочинения наконец получили доступ в публичные библиотеки.

Из сказанного видно, в каких условиях работали учителя-энтузиасты, сгруппировавшиеся вокруг библиотеки имени Гончарова и стремившиеся сделать достоянием «улицы» и «черни» передовую, прогрессивную и революционную книгу. И в этом деле они достигли значительных успехов. В 1908—1912 гг. в Симбирской библиотеке было пять комплектов собрания сочинений И. А. Гончарова (двенадцатитомное и девятитомное), из них три комплекта — в бесплатной народной библиотеке-читальне. Библиотека имела несколько полных собраний сочинений Белинского (изданий 1900, 1907, 1910, 1911 гг.), собрание сочинений Добролюбова (1862), Писарева (1905) и Чернышевского (1897, 1905)[14].

После разгрома революции реакция повела наступление и на прогрессивную литературу и искусство. Полиция и оголтелые реакционеры совершали налеты и производили обыски в библиотеках, изымали произведения Горького, Л. Толстого, Короленко, Писарева, Доб-

ролюбова. Так было повсеместно[15]. Но симбирские прогрессивные учителя продолжали собирание передовой революционной литературы. В библиотеке имени И. А. Гончарова в 1908—1912 гг. имелись произведения авторов, связанных в нашем представлении со свободным и бессмертным словом. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева жестоко и настойчиво преследовалось цензурой, правительством. Попытки издать эту книгу всегда пресекались. Она оставалась запретной до первой русской революции. Однако в Симбирской библиотеке эта книга была представлена девятью экземплярами изданий 1905 и 1907 гг. В библиотеке имелось два издания полного собрания сочинений Радищева (1907). Радищев — «рабства враг», чье имя В. И. Ленин, говоря о национальной гордости великороссов, поставил на первое место, — стал доступен читателю народной библиотеки имени И. А. Гончарова.

У прогрессивной общественности Симбирска был высок интерес к группе писателей, объединившихся вокруг Горького и издательства «Знание». В библиотеке имени Гончарова имелись все тридцать девять томов сборника «Знание», издававшегося в 1903—1912 гг.

По словам Горького, «Знаньевцы» — это «группа писателей, которая в трудное время дружно будила мысль демократической массы». Кроме этих сборников, пользовавшихся среди читателей огромной популярностью, в библиотеке были собрания сочинений многих передовых писателей, изданных книгоиздательством «Знание»: Горького (1901, 1902, 1903), Скитальца (1910), Л. Андреева (1901), Куприна (1904), Телешова (1908), Юшкевича (1903, 1908), Гусева-Оренбургского (1907) и др. Имелись также сочинения Короленко (1908), Серафимовича (1910), Вересаева (1903), Гарина (1908, 1909) и других писателей.

Таким образом, в библиотеке была представлена прогрессивная литература, связанная с революцией и свирепо преследовавшаяся правительством. Приведу только один пример, имеющий отношение к рассматриваемому вопросу. Согласно правилам о народных библиотеках, их деятельность контролировал губернатор. Просмотрев в 1912 году каталог библиотеки одного из уездов, архангельский губернатор составил список книг,

«кои не могли способствовать задачам народного просвещения», включив в него произведения Горького, Серафимовича, Телешова, Короленко, Куприна, Андреева, Скитальца, Гусева-Оренбургского. Как видим, в этот список вошли книги, широко представленные в Симбирской библиотеке. Архангельский губернатор пользовался «Списком книг, запрещенных к обращению в публичных библиотеках и читальнях», изданным правительством в секретном порядке. Этот список был, конечно, известен и в Симбирске, но его обходили, не считались с ним.

Деятельность библиотеки имени И. А. Гончарова далеко не ограничивалась тем, что она, вопреки правительственным распоряжениям, сумела включить в свой фонд произведения революционных демократов и писателей горьковского направления. В библиотеке была также собрана марксистская литература: произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Лафарга и др. И это особенно важно. Эти книги поступили сюда в основном в 1905 году, когда правительство вынуждено было сделать уступки, и нелегальные издания стали выходить легально и распространялись беспрепятственно.

Марксистская литература приобреталась не только по подписке. М. Медведева сообщает, что библиотека комплектовалась также за счет книг, собираемых у населения из частных библиотек. В библиотеке сохранились до наших дней книги К. Маркса и Ф. Энгельса («Нищета философии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Философия истории» и другие), поступившие от населения в дар библиотеке-читальне.

В связи с этим возникает интересный и важный вопрос о роли и значении частных библиотек в распространении нелегальной марксистской литературы в Симбирске. Вполне вероятно, что в библиотеку имени Гончарова могли поступить также книги из нелегальной библиотеки Симбирской организации РСДРП, оставшиеся на руках у некоторых ее читателей.

Однако вернемся к характеристике состава марксистских книг Симбирской публичной библиотеки. Привлекают внимание прежде всего работы Маркса и Энгельса[16]. «Капитал» Маркса, т. 1 в переводе Лопатина-Даниельсона, изданный в 1872 году Поляковым, близким к Чернышевскому человеком, — имелся в Симбирске

уже в восьмидесятых годах в Карамзинской библиотеке. Это издание «Капитала» в 1894 году было исключено из публичных библиотек, но в Симбирске книга все же сохранилась до наших дней и передана в Ульяновский Дом-музей В. И. Ленина. В библиотеке имени И. А. Гончарова был перевод «Капитала» 1898 года, а также все три тома «Капитала», изданные в 1907—1909 гг. под редакцией И. Степанова-Скворцова, известного литератора-марксиста, историка и экономиста. К этому изданию предполагалось привлечь В. И. Ленина, но он не смог принять участие, находясь за границей. Это первое русское партийное издание гениального труда Маркса.

Из других книг Маркса в библиотеке имелись «Нищета философии», в переводе С. Алексеева, изданное в 1905 году в Одессе, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», а также «Материалы к изучению истории Франции», изд. «Молот», Спб., 1905 г.

В библиотеке имени И. А. Гончарова мы находим и книги Ф. Энгельса: «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд. Ф. Павленкова, 1899 г., а также Киевское издание той же книги, 1899 г.; «Крестьянский вопрос во Франции», издание «Буревестника» (Одесса), 1905 г.; «К критике политической экономии», изд. «Молот», Спб., 1905 г. Были и другие труды Энгельса.

В библиотеке имелось также несколько экземпляров книги К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса», изданной в Одессе и Харькове в 1905 г. Книга эта, популяризирующая учение Маркса, была написана автором под непосредственным влиянием Энгельса и получила широкую известность. Она переводилась на многие языки мира, была известна и в России. В 1903 году В. Орлов прислал эту книгу из Саратова в Симбирск. В. Рябиков переписывал ее по ночам в течение месяца.

Из работ В. И. Ленина в библиотеке имелась его гениальная книга «Развитие капитализма в России», Спб., 1899 г. и второе ее издание 1908 года. Сохранилось два экземпляра этой книги, но мы знаем, что был и третий экземпляр. Его «зачитали» в 1901 году В. Орлов и В. Рябиков. Они пополнили этой книгой подпольную большевистскую библиотеку. Кстати сказать, этот факт

подтверждает, что марксистскую литературу публичная библиотека выдавала на руки учащимся.

В библиотеке была также известная марксистская работа Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1906). Эту книгу высоко оценил В. И. Ленин, отметив, что на ней воспиталось целое поколение марксистов. Из книг Плеханова имелся еще сборник литературных, экономических и философских статей «За двадцать лет». В сборнике были статьи о Белинском, Чернышевском, Некрасове.

Кроме названных марксистских трудов, в Симбирской народной библиотеке хранились работы П. Лафарга — близкого друга и ученика Маркса и Энгельса, А. Бебеля — виднейшего деятеля германской социал-демократии, горячего поборника марксизма, Клары Цеткин — выдающегося деятеля германского и международного рабочего движения, одного из основателей коммунистической партии в Германии. Были книги и других марксистов.

Нужно сказать, что названные марксистские работы издавались массовыми, дешевыми изданиями. О таких книгах В. И. Ленин писал: «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, толпой, «низами» так жадно, как никогда еще доселе не читали в России» (Полн. собр. соч., т. 22, стр. 83). Это стремление народа к знаниям, к книге было учтено организаторами Симбирской библиотеки имени Гончарова.

Несколько слов о периодической печати. Она была представлена не так богато. Назову только два журнала: «Образование» и «Новое слово». В 1903—1907 гг. вокруг журнала «Образование» группировались сотрудники-марксисты. В февральской книжке 1906 года были напечатаны V—IX главы работы В. И. Ленина «Аграрный вопрос» и его статья «Критики «Маркса». В этом журнале печатались также статьи Луначарского, Воровского («Коммунистический манифест» и его судьба в России»), Степанова-Скворцова и др.

В журнале «Новое слово» были опубликованы работы: В. И. Ленина «К характеристике экономического романтизма» (1897 г., № 7, 10); Плеханова «Судьба русской критики» и «О материалистическом понимании истории» (1897 г., № 9); Энгельса «Закон ценности и

уровень прибыли» (Послесловие к т. III «Капитала») (1897 г., сентябрь); П. Лафарга «Карл Маркс» (1897 г., август) и др.

Из сказанного видно, что в Симбирской библиотеке имени И. А. Гончарова в 1908—1912 гг. была сосредоточена богатая марксистская и революционная художественная литература. Надо сказать, что по своему составу она богаче Симбирской нелегальной библиотеки. Правда, в публичной библиотеке не было партийных изданий газет и журналов социал-демократов. Во всяком случае, они не названы в «Каталогах» 1908 и 1912 гг.

Наличие в библиотеке имени Гончарова богатой марксистской и революционной художественной литературы это не проявление читательской «всеядности» симбиряк, объединявшихся вокруг библиотеки. Марксистскую и революционную литературу они не только собирали, но и оберегали. Собрана она была в период первой революции, но ее сохранили и в годы реакции.

Черносотенные погромы, поиски жандармами во время обысков запрещенной литературы, разгром Симбирской большевистской организации, аресты, ссылки, смертная казнь, прекращение деятельности Симбирской нелегальной библиотеки — все это факты из жизни старого Симбирска после поражения первой русской революции. И они, несомненно, были известны М. Медведевой, В. Кашкадамовой, Степанову и другим прогрессивным деятелям, объединившимся вокруг библиотеки имени И. А. Гончарова. И если все же в библиотеке и в 1908—1912 гг. имелись книги Маркса, Энгельса, Ленина, Бебеля, Каутского, Горького, Серафимовича и многих других представителей свободного слова, преследуемого, гонимого правительством, жандармами,— то это могло быть только потому, что свободное слово, дорогое живому сердцу, оберегалось от рук палачей.

Его сберегли. Бессмертное слово не смолкало, оно призывно звучало в старом Симбирске и после разгрома первой русской революции.

ПЛАМЕННЫЙ СВЕТОЧ

В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ печати значительное внимание уделялось литературе, как средству пропаганды и революционного сплочения масс. В июле 1902 года в «Искре» была опубликована прокламация «Союза свободных художников», призывающая писателей защищать интересы демократии. В январе следующего года та же газета опубликовала статью «О постановке пропаганды в кружках», в которой рекомендовалось широко пользоваться художественной литературой в пропагандистской работе партийных организаций. Речь шла не только о классической литературе, но также о нелегальной литературе. В ноябре 1905 года в «Новой жизни» была опубликована статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» — манифест партии по вопросам литературы. В старой «Искре», в газетах «Вперед» и «Пролетарий», в соответствии с установками партии, значительное внимание уделялось вопросам культуры и литературы.

Симбирская группа РСДРП не являлась исключением: в своей работе она тоже уделяла много внимания вопросам литературы, использовала ее в пропагандистской работе. Какими же возможностями располагала в этом отношении Симбирская группа РСДРП?

Каталог нелегальной библиотеки, изданный в 1906 году, воспоминания старых большевиков, периодическая литература тех лет, а также материалы Ульяновских архивов дают возможность ответить на этот вопрос.

Можно назвать, мне кажется, четыре литературных источника, которыми пользовались симбирские большевики:

1. Литературные произведения, напечатанные в «Иск-

ре», «Вперед», «Пролетарии» и «Социал-демократе» (в тех номерах, которые имелись в Симбирской нелегальной библиотеке).

2. Отдельные издания художественных произведений Л. Толстого, Горького, В. Либкнехта, Гауптмана, Степняка-Кравчинского, а также ряд сборников революционной поэзии, имевшихся в нелегальной библиотеке.

3. Литература, изданная в Симбирске («По поводу» Горького, «Песни революции», стихи Бродяги и Путника, «Студенческий сборник», книги М. Стоговского и Е. Аркадьева и др.).

4. Нелегальная печатная и рукописная литература (Революционные гимны, «Корабль-скиталец», «Разрушенный мол», «Исповедь», юношеские нелегальные журналы и др.).

В настоящей главе будет дана характеристика литературы первых двух источников, в последующих — характеристика остальных.

1

В номерах «Искры», находившихся в Симбирской нелегальной библиотеке*, были статьи и сообщения о Горьком и Л. Толстом, о литературно-критической деятельности Добролюбова и Плеханова. Из этих авторов особое внимание «Искра» уделяла Горькому.

12 апреля 1901 года А. М. Горький был арестован в Нижнем Новгороде по обвинению в «противоправительственной пропаганде», а в ноябре того же года выслан из города. В Нижнем Новгороде и в Москве состоялись демонстрации протеста. «Искра» печатает статьи и сообщения в защиту пролетарского писателя. В статье «Начало демонстраций» она дает подробный обзор событий в Новгороде, связанных с высылкой Горького, описывает демонстрации и митинги, состоявшиеся в городе. Газета приводит гектографированную прокламацию, распространявшуюся на митинге. В ней говорилось: «Мы собрались здесь проводить знаменитого, любимого писателя М. Горького и выразить наше крайнее негодо-

* В дальнейшем будут рассматриваться и характеризоваться только те издания и номера газет, которые имелись в Симбирской нелегальной библиотеке.

вание по поводу того, что его высылают из родного города... У нас бьют нагайками студентов, которые заступаются за простой народ, бьют рабочих, которые хотят улучшить свое положение. У нас преследуют писателей, которые говорят правду и обличают начальство. Мы хотим и будем бороться против таких порядков!»[1].

В «Искре» сообщалось и о других правительственных репрессиях против писателя. В частности, о скандальной отмене выборов Горького в почетные члены Академии наук. Основного номера «Искры» со статьей «Несчастный случай с Академией наук» (1902, № 19) в Симбирской библиотеке не было, но имелась статья «Юбилейное холопство», напечатанная по этому поводу в «Искре» 1 февраля 1903 года.

«Искра» не только высоко оценивала писательский талант Горького, но и связывала его творческую деятельность с революционной борьбой против самодержавия.

Познакомиться же с произведениями Горького и его соратников симбирскому читателю было не так сложно: они имелись в библиотеке имени И. А. Гончарова. Быть может, приобретение произведений Горького названной библиотекой проходило под влиянием «искровской» пропаганды.

В «искровских» газетах есть и конкретные произведения пролетарской художественной литературы тех лет: «На событие 9 января», «Корабль-скиталец» В. В. Воровского, «К юбилею 9 января» А. А. Луначарского[2].

Стихотворение в прозе В. В. Воровского «Корабль-скиталец» было напечатано в «Пролетарии» 2 августа 1905 года. В том же году оно появилось в потаенной литературе в Симбирске. Произведение было издано Казанским комитетом РСДРП в ноябре 1905 года[3].

Буржуазной легенде о корабле-призраке — летучем голландце, порожденном фантазией буржуазии, «когда мрак первоначального накопления озарился приветливым блеском американского золота», — Воровский противопоставил пролетарскую легенду о «Корабле-скитальце». Этот корабль не призрак, не порождение неспокойной совести. Нет, это могучий броненосец, полный боевой отваги, гордо поднявший на свободной стихии красное знамя свободы. Он рожден «смелой мыслью и страстной жаждой свободы».

Корабль-призрак старой буржуазной легенды мог найти искупление в гибели. Только так он мог выполнить свою задачу — снять «гору преступлений и злодеяний, давившую совесть рыцарей наживы. В таинственной глубине моря должны были исчезнуть пропитанные кровью и слезами преступные воспоминания». Корабль-скиталец русской революции, напротив, выполнит свою задачу, только победив, только одержав верх в борьбе. «Море вольнолюбиво, оно не будет могилой надежд революции... Корабль-скиталец русской революции — он жив, он цел. Грозной громадой надвигается он на врага, зловеще сверкают жерла пушек, жаждой боя сгорает команда, а высоко в воздухе радостно бьется и трепещет красное знамя свободы», — такими словами заканчивается это стихотворение в прозе.

Броненосец «Потемкин», совершивший легендарный подвиг и поднявший Красное знамя свободы, стал символом русской революции.

Стихотворение А. Луначарского «К юбилею 9 января» относится к произведениям революционной поэзии 1905—1907 гг., связанной с вооруженными битвами пролетариата. В этих произведениях царизм характеризуется как злейший враг народа и утверждается, что только пролетариат способен довести борьбу до конца и привести народные массы к социализму.

Преображенный и возмужавший лирический герой стихотворения Луначарского, свидетель гибели своего отца под пулями царских палачей, утверждает:

Не псалмы мы будем петь,
А марсельезу грянем:
Социализм наш идеал.
И мы его достанем!..
Оставим небо воробьям,
А землю завоюем
И на развалинах темниц
Толпами заликуем.
И падших братьев помянем,
Отцов, в бою сраженных,
И им колонну отольем
Из пушек побежденных![4].

В газетах искровского направления печатались не только революционные романтические произведения, но

и сатирические. К произведениям политической сатиры относится стихотворение «В погоне за миллионами». Оно было напечатано в иллюстрированном приложении к «Искре» и сопровождалось серией карикатур. В стихотворении рассказывалось о пышной поездке Николая II во Францию за займом. Необходимость займа объясняется так:

Каторги, тюрьмы, казармы,
Пушки, казаки, жандармы,
Рать полицейских, шпионов...
Много нам нужно миллионов.

Сатира с предельной ясностью раскрывает политический смысл этой поездки «за миллионами»:

И он вернется к нам с набитою мошною,
Богопомазанный, порфироносный шут.
И снова засвистит над бедною страною
В руке державной подлый кнут[5].

Кроме рассмотренных художественных произведений, нужно назвать также произведения, напечатанные в «Социал-демократе», издававшемся в 1904—1905 гг. в Женеве. В Симбирской библиотеке было двенадцать номеров газеты, из шестнадцати вышедших за указанные два года. Называю наиболее интересные произведения, напечатанные в этих двенадцати номерах: «Призыв» (Нас много, нас много... Вставайте же, братья!..), «Машинушка» (За годами года проходили чредой...), «Девятое января» (Братья, в ком сердце застыть не успело...), «Смерть революционера» (Он долго томился в изгнаньи, вдали...), «Последний царь» (Залита кровью Русь святая...)[6]. Эти стихотворения, созданные неизвестными авторами, были широко распространены в подпольной революционной литературе.

К этому надо добавить, что в распоряжении симбирских большевиков были не только тексты вольной русской поэзии, напечатанные в нелегальной русской периодике, но и специальные сборники революционной поэзии («Песни борьбы», «Песни революции», «Перед рассветом» и др.)[7].

II

Из поэтических и драматических произведений в Симбирской нелегальной библиотеке имелись произведения Степняка-Кравчинского, В. Либкнехта, Гауптмана, Барыковой, Л. Толстого, Горького.

С. М. Степняк-Кравчинский (1851—1895) был одним из ярких представителей блестящей плеяды революционеров 70-х годов. Вся его жизнь посвящена решительной и бесстрашной борьбе с самодержавием. Эмигрировав за границу после дерзкого убийства шефа жандармов Мезенцева в 1878 году, Кравчинский создает ряд художественных произведений: «Подпольная Россия», «Россия под царями» (на английском языке), «Андрей Кожухов», «Домик на Волге», «Штундист Павел Руденко». Эти произведения написаны талантливой рукой истинного художника.

Герои-семидесятники были сродни самому писателю, они — его соратники. Их жизнь, нравы, мечты Кравчинский знал глубоко и всесторонне. Степняк-Кравчинский был связан с членами группы «Освобождение труда», близко познакомился с Энгельсом. В 1889 году Степняк представлял революционную Россию на международном социалистическом рабочем конгрессе, созванном по инициативе Энгельса и его друзей. Дочь К. Маркса Элеонора стилистически обрабатывала его «Андрея Кожухова», издававшегося на английском языке; она же выступила на могиле Кравчинского с прощальной речью о друге. В 1893 году Степняк-Кравчинский заявил в «Подпольной России»: «Терроризм, как система, отжил свой век и воскресить его невозможно». Такое заявление видного народника весьма замечательно и делает ему честь.

Отношение деятелей русского социал-демократического движения к Степняку-Кравчинскому характеризует такой факт. В конце 1888 года Плеханов обратился к Кравчинскому с предложением совместно написать и издать книжку под названием «Правительство и литература в России». По замыслу Плеханова это должен быть «мартиролог русской литературы, начиная с Новикова и Радищева». Цель книжки: «Европа, восхищающаяся теперь русской беллетристикой, понятия не имеет

о том, в каких ужасных условиях находится наша литература»[8].

Как писатель С. М. Кравчинский служил делу революции. Его правдивые произведения печатались в подпольных типографиях РСДРП и распространялись нелегально. В Симбирской нелегальной библиотеке были его «Подпольная Россия» и «Домик на Волге».

«Подпольная Россия» — книга очерков о выдающихся революционерах 70-х годов. Печатались эти очерки в 1881—1882 гг. в одной Миланской газете, а весной 1882 года вышли отдельной книгой на итальянском языке. Книга получила широкое признание: она переведена почти на все европейские языки. В России в том же году появились отдельные отрывки из книги, изданные литографическим способом и только в 1893 году «Подпольная Россия» была издана на русском языке в Лондоне. И. Тургенев, Л. Толстой, М. Твен, Лили Буль (Э. Войнич) и другие писатели с мировым именем с уважением и интересом отнеслись к ниге Кравчинского. В Симбирской библиотеке «Подпольная Россия» была в отрывках, т. е. в литографическом издании 1882 года. Особенно привлекает внимание раздел этой книги «Революционные профили», в котором автор стремится «ввести читателя во внутреннюю жизнь подпольной России, познакомить его с несколькими из этих грозных людей, которые столько раз приводили в трепет того, перед кем все дрожит»[9]. Дальше следуют очерки о Якове Стефановиче, бесстрашном Валериане Осинском, легендарных Вере Засулич и Софье Перовской и о других революционных деятелях семидесятых годов. Не менее интересен раздел этой книги «Очерки из жизни революционеров», повествующий о «Московском подкопе», тайной типографии и о других эпизодах из жизни революционеров-семидесятников. Эти очерки — поэтизация подвига.

Симбирские большевики не случайно включили эту книгу в свою библиотеку. Как уже говорилось выше, в первом номере «Пролетария» в 1905 году была напечатана «Программа для занятий с крестьянскими кружками» с сопроводительной заметкой В. И. Ленина. Среди пособий, рекомендованных для работы над опубликованной программой, названа также «Подпольная Россия» Степняка-Кравчинского[10].

Повесть «Домик на Волге» написана в последние го-

ды жизни автора, а опубликована в 1906 году. Герой повести Владимир Волгин, бежав с риском для жизни от жандармов, конвоировавших его в тюрьму, волей случая становится невольным гостем в белом домике на крутом волжском берегу. Спасшая его девушка Катя, оказывается сестрой друга Волгина, томившегося в тюрьме, а затем в Сибири. Владимир открывает перед девушкой «новый, неведомый, волшебный мир». С горячим увлечением он говорит девушке о призвании революционера, живущего днем и ночью одной думой — думой о народе. Катя увлечена этим новым миром и уходит в революцию, к брату, чтобы «положить душу за народ». «Мирное гнездо было разрушено. Но в рядах борцов за мир и счастье миллионов других гнезд прибавилось одним человеком», — такими словами заканчивается повесть.

Произведения Степняка-Кравчинского, распространявшиеся в России нелегально, пользовались значительным успехом, способствуя формированию русских революционеров, воспевая величие и романтику их подвига.

Симбирский демократически настроенный читатель также мог пользоваться книгами «всегда атакующего» царизм писателя-революционера. В библиотеке имени И. А. Гончарова уже в 1906—1907 гг. имелись произведения Степняка-Кравчинского: «Подпольная Россия», изд. 2-е, «Светоч». Спб., 1906, «Домик на Волге», Спб., 1906 и «Штундист Павел Руденко», Спб., 1906[11].

Из произведений В. Либкнехта в Симбирской нелегальной библиотеке была брошюра «Пауки и Мухи». Вильгельм Либкнехт — один из основателей Германской социал-демократической партии, близкий друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. В. И. Ленин писал, что имя В. Либкнехта неразрывно связано с историей немецкого рабочего движения.

«Пауки и Мухи» — популяризаторское произведение. «Пауки, — пишет В. Либкнехт, — это господа, богачи, эксплуататоры, спекулянты, капиталисты, совратители, высшее духовенство, всякого рода тунеядцы, все те, кому выгоден произвол, от которого мы стонем, находящиеся у власти заправилы, которые принимают дурные законы, подавляющие нас; тираны, которые превращают нас в рабов. Пауки это все те, кто живет на наш, на народный счет, кто попирает нас ногами, кто с презре-

нием относится к нашим страданиям и издевается над нашими напрасными усилиями, над нашим трудом»[12].

В таком духе дается обличение «мерзких чудовищ», «жестоких и кровожадных пауков» — крупных фабрикантов, сосущих кровь своей жертвы — рабочих; многоземельных магнатов, сосущих кровь батраков и поденщиков; попов и монахов, этих «носителей черных подрясников, с лживыми и жадными глазами». Автор призывает: «Разобьем сковывающие нас цепи, прогоним наших врагов из их логовищ, прольем всюду свет, яркий свет просвещения, чтобы грязная нечисть не могла продолжать в темноте свое преступное дело!».

Брошюра В. Либкнехта, написанная ярко и эмоционально, говорила о классовых врагах и о социальной борьбе. В России она была издана в 1905 году в Москве издательством «Искра», во главе которого стоял рабочий поэт-революционер Ф. Шкулев. Брошюра немедленно же поступила в большевистские библиотеки. Распространилась она, можно сказать, повсеместно, в том числе и в Симбирске, способствуя развитию классового самосознания рабочих и крестьян.

Симбирские большевики использовали это произведение в своей пропагандистской работе. У М. А. Гимова была отобрана при первом аресте брошюра «Пауки и Мухи», изд. «Молот». В своих показаниях он утверждал, что «Купил ее за копейку на митинге 2 февраля 1906 года в Губернской земской управе у какого-то студента». Жандармы поверили. По-видимому, это было им не в диковинку.

Особый интерес представляет пьеса видного немецкого драматурга Г. Гауптмана «Ткачи», также входившая в состав Симбирской подпольной библиотеки. Пьеса «Ткачи» была написана в 1892 году и в том же году поставлена обществом «Свободная сцена», а в 1894 году, преодолев запрет полиции, — на сцене Немецкого театра. Император Вильгельм II демонстративно отказался от своей ложи в этом театре, в знак протеста против постановки «Ткачей».

Л. Н. Толстой был восхищен драмой и готовил предисловие к ней. Для Франца Меринга, писавшего рецензию на постановку пьесы в Немецком театре, «Ткачи» были пьесой «революционной по духу и новаторской по форме».

«Ткачи» посвящены силезскому восстанию немецких рабочих в 1844 году, о котором Маркс говорил, что в этом восстании «осознается сущность пролетариата». В пьесе привлекает внимание острота и непримиримость социального конфликта рабочих с фабрикантами, которых поддерживает полиция и церковь. Героем драмы является пролетариат. Заканчивая пьесу победой рабочих, драматург не только опоэтизировал восставших, но и призывал крепнущий пролетариат к новым победоносным классовым боям. В этом — социальная острота и актуальность драмы. Такого изображения рабочего класса, победоносно восставшего, — не было еще в немецкой драматургии.

«Ткачи» не только вошли в прогрессивную немецкую литературу, но и приобрели мировую известность. Заметил это произведение и русские большевики, включив его в свой идейный арсенал революционной борьбы. А. И. Ульянова-Елизарова, старшая сестра Владимира Ильича, писала в 1935 году в своем «Кратком рассказе о жизни»: «Осенью 93 года перебралась в Москву... завязала связь с рабочим кружком Мицкевича и помогала ему, а после его ареста — кружку финна Чорбы. Я перевела с немецкого «Ткачей» Гауптмана, которые были изданы на гектографе и читались среди рабочих Москвы и близких провинций»[13].

«Ткачи» в переводе А. И. Ульяновой были изданы на гектографе членами «Московского рабочего союза» в 1895 году. В том же году драма была издана Петербургской (Лахтинской) подпольной типографией под редакцией В. И. Ленина. Владимир Ильич настоял на издании «Ткачей» отдельной книгой. Бонч-Бруевич в своих «Воспоминаниях» утверждает, что это единственное художественное произведение, редактированное В. И. Лениным[14].

В 1902 году в Женеве и Лондоне вышло два издания «Ткачей», осуществленных социал-демократической организацией «Жизнь». Эти издания вышли также в переводе А. И. Ульяновой[15].

Как видим, пьеса Гауптмана получила в России широкое признание. Она вошла в нелегальные библиотеки революционных организаций. Прославленные «Ткачи» Гауптмана пользовались большим успехом и среди симбирских рабочих. В Симбирской подпольной библиотеке,

по-видимому, было петербургское (лахтинское) издание «Ткачей». Кроме того, в библиотеке имени И. А. Гончарова, по крайней мере с 1907 года, имелось трехтомное собрание сочинений Г. Гауптмана, во втором томе которого была напечатана драма «Ткачи». Это издание вышло в 1905 году в Москве (издание С. Скирмунта) в переводе с немецкого, под редакцией К. Бальмонта. Фамилия этого поэта-символиста не должна удивлять. Под влиянием революционного подъема К. Бальмонт в эти годы поднялся, однако ненадолго, до революционной темы. Его произведения встречаются в революционных сборниках тех лет. Так, в сборнике «Под красным знаменем» (1906) напечатано стихотворение К. Бальмонта «Кто не верит в победу сознательных, смелых рабочих».

Таким образом, симбирский читатель имел возможность легально и нелегально ознакомиться с великолепным произведением Г. Гауптмана, воспевшим революционную борьбу пролетариата.

В Симбирске распространялось также стихотворение Гейне «Силезские ткачи» как песня с нотами, под названием «Ткачи»[16]. Переработанный текст песни был напечатан и издан в 1905—1906 гг. в Москве, но с сокращением второй строфы (Проклятье богу, перед кем мы с мольбою...). Выразительны строфы песни:

Глаза их сухие не блещут слезами;
Сидят у станков, скрежещут зубами:
Родина! Саван тебе мы соткем,
В него мы проклятье тройное вплетем!
Мы ткем, неустанно мы ткем!
Проклятье ему, королю всех счастливых!
Не жаль ему нас, батраков терпеливых;
Последнее он отнимает у нас,
— «Стрелять по собакам!» — он отдал приказ!..

Песня Гейне перекликалась с русскими событиями 9 января, с царским и треповским приказом: «Патронов не жалеть!» и звучала как песня не только немецких, но и русских рабочих, призванных историей похоронить царизм.

Особое место среди нелегальной литературы занимали сказочные произведения. «Сказка о том, как царь

Ахреян ходил богу жаловаться» А. П. Барыковой широко использовалась еще в XIX веке как средство революционной пропаганды в крестьянской среде. В. С. Курочкин написал сказку «Принц Лутоня», С. А. Басов-Верхоянцев — сатирическую сказку «Конек-скакунок». Наиболее популярно последнее сказочное произведение, имевшееся и в Симбирске.

Ее автор С. Басов-Верхоянцев был профессиональным революционеров, прошедшим путь от народника до большевика. Около двенадцати лет он провел в тюрьмах и ссылках. В эти годы им написан ряд произведений, направленных против царизма. Самое популярное его произведение, сатирическая сказка «Конек-скакунок», впервые было опубликовано в 1906 году. Сказка сразу же привлекла внимание читателя, в короткое время разошлась полумиллионным тиражом. Когда С. Басов написал в 1907 году памфлет на царствующий дом «Дедушка Тарас», то за поимку автора «Конька-скакунка» правительство назначило награду в шесть тысяч рублей. Провокатор Азеф говорил о нем: «Вот живые деньги ходят».

«Конек-скакунок» написан как подражание «Коньку-горбунку» П. П. Ершова, современника Пушкина. Это революционная сказка, предназначенная для самых широких кругов читателей, для рабочих, солдат и крестьян.

Сам автор в 1935 году в предисловии к советскому изданию своей знаменитой сказки так определил ее значение: «Конек-скакунок» — сказка-памфлет, родившийся за 11 лет до Октября. Его назначением было: революционно воздействовать на крестьянские массы, поднять их на новое восстание, на поддержку борьбы пролетариата против дворянско-буржуазного строя»[17].

«Конек-скакунок» был острой и боевой прокламацией в стихах, призывающей в доступной сказочной форме к революционному восстанию. Поэтому для правительства она была «крамольной сказкой». Преследовались не только автор и его произведение, но к судебной ответственности привлекались и те, кто читал сказку. В 1910 году такой процесс состоялся в Омске.

Симбирские жандармы изъяли «Конька-скакунка» в 1913 году на городской железнодорожной станции[18].

Следует подробнее остановиться и на сказочном произведении Барыковой. Ее сказка про царя Ахреяна не

исключение, а одно из проявлений широкой сказочной традиции в вольной русской литературе. А. П. Барыкова (1839—1893) — поэтесса 70—80-х годов, чьи произведения появлялись в «Отечественных записках», «Русском богатстве». Она — автор запрещенной в 1881 году «Песни торжествующей свиньи», в которой, по мнению цензора, ее запретившего, «высказываются с откровенным цинизмом гражданские задачи.., стремление к революционной пропаганде»[19].

«Ахреян» Барыковой пользовался широкой известностью. Эта сказка впервые была издана анонимно в 1883 году типографией «Народной воли» в Петербурге. А затем последовали многочисленные заграничные издания в Лондоне, Женеве, Париже, Берлине, а также многочисленные списки сказки. Однако имя поэтессы не называлось в этих изданиях и списках. Сказка приписывалась А. Толстому, Кузьме Пруткову, П. Ф. Якубовичу. Только в 1902 году в Лондоне впервые была издана библиотекой «Жизнь» сказка про царя Ахреяна с указанием, что автором ее является А. П. Барыкова. Вот это-то лондонское издание и было в библиотеке симбирских большевиков.

Читатели тех лет узнавали в Ахреяне Ахреяновиче царствующего Александра III. Уже в самом зачине сказки указано, для кого она написана:

Ой ты гой еси, голь перекатная,
Перекатная голь, непокрытая!
Для тебя моя сказка сложилася,
Чтоб и ты, голытьба, распотешилась
Да сквозь слезы свои вековечные
Хоть разок от души рассмеялася!..

Дальше идет сказ о том, как царь Ахреян «недоумочек» «прохлаждается» с полюбовницей Кривдою проклятою, с опричиной подлой, с князьями-боярами глупыми, с завидущим поповским отродьем; рассказывается о борьбе Правды с Кривдою. Сказка заканчивается «славой» Правде-матушке и вольной воле, народу свободному[20].

Сказка об Ахреяне использовалась симбирскими пропагандистами в работе с крестьянами.

Таковы прозаические и драматические произведения,

распространявшиеся симбирскими большевиками. В нелегальных библиотеках других городов (Уфы, Кенгура, Миньяра и др.) были произведения Пушкина, Л. Толстого, Лермонтова, Горького и других классиков русской литературы. В Симбирске в этом не было такой необходимости при наличии богатой специально подобранной библиотеки имени И. А. Гончарова.

* * *

В большевистских газетах 1905—1907 гг. значительное внимание уделялось классическому литературному наследству. В. И. Ленин с радостью отмечал, что настает то «желанное времечко», когда «мужик» начинает читать Белинского и Гоголя, да и самого автора поэмы «Кому на Руси жить хорошо», мечтавшего об этом «времечке».

Большевистские газеты «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Социал-демократ» публиковали статьи, посвященные творчеству классиков русской литературы, «растолковывая» их рабочему читателю и приобщая тем самым великих гуманистов к пролетарской борьбе за народное счастье. Кроме этих газетных статей, в распоряжении Симбирской организации РСДРП были работы В. И. Ленина, Плеханова, литературно-критические и публицистические статьи из социал-демократической печати о Добролюбове, Каронине, Л. Толстом. В этих работах глубоко и принципиально разрешался вопрос о классиках литературы. В книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», например, вдумчивый читатель находил ссылки на писателей-реалистов, яркие иллюстрации из их произведений, в которых правдиво повествуется о «раздавленных людях» на капиталистических заводах и в пореформенной деревне. В этой работе В. И. Ленин использует, в частности, очерк В. Вересаева «Лизар», рассказ Мамина-Сибиряка «Бойцы», «Деревенский дневник» Г. Успенского.

Приведу высказывания В. И. Ленина о творчестве Мамина-Сибиряка: «В произведениях этого писателя рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интелли-

генции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России». (Полн. собр. соч., т. 3, стр. 488). Прочитав такую характеристику бытописателя Урала Мамина-Сибиряка, а также ссылки В. И. Ленина на Вересаева и Г. Успенского, читатель, естественно, был в известной мере уже подготовлен к чтению указанных произведений. Книги этих писателей находились и в библиотеке имени И. А. Гончарова. Здесь хранились пятитомное собрание сочинений Вересаева, изданное в 1901—1903 гг. (во втором томе был напечатан очерк «Лизар»), шеститомное собрание сочинений Г. Успенского, многочисленные петербургские и московские издания Мамина-Сибиряка за 1896—1904 годы: «Золото», «Приваловские миллионы», уральские рассказы («Бойцы», «Золотуха») и другие.

В работе В. И. Ленина «Что делать?» дано определение всемирного значения русской литературы и ее роли в третий период освободительной борьбы в России, названы предшественники русской социал-демократии: Герцен, Белинский, Чернышевский «и блестящая плеяда революционеров 70-х годов». Ленинские слова о них и о русской литературе пронизаны глубоким чувством патриотической гордости за лучших представителей русской культуры, за литературу, органически связанную с революционным движением, за Россию, которая стала центром мирового пролетарского движения. Сочинения Герцена, Белинского, Чернышевского и Писарева, как мы знаем, также были в библиотеке имени И. А. Гончарова.

Как видим, в названных работах В. И. Ленина дана оценка творчества писателей и литературных критиков, представлявших цвет русской литературы.

Работы и статьи Плеханова в социал-демократических газетах расширяли этот список славных имен, связывая творчество прогрессивных писателей с задачами и борьбой освободительного движения. У симбирян была брошюра Г. Плеханова «Н. А. Некрасов», изданная в 1903 году в городе Женеве «Заграничной лигой русских революционных социал-демократов». В день 25-летия смерти Н. А. Некрасова, десятого января 1903 года, Плеханов выступил на русском собрании в Женеве с докладом «Народ и интеллигенция в поэзии Некрасова». Доклад этот обрабатывался Плехановым

для «Искры», но объем оказался слишком большим и по совету товарищей-искровцев было решено издать его отдельной книжкой. Автор посвятил ее Донскому комитету РСДРП, «руководившему одним из самых замечательных проявлений освободительной борьбы русского пролетариата». В этом посвящении речь идет о нелегальной издательской деятельности комитета, в частности, об издании революционной художественной литературы.

Для Плеханова Николай Алексеевич Некрасов — представитель революционно-демократического этапа в поэзии. Как поэт — он «выразитель целой эпохи нашего общественного развития» (от выступления разночинца до появления на исторической арене пролетариата). Поэзия Некрасова «посвящена изображению народного горя», она — «революционная поэзия». Плеханов выделяет такие стихи Некрасова, как «Размышления у парадного подъезда», «Поэт и гражданин», «Родина», «Железная дорога», «На Волге» и некоторые другие произведения поэта, раскрывающие сознание и убеждение гражданина, не могущего «глядеть спокойно на горе матери родной». Плеханов решительно выступает против утверждения Л. Н. Толстого о Некрасове, как о поэте, «совершенно лишенном поэтического дара», объясняя такое ошибочное утверждение тем, что «ему (Толстому. — **П. Б.**) вообще совершенно чуждо все настроение некрасовской музы». Плеханов подчеркивает, что с появлением пролетариата пришла новая эпоха, которая «выдвинет нового поэта — поэта пролетариев»[21].

Выступление Плеханова, таким образом, определяло значение Некрасова, как поэта разночинцев и устанавливало связь его поэзии с новым этапом — пролетарским. Эта характеристика была дана в духе ленинской оценки творчества Некрасова. Поэтому не случайно указанная работа Плеханова готовилась для старой «Искры».

С Некрасовым органически связано имя другого видного представителя революционных демократов — Н. А. Добролюбова. В защиту этого революционного деятеля и литературного критика активно выступала «Искра». И вот в связи с какими обстоятельствами. В 1901 году исполнилось 40-летие со дня смерти Добро-

любова. «Московские ведомости» и другие буржуазные газеты отметили эту дату постыдными ругательствами. Московский генерал-губернатор запретил проведение вечера памяти Добролюбова. В связи с этим запрещением возникли студенческие волнения. Демонстранты (около 150 человек) направились к памятнику Пушкина, где пропели «Вечную память» Добролюбову, а затем пошли к дому генерал-губернатора. Вмешалась полиция, арестовала 27 демонстрантов, которые были преданы суду. Сообщив об этих фактах, «Искра» напечатала статью В. Засулич «Н. А. Добролюбов». В юбилейной статье говорится о Добролюбове, как о революционере, страстно ждущем революционного подъема, призывающем его в статье «Когда же будет настоящий день?». «Лишь теперь наступает рассвет настоящего дня, — пишет В. Засулич, — но теперь уж — «Стучи в барабан и не бойся» — ночь не может вернуться»[22].

Таким образом, ленинская «Искра», рассказывая о политической борьбе вокруг Некрасова и Добролюбова, разоблачала самодержавие как злейшего врага русской демократической культуры.

В этом же направлении шла борьба и за Л. Н. Толстого. Это была очень сложная, напряженная и острая борьба.

В нашем крае интерес к Толстому усиливался благодаря биографическим и творческим связям писателя. Эти связи уже привлекли внимание биографов писателя (Бирюкова П. И., Пругавина А. С.) и местных краеведов (Селиванова К. А., Валкина М. Х.)[23]. В 1873—1874, а также в 1891—1893 засушливые годы Л. Н. Толстой своими статьями в периодической печати («Письмо к издателям» и др.), а также непосредственным участием привлек внимание, силы и средства русской общественности на помощь голодающим крестьянам Самарского Поволжья (сбор пожертвований, открытие столовых, помощь хлебом, покупка лошадей безлошадным и т. д.). Какого размаха достигла эта помощь видно из цифр: было собрано около двух миллионов рублей и 21 тысяча пудов хлеба. Естественно, что такая широкая деятельность Л. Н. Толстого в пределах Поволжья привлекла к нему внимание и симпатии волжан. В старом Симбирске по-разному относились к Толстому. В семье Ульяновых, учителя-ульяновцы читали его «Войну и мир»,

«Анну Каренину», «Воскресение» и видели в их авторе гениального художника, «великого протестанта». Для В. А. Калашникова, например, одного из первых учителей Володи Ульянова, Толстой был «пророком», «седовласым старцем с громовой речью», обличающим общественный строй царской России. Таким он нарисован в нелегальном стихотворении Калашникова «Больные» (1881)[24].

Здесь уместно назвать также революционера-народника А. С. Бутурлина, отбывавшего в восьмидесятых годах ссылку в Симбирске. Историк-краевед М. Х. Валкин обнаружил восемь неопубликованных писем Бутурлина к Толстому. Он описал и частично опубликовал его письмо от 12 февраля 1884 г., направленное Толстому из Симбирска. В этом письме, говорит М. Валкин, Бутурлин «решительно выступил против ошибочных взглядов великого писателя,... против религиозной проповеди Толстого». Это был один «из первых голосов, раздавшихся в России против религиозной проповеди Толстого». И этот голос был из Симбирска[25].

Но уже в эти годы полиция преследовала симбирян за чтение произведений Л. Н. Толстого. Так, ардатовский уездный исправник в 1886 году сделал представление прокурору «в связи с чтением запрещенных произведений Л. Н. Толстого». В эти же годы в нашем крае было и другое восприятие Толстого. Известное распространение имело толстовство. Возникали так называемые земледельческие «толстовские» колонии, «сообщества в деревне, на земле». Деятельное участие в их организации принимали писатели-народники, в частности Каронин. При его помощи в 1887—1888 гг. была создана такая колония в селе Архангельском Буинского уезда Симбирской губернии. В 1890 году эту колонию посетил по совету Каронина молодой Горький. Но к этому времени она уже распалась. Историю возникновения и распада этой колонии Каронин описал в нашумевшем рассказе «Борская колония», напечатанном в 1890 году в «Русской мысли».

В годы первой русской революции и последовавшей за ней реакции связи Толстого с Симбирским краем не прерываются, а даже усиливаются. Личные связи писатель устанавливает в октябре 1903 года с В. И. Ермохиным, крестьянином из деревни Аркаевой Буинского

уезда Симбирской губернии. Между Толстым и крестьянином-философом велась дружеская переписка. Свои письма к Ермохину писатель заканчивал словами: «Полюбивший Вас Лев Толстой». С Толстым переписывался в 1909 году и симбирский крестьянин Ф. А. Абрамов.

В Симбирске и губернии произведения Л. Н. Толстого имели широкое распространение. В библиотеке имени И. А. Гончарова хранилось четырнадцатитомное собрание сочинений Толстого в двух комплектах, изданное в 1903 году, а также многочисленные отдельные издания писателя. В Симбирске распространялись произведения Толстого и нелегально. В большевистской библиотеке были: «Ответ Синоду», «В чем моя вера?», «Солдатская памятка», «Одумайтесь», «Церковь и государство», «Крейцерова соната»[26]. Произведения Толстого перепечатывались в симбирской печати, преимущественно в «Волжских вестях». Это была мелкобуржуазная газета, которая, меняя свое название, сумела длительное время продержаться под непрестанными ударами цензуры. В «Волжских вестях» и ее разновидностях были напечатаны в 1909—1910 гг. статьи Л. Н. Толстого: «Нет худа без добра», «Не могу молчать!», «Из дневника» и другие.

Как мы видим, в распоряжении широких кругов симбирских читателей были великолепные художественные и публицистические произведения писателя, направленные против церкви и самодержавия. Что касается «Крейцеровой сонаты», то это социально-обличительный рассказ о буржуазном обществе, в котором нет семьи, а есть «раба на базаре», а брак — «что-то вроде продажи. Развратнику продают невинную девушку и обставляют эту продажу известными формальностями». Надо думать, что именно эта социально-обличительная сторона рассказа, а не религиозно-нравственные идеи писателя, привлекла внимание тех, кто включил это произведение в подпольную библиотеку.

Имя великого писателя в эти годы жестоко преследовалось правительством и церковью. В Симбирске об этом узнавали не только из печати, но и из самой местной жизни. За опубликование в газете «Симбирские народные вести» в феврале 1909 года статьи Л. Н. Толстого «Нет худа без добра» редактор-издатель газеты

Ф. А. Абрамов был «арестован на полтора месяца и препровожден в Симбирский арестный дом для отбывания ареста»[27]. В июне того же года Абрамов обратился с письмом к Л. Н. Толстому с вопросом: «Что есть наука и чего должно требовать от науки?». Ответное письмо Толстого разрослось в обличительную статью о буржуазной науке, которая «дает возможность властвующему классу усиливать свою власть над рабочим народом». Это письмо Толстого (оно было закончено 20 июля 1909 года) также надо отнести к числу тех произведений писателя, которые нелегально распространялись в Симбирске.

В последние годы жизни великого писателя постиг недуг. Все лучшие люди страны, затаив дыхание, с болью в сердце читали сообщения о болезни Толстого. В 1910 году на имя симбирского губернатора поступила шифрованная телеграмма из министерства внутренних дел: «Если [в] случае смерти графа Льва Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействия и предоставьте всецело разрешение этого вопроса местной духовной власти. За устроителями и присутствующими на панихидах благоволите приказать учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускайте никаких выступлений противоправительственного характера, чтобы под предлогом служения панихид, не организовывались бы [в] определенном месте собрания публики [с] целью противоправительственных демонстраций».

Симбирский губернатор в свою очередь немедленно разослал телеграммы полицейским исправникам во все уездные города[28].

Непримиримую и яростную вражду самодержавия к великому писателю земли русской зашифровать не удалось. О ней знали, не читая тайных телеграмм. Смерть Льва Толстого потрясла Россию. К тому времени в Симбирске была разгромлена большевистская организация, задушены все печатные партийные издания. Только одна оставшаяся газета «Волжские вести» выразила скорбь симбирян по поводу кончины любимого писателя. Значительное место в «Волжских вестях» от 11 ноября 1910 года занимают письма, сообщения о Толстом. Открываются эти материалы телеграммой графине Толстой из Симбирска, в которой говорится: «Редакция

симбирской газеты «Волжские вести» глубоко взволнована скорбной утратой. Как-то не верится, что умер Толстой, мировой гений. Его великий образ будет всегда перед нами и поможет нам победить тьму и зло». Здесь же помещено соболезнование редактора этой газеты, переданное из тюрьмы: «Сквозь железную решетку выражаю глубокую скорбь по поводу мировой утраты. Симбирск. Тюрьма. Редактор «Волжских вестей» Абрамов»[29].

В газете были напечатаны также материалы под заголовками: «Похороны Толстого», «Администрация и Л. Н. Толстой», «Лев Толстой и молодежь» и др. Из этих сообщений читатель видел скорбь народа о писателе и теперь уже не зашифрованную вражду правительства к Толстому, к его имени: в Омске получено запрещение митрополита Антония служить панихиду по Толстому; в Оренбурге полицмейстер не разрешил известить публику в театре о смерти писателя; попечитель Московского учебного округа запретил учащимся средних учебных заведений посылать депутацию в Ясную Поляну на похороны писателя. Эти яркие и впечатляющие факты отодвигали на второй план либеральные писания о Толстом, помещенные в этом же номере «Волжских вестей»[30].

В траурные дни особый интерес вызвала литература, посвященная Л. Н. Толстому, статьи старой «Искры», хранившейся у симбирских большевиков. На страницах «Искры» было рассказано об «отлучении» Л. Н. Толстого от церкви. К 75-летию со дня рождения писателя была напечатана статья последовательницы Плеханова — Л. И. Аксельрод (Ортодокс) «Лев Толстой и социал-демократия». В статье говорилось, что «Русская социал-демократия всецело разделяет общее торжество юбилея». Сообщалось также о том, что Пермский комитет РСДРП ознаменовал юбилей Толстого изданием прокламации, посвященной великому писателю. Л. И. Аксельрод останавливалась на философии Толстого о непротивлении злу, показывала пагубное влияние этого учения на творчество писателя[31].

Гениальные ленинские статьи о Л. Н. Толстом, напечатанные в «Пролетарии» — «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (11 сентября 1908 г.) и в «Социал-демократе» — «Л. Н. Толстой» (29 октября 1910 г.) —

не могли попасть в Симбирскую нелегальную библиотеку: к этому времени она прекратила свое существование. Но номера этих газет, почти регулярно поступавших в Симбирск до 1906 года, несомненно, были в руках той части группы РСДРП, которая ушла в глубокое подполье.

Краткий обзор отдельных изданий, а также литературных произведений и критических статей, опубликованных в «Искре», «Вперед», «Пролетарии» и «Социал-демократе», показывает, что в распоряжении Симбирской организации РСДРП были основные материалы, характеризующие отношение партии к классическому наследству и зарождающейся пролетарской литературе. Были также тексты революционной пролетарской поэзии.

Ленинские газеты («Вперед», «Пролетарий») советовали местным партийным комитетам использовать художественную литературу, в том числе и нелегальную, в пропагандистской работе среди рабочих и крестьян. Эти советы дошли и до симбирских большевиков. Идейное и художественное богатство, которым они располагали, не осталось втуне. Эта литература распространялась сначала в индивидуальном порядке, выборочно, среди служащих почты и телеграфа, солдат. Затем она широко использовалась в рабочих кружках, создававшихся Симбирской группой РСДРП.

В 1904 году возникает первый марксистский кружок на базе нелегальной библиотеки. Затем были организованы кружки в железнодорожном депо, у типографских рабочих, среди солдат. Марксистские кружки имелись и в Сызрани. В Симбирской группе РСДРП работой этих кружков ведали такие известные большевики, как брат и соратник В. И. Ленина — Д. И. Ульянов, профессиональный революционер-ленинец З. П. Соловьев. Были выработаны программы занятий в кружках трех типов: высшего (для пропагандистов), среднего и низшего. «Каждая программа, — пишет В. Рябиков, — кончалась списком книг, которые должны были прочитать члены кружка».

В связи с этим к подпольной библиотеке были предъявлены новые требования, она была призвана обеспечить кружковцев требуемой литературой. Члены рабочих кружков пользовались книгами из семейных библиотек Ульяновых, З. П. Соловьева, а также из местных

городских библиотек[32]. Одной из таких общедоступных библиотек тех лет была прежде всего библиотека имени И. А. Гончарова. Кроме того, для рабочих, солдат, учащихся, крестьян были организованы так называемые «карманные» библиотеки.

Подпольная революционная литература широко использовалась также для коллективного чтения и пропагандистской работы в массах.

Все эти разнообразные формы работы с революционной художественной книгой имели своей задачей приобщить трудовой народ к свободному, могучему слову. Учительница Р. Крылова, пропагандистка в сызранских рабочих кружках тех лет, вспоминает о своих кружковцах: «...они научились ненавидеть угнетателей и поняли, что достичь своих целей рабочий класс может только своими руками»[33].

Революционная и демократическая художественная литература была и здесь, в старом Симбирске, тем пламенным светочем, который освещал народным массам путь к революции. В годы черного безвременья

...Как молот звучало в темнице
Подпольное слово, рабочее слово.

(А. Богданов)

ПЕСНИ БОРЬБЫ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ партия использовала вольную песню как могучее средство агитации и борьбы. Она пропагандировала песенную революционную поэзию как путем публикации вольнолюбивых песен на страницах своей периодической печати, так и путем издания отдельных сборников. Ленинская «Искра» издала в 1902 году сборник русской революционной поэзии под названием «Песни борьбы», а в 1905 году — «Перед рассветом». Вслед за этими сборниками, изданными в Женеве, появляются песенные сборники в Москве, Петербурге, Киеве, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске и в других городах России. Они издавались организациями РСДРП и направлялись в нелегальные большевистские библиотеки.

Поступали такие книги и в Симбирскую организацию РСДРП. Это были издания Московского комитета социал-демократов: «Песни», «Песни борьбы», «Песни революции». В. В. Рябиков сообщает в своих воспоминаниях, что революционные песни были получены в Симбирске из Казани, от Василия Орлова, в конце 1901 года. «Песни борьбы», изданные в Москве, повторяют женевский сборник. «Песни революции» были изданы в 1905 году в Петербурге. Но под таким же названием вышли два сборничка революционной поэзии и в Самаре. Они также были в распоряжении симбирских большевиков в их нелегальной библиотеке.

О содержании этих изданий дает представление сборник «Песни борьбы», изданный в 1902 году в Женеве Союзом русских социал-демократов. В нем были: «Варшавянка», «Красное Знамя», «Смело, товарищи,

в погу», «Камаринская», «Опричники» и другие произведения вольной русской поэзии.

Симбирские большевики имели и сборник «Перед рассветом», составленный В. Петровой (В. М. Величкиной). Назову некоторые произведения, вошедшие в него: «Красное Знамя» (Слезами залит мир безбрежный...); «Ночью в мастерской» (Взял я для песни мотив невеселый...) — стихотворение неизвестного рабочего-поэта, печатавшееся в сборниках и журналах РСДРП; «Боже царя храни» (Боже царя храни! Деспоту долгие дни ты ниспошли...) — революционное стихотворение, пародирующее официальный гимн, первоначально напечатанное в журнале «Свобода»; «Прочь с дороги» (Прочь с дороги, мир отживший...) — стихотворение неизвестного автора, первоначально напечатанное под псевдонимом «Днепровский» в 1902 году в «Летучем листке» Екатеринославской группы РСДРП. Как видим, «Перед рассветом» — сборник песен и стихотворений, созданных революционной Россией.

Поэзия борьбы и свободы жестоко преследовалась правительством и цензурой. Сборник «Под красным знаменем», изданный в 1906 году издательством поэта Ф. Шкулева «Искра», был почти полностью уничтожен.

В брошюре Е. И. Аркадьева «Запрещенная литература» (Сызрань, 1911 г.) указаны арестованные сборники и отдельные произведения. Названы второй выпуск песенника «Под красным знаменем. Сборник свободных песен». М., 1907; «Песни рабочих. 8 часов труда, 8 для сна, 8 свободных», М., 1906; «Гимн братства» и др. Революционная песня была доходчивым и популярным видом агитации и утверждения идей революции в самых широких массах. Песни борьбы поднимали и вели народ «на бой кровавый, святой и правый».

Симбирские большевики тоже издали в 1905 году сборничек революционных песенных произведений — «Песни революции». Он был напечатан в нелегальной типографии Симбирской группы РСДРП тиражом в четыре тысячи экземпляров, с обозначением № 1-й. Следовательно, было задумано издание нескольких сборничков. Этот сборник повторяет название сборника, изданного Петербургским комитетом РСДРП. В симбирском сборничке были напечатаны: «Марсельеза», «Интернационал», «Смело, друзья, не теряйте», «Машинушка».

«Вы жертвою пали», «Красное знамя»[1]. Каждая из этих песен имеет богатую историю. «Марсельеза», названная Энгельсом «лучшим революционным гимном прошлого», была создана во Франции в 1792 году Руже де Лиллем. Этот гимн возник в огне французской буржуазной революции и позже стал известен в России.

Однако в первое время «Марсельеза» не имела широкого распространения в нашей стране, так как исполнялась на французском языке. Первый русский вольный перевод этого гимна («Ослушная песня») был напечатан в огаревском сборнике «Свободных русских песен» (1863 г., Лондон). Большой известностью стал пользоваться перевод П. Л. Лаврова французской «Рабочей марсельезы» («Отречемся от старого мира»), сделанный в 1875 году и напечатанный в русской газете «Вперед», издававшейся в Лондоне. В 80—90-х годах русская «Марсельеза» под названием «Новая песня» была взята на вооружение русского революционного движения. В процессе бытования песня усваивалась и активно перерабатывалась. Впоследствии возникают «Пролетарская марсельеза», «Крестьянская марсельеза», «Студенческая марсельеза» и др. Однако «Марсельеза» не могла стать гимном пролетарской революции. Таким гимном стал «Интернационал», зародившийся в огне революционных боев Парижской Коммуны.

Текст Международного гимна пролетарской солидарности написан выдающимся французским рабочим поэтом Э. Потье в 1880 году и опубликован в его сборнике «Революционные песни» в 1887 году. В 1888 году французский рабочий, композитор Пьер Дегейтер, положил текст «Интернационала» на музыку. В этом же году песня была исполнена рабочим хоровым кружком на пролетарском празднике в г. Лилле. С этого момента «Интернационал» становится достоянием широких рабочих масс всего мира.

В России «Интернационал» известен с 1889 года. В этом году, летом, его исполняли Володя Ульянов и его сестра Ольга на хуторе Алакаевка. Русский перевод «Интернационала» сделал Аркадий Яковлевич Коц, один из старых русских революционных поэтов, участник социал-демократического движения. Его перевод был опубликован в 1902 году в русском журнале «Жизнь», издававшемся в Лондоне.

Появление русского текста «Интернационала» произвело большое впечатление на эмигрантов-революционеров. Песня стала исполняться русскими социал-демократами как гимн, заменив «Марсельезу». «Интернационал» перепечатывается в подпольных изданиях, переписывается. С 1905 года его уже пели на рабочих демонстрациях и на собраниях. Этому способствовало и то, что в 1906 году в сборнике революционных песен были опубликованы ноты к «Интернационалу». В симбирском сборничке песен «Марсельеза» и «Интернационал» опубликованы рядом — это еще начало пути пролетарского гимна. В ходе первой революции он властно зазвучал на рабочих митингах и демонстрациях как международный боевой пролетарский гимн. Именно русский текст принят народами мира, как гимн международной пролетарской солидарности.

В. И. Ленин исключительно высоко ценил «знаменитую пролетарскую песню». В статье «Евгений* Потье» (1913), посвященной 25-летию смерти поэта, В. И. Ленин писал: «Рабочие всех стран подхватили песню своего передового борца, пролетария-поэта, и сделали из этой песни всемирную пролетарскую песнь». Потье, говорится далее в статье, «был одним из самых великих **пропагандистов посредством песни»**[2]. В ленинских словах определяется великое организующее и пропагандистское значение «Интернационала».

Песня «Варшавянка» (Вихри враждебные веют над нами...) и «Красное знамя» (Слезами залит мир безбрежный...) созданы в 1897 году в Бутырской тюрьме Г. М. Кржижановским, соратником В. И. Ленина по Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». В основу их положены польские революционные песни, переработанные поэтом, исходя из задач пролетарской борьбы. Обе песни печатались в революционных песенных сборниках русских социал-демократов и в листовках. Они были любимыми песнями пролетариата.

«Смело, друзья, не теряйте» имеет в своей основе стихотворение поэта-революционера М. Л. Михайлова «Марш демократов», написанное им в 1861 году в Петропавловской крепости. Эта песня в 80-х годах стала народовольческим гимном и приобрела международную

* В современной транскрипции — Эжен Потье.

популярность. Ей присущи жертвенные мотивы, революционеры-одиночки противопоставляются народу, младшему страдающему брату. Распространялась эта песня в списках и печаталась почти во всех «вольных» изданиях. Она приобрела широкую популярность. В процессе развития пролетарской борьбы происходило и изменение песни, особенно в 1905 году. Эти изменения имеются и в тексте симбирского сборничка. Закончился этот процесс переосмысления песни созданием одного из лучших гимнических русских пролетарских произведений — «Смело, товарищи, в ногу», написанного поэтом-революционером Л. П. Радиным в 1897 году в Московской тюрьме на Таганке. Эта песня — передовой пролетарский революционный гимн, идейно связанный с «Интернационалом», прославляющий не одиночку революционера, а революционный пролетариат, народ, который могучей рукою свергнет гнет роковой навсегда. Песня проникнута необоримым оптимизмом, волей к победе.

«Машинушка», включенная в симбирский сборник, создана неизвестным автором на основе широко распространенной песни «Дубинушка». «Машинушка» впервые напечатана в «Социал-демократе» в 1905 году (№ 4). В ее основе та же тема — тема классового антагонизма, тема борьбы русских рабочих, поднявшихся против царизма, против капитала-властелина. Не крестьянская, а рабочая психология выражена в словах этой песни, адресованной русскому царю:

Мы разрушим вконец твой роскошный дворец,
Только пепел оставим от трона,
А порфиру твою мы отымем в бою
И порежем ее на знамена.

Песня «Машинушка» была одной из самых популярных в рабочей среде. Она печаталась не только в «Социал-демократе», но и в журналах, листовках, сборниках, издававшихся комитетами РСДРП.

В Симбирский сборник был включен также популярный траурный гимн русской революции «Вы жертвою пали». До середины 900-х годов похоронным гимном была любимая песня Владимира Ильича и его брата Александра «Замучен тяжелой неволей». Автором этой песни является писатель Г. А. Мачтет (1852—1901),

посвятивший ее памяти студента П. Ф. Чернышева, арестованного в 1874 году за ведение пропагандистской работы среди крестьян Самарской губернии. Умер Чернышев в 1876 году от туберкулеза. В связи с его смертью было написано стихотворение «Замучен тяжелой неволей», опубликованное тогда же в газете «Вперед» и ставшее песней. Впервые ее исполнили во время похорон П. Ф. Чернышева. С этого момента она вошла в революционный репертуар. Песня «Замучен тяжелой неволей» была исполнена на похоронах В. И. Ленина.

Рядом с этой песней распространялась песня «Вы жертвою пали», созданная в 80-е годы на основе стихотворения А. Архангельского «В дороге». В середине 80-х годов стихотворение «В дороге», обогащенное песенными народными произведениями, появляется в нелегальной печати как «Похоронный марш». Его исполняют в Варшаве, Петербурге, Москве, Поволжье, Сибири. В процессе бытования песня и ее мелодия изменялись под влиянием поэзии революционного пролетарского движения. Марш печатался в большевистских песенных сборниках, на страницах газет. В начале 900-х годов он звучал на первых крупных политических демонстрациях, вызванных гибелью революционеров.

Как видим, песенно-гимнические произведения, вошедшие в симбирский сборничек «Песни революции», родились в борьбе с самодержавием, в тюрьмах и казематах крепостей. Для определения репертуара, каким располагало симбирское подполье, нужно назвать еще поволжские издания, а также песни и ноты к ним.

Казанский гектографированный сборник «Песни революции»[3] почти повторяет симбирское издание. В нем нет песни «Смело, друзья, не теряйте», но зато есть «Дружно, товарищи, в ногу» и «Последнее прости» («Замучен тяжелой неволей»), с посвящением Н. Г. Чернышевскому. Остальные произведения те же, что и в симбирском сборничке.

Нужно сказать, что симбирское подполье не просто распространяло революционные песенные произведения, но и организовывало их разучивание. В областном партийном архиве сохранилась подборка нот и текстов песен, напечатанных на отдельных листах. Печатались они в Москве, Петербурге в 1905—1906 гг. Эти песни продавались в симбирском книжном киоске «Но-

вая жизнь», открытом местной организацией РСДРП. Вот перечень сохранившихся песенных произведений с нотами к ним: «Гимн свободе», «Марсельеза», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Дубинушка» («Машинушка»), «Траурный марш», «Ткачи» — слова Гейне, «Красное знамя», «Пыльной дорогой телега несется», «Моряк-страдалец» и «Смело, друзья, не теряйте»[4].

Революционная поэзия преследовалась, а ее распространители карались жандармами и судом. В делах Симбирского жандармского управления, в канцелярии губернатора, в различных инстанциях губернского и уездных судов сохранились десятки судебных дел, донесений, распоряжений и телеграмм об арестах сборников стихотворений и революционных песен, протоколы обысков, дающих представление о распространении в нашем крае нелегальной поэзии. Приведу наиболее характерные из них, связанные с революционным рабочим и крестьянским движением.

В ночь на 5 января 1904 года в селе Большие Борлы Сенгилеевского уезда, на столбах и лавках базарной площади были расклеены прокламации. В поисках виновных жандармы произвели обыск у ряда крестьян, которые были у них на подозрении. Так возникло «Дознание Симбирского жандармского управления в Сызранском и Сенгилеевском уездах по обвинению крестьян Большие Борлы, Сенгилеевского уезда, Василия Люлюмова и других лиц в распространении антиправительственных прокламаций». У крестьян было отобрано 12 прокламаций, изданных РСДРП, три из них переписанные от руки, остальные — печатные. Вместе с прокламациями жандармы отобрали художественные революционные произведения: стихотворение «Там, где Крюков канал», ставшее революционной студенческой песней, «Песня о Валерьяне» (Прогремела труба...), известная рабочая песня «Вставай, поднимайся, рабочий народ», антирелигиозная баллада о боге, начинающаяся словами: «Однажды бог из окон рая, в очках и спальном колпаке, на мир им созданный взирая, завидел землю вдалеке». Было также какое-то стихотворение Некрасова, — жандармы не указали его названия. По-видимому, это был отрывок из стихотворения «У парадного крыльца» (1858)[5].

Из названных поэтических произведений особенно

интересна «Песня о Валерьяне», написанная на полулисте из какой-то канцелярской книги, малограмотной, но старательной рукой. На обратной стороне листа сохранились пятна мучного клейстера: это одна из двенадцати прокламаций, сорванных жандармами на базарной площади в селе Большая Борла. Песня эта известна в истории поэзии под названием «Казнь». Возникла она в 70-е годы и связана с казнью одного из героев-семидесятников Валерьяна Осинского, совершенной 14 мая 1879 года в Киеве. Степняк-Кравчинский в своих очерках «Герои подполья» с восторгом говорит об исключительной храбрости и огромной популярности Валерьяна Осинского. Казнь Валерьяна была драматична и жестока. Для того, чтобы сломить его волю, сначала казнили товарищей. Он обречен был видеть их последние мучения. Из утонченной жестокости, пишет Степняк, ему не завязали глаза. За пять минут голова Валерьяна Осинского побелела. Жандармы спросили, не хочет ли он просить о помиловании, но Валерьян бестрепетно взошел на эшафот. Военный оркестр грянул «Камаринскую»...[6]

Популярность революционера и драматичность его казни и вызвали в свет песню неизвестного автора «Казнь», которая в нашем крае называлась «Песней о Валерьяне». Текст ее отличается от канонического текста, поэтому привожу ее полностью:

Песня о Валерьяне

Загремела труба,
Повалила толпа.
Поле чистое,
Степь широкая.
Степь — широкий погост,
На погосте — помост,
Крепко сделанный,
Кровью крашенный.
Впереди идет поп,
А за ним — черный гроб.
Ждут преступника! А вон,
Он на плаху идет
Смелой поступью
Молодецкою...

Крест кладет он, ложась,
С визгом сталь поднялась,
Опустилася и воизилася.
А в толпе простонал —
«Валерьян! Валерьян!»
Кто-то плача и рыдаючи.
И лета протекут,
И потомки прочтут
Про деяние злодеяние.
И народ проклянет
Все что правдой зовет
По неведенью, по неразумию[7]

Стихотворение было очень популярно в рабочей и в студенческой среде. Скиталец вспоминает, что в 90 и 900-е годы «Песня о Валерьяне» была излюбленной песней на студенческих вечеринках в Самаре. Ее обычно пели вместе с «Узником» Пушкина[8].

Особенно значительны отклики в вольной поэзии на революционные события 1905—1907 гг.

Правду о кровавых событиях 9 января 1905 года симбиряне узнали не из официальных сообщений, а из «Прокламации Симбирской группы РСДРП к симбирским рабочим по поводу событий 9 января 1905 года в Петербурге», изданной на гектографе. Прокламация заканчивалась призывом: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода народа!» О девятом января рассказывали центральные газеты РСДРП, в которых были напечатаны также поэтические отклики на это событие. В газете «Вперед» от 9 мая 1905 года было напечатано стихотворение «На событие 9 января» (Мы мирно стояли пред Зимним дворцом...), в «Пролетарии» от 20 июля 1905 года опубликовано стихотворение А. Луначарского «К юбилею 9 января» (Он был набожный старик...). Наиболее значительным из них является «На событие 9 января». Это рабочая песня, известная под названием «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом». Редакция газеты «Вперед» указывает на популярность песни среди рабочих и на то, что печатается это произведение по просьбе рабочих, приславших его в свою родную газету. Пафос рабочей революционной песни раскрывается в словах, обращенных к царю и его мстителям:

Рыдай, трепещи, венценосный палач.
Проклятьем страны заклейменный,
Заране конец свой ужасный оплачь:
Уж мститель идет разъяренный!
Оставьте ж работу, ученье, семью,
Под Красное знамя идите
И кровью своею в отважном бою
Народу свободу купите!
Проклятье и смерть венценосным «отцам»!
Свободу родному народу!
И вечная слава героям-борцам,
Погибшим за нашу свободу![9]

Революционная рабочая поэзия — это поэзия стачек и демонстраций. Она мобилизовывала сердце и душу народа на борьбу против самодержавия, давала поэтические лозунги.

Проклятье и смерть венценосным «отцам»!
Свободу родному народу!

Эти заключительные строки стихотворения-песни — яркий лозунг, аккумулирующий настроения и переживания участников революционного митинга, демонстрации.

В Симбирске было известно и стихотворение-песня участника революционного движения поэта П. Эдиета «На десятой версте от столицы», напечатанное в «Новой жизни» (1905 г., 25 ноября). Это стихотворение посвящено памяти жертв 9-го января. Убитых и раненых на площади перед царским дворцом сначала свезли в больницы. Ночью трупы убитых и умерших в больницах от полученных ран тайно вывезли из столицы. Часть из них похоронили в общей могиле на Преображенском кладбище, находящемся в десяти верстах от Петербурга. Отсюда и название стихотворения «На десятой версте от столицы». В нем сказано, что здесь, под курганом «Приютилось счетом девяносто рогожных мешков». Стихотворение П. Эдиета стало широко известной революционной песней.

В Симбирск песня пришла при следующих обстоятельствах. 8 января 1906 года «Симбирская народная газета» посвятила свою передовую статью Государствен-

ной думе и одновременно «царской свободе печати». В статье говорилось, что правительственная политика привела к закрытию целого ряда газет самого различного направления: «Новая жизнь», «Начало», «Северный голос», «Борьба», «Вперед», «Жизнь», «Сын отечества», «Свободное слово», а также десятки правительственных газет. После выхода в свет номер «Симбирской народной газеты» был немедленно арестован, а против редактора возбуждено судебное дело. Следующий номер этой газеты от 10 января 1906 года открывается вместо передовицы стихотворением П. Эдиета «На десятой версте от столицы» (памяти жертв 9 января), с указанием на перепечатку из «Новой жизни». Следовательно, «Симбирская народная газета» отметила годовщину расстрела демонстрации и заявила о своей солидарности с закрытой ленинской газетой. Демонстративное выступление газеты, конечно, не осталось безнаказанным. Вот при каких обстоятельствах песня «На десятой версте от столицы» стала известна в Симбирске.

В 1905—1907 гг. в симбирский подпольный репертуар, кроме охарактеризованных стихотворений революционной музы, пришли новые произведения, порожденные событиями первой русской революции: «Корабль-скиталец», «На смерть Н. Баумана», «Крестьянская песня», «Мы сами копали могилу себе», «Последняя исповедь», «Четверо», «Стреляй, солдат», «Нагайка», «Камаринская».

О «Корабле-скитальце» В. В. Воровского, напечатанном первоначально в «Пролетарии», а затем распространяемом в Симбирске в виде отдельной печатной прокламации, уже было сказано. Что касается произведения «На смерть Баумана», то история появления этого стихотворения в Симбирске такова.

Н. Э. Бауман, один из главных практических руководителей по созданию ленинской «Искры», руководитель Московской организации большевиков, был убит агентом охранки во время демонстрации 18 октября 1905 года, в день опубликования царского манифеста. Похороны Баумана превратились в многотысячную демонстрацию трудящихся. Московский комитет РСДРП выпустил стихотворную листовку, посвященную большевику-ленинцу и мощной демонстрации-похоронам:

Знамена... венки... все венки без конца...
Звучат властно гимны свободы,
Рабочий народ провожает бойца,
Погибшего в лучшие годы...

Народ не забудет отважных бойцов,
Ему беззаветно служивших,
И сбросит он тяжесть последних оков,
Отметит за невинно погибших[10].

Стихотворная прокламация «На смерть Баумана» дошла и до Симбирска. Симбирские жандармы захватили распространителя прокламации, отобрав у него также «Варшавянку» и «Смело, товарищи, в ногу». На допросе задержанный заявил, что все эти произведения он «приобрел в Москве у разносчика по прозвищу Максим Горький». На этом следствие прекратилось[11].

«Крестьянская песня» была написана неизвестным автором в 1905 году, печаталась в листовках, включалась в сборники революционных песен, например, в сборник «Песни революции», изданный в 1905 году в Петербурге. В сборниках она часто называлась «Крестьянской марсельезой», с указанием на «голос марсельезы». Под таким названием она напечатана в сборнике революционных песен, изданном в 1905 году в Самаре. В нашем крае ее чаще всего называли «Крестьянской марсельезой», а иногда — по первому стиху: «Отпустили крестьян на свободу». «Крестьянская марсельеза» была известна в Симбирске. Ее часто пел Василий Кротов, один из пяти революционеров, повешенных в Симбирске в декабре 1907 года[12].

Знали «Крестьянскую марсельезу» и в селах Симбирской губернии. После подпольных собраний в Большом Ногаткине исполняли песню «Отпустили крестьян на свободу». Ее пели также в Ундорах, Крестникове, Ивашевке, Малом Нагаткине, в Кезьмине, Акшуате и в других селах.

Особенно выразительно звучит последний куплет «Крестьянской песни»:

Так восстанем же, братья, мы смело!
И опять у нас будет земля,
И повесим на горьких осинах
И дворян, и попов, и царя.

Текст «Крестьянской марсельезы», известной в нашем крае, имел некоторые особенности. За каждой строфой был припев, не встречающийся в других печатных текстах. Мне известно два таких припева. В Самарском издании 1906 года:

За честь, за свободу, за хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами!
Довольно им властвовать нами!
Вперед на бой! Вперед, вперед на бой![13].

Другой припев к песне «Отпустили крестьян на свободу», известной в Большом Нагаткине и в других селах Симбирской губернии, был такой:

За землю, за волю, за хлеб трудовой
Соберемся могучею ратью,
Разгромим мы дворцы палачей,
Отберем у них матушку землю
И не будем платить податей[14].

Приведенные тексты припевов показывают, что шел процесс фольклоризации песни.

Кроме «Крестьянской марсельезы», сопутствовавшей крестьянским восстаниям, широкой популярностью в нашем крае пользовалась солдатская песня «Стреляй, солдат». Она возникла в 1905 году и обращена к солдатам, направляемым на подавление восстания. Эта песня была известна на заводах Урала, среди текстильщиков Ярославля. Знали ее и в Симбирске. Песня была отпечатана в типографии и распространялась среди солдат:

Крестьяне мрут по деревням,
Они земли, работы просят,
А им, как дерзким бунтарям,
Штыки да пули лишь подносят.
Стреляй, солдат, коли штыком,
А там, быть может, в это время
Твою жену, твоих детей
Казаки бьют без сожаленья...[15].

«Стреляй, солдат» возникла под влиянием революционной поэзии 1905—1907 гг., а также прокламаций, адресованных солдатам.

Наряду с гимнической поэзией, в процессе развития

революционного движения звучат сатирические песни, направленные против самодержавия, его верных слуг и всего буржуазно-помещичьего строя. Из таких песен в нашем крае были известны: «Нагайка», «Камаринская», «Ой, полна тюрьма пред думою», а также пародийные песни о Николае II.

Суровая песня о «Нагайке» имела всероссийскую известность. Возникла она как протест на расправы карателей над студенческими и рабочими демонстрациями. Знали ее в Петербурге, Белоруссии, Сибири. Существовало два текста «Нагайки»: революционно-студенческая песня, возникшая в связи с разгоном казаками студенческой демонстрации в Петербурге 8 февраля 1899 года, и рабочая сатирическая «Нагайка», распевавшаяся на рабочих демонстрациях в 1900 году, на мотив песни «Ехал с ярмарки ухарь купец». Большое распространение получила рабочая сатирическая песня. Это народно-поэтическое произведение, в котором казацкая нагайка — символ оплота «романовской шайки».

Один из вариантов «Нагайки» был известен рабочим суконной фабрики в селе Кезьмино Астрадамовского уезда Симбирской губернии. Вот ее текст:

Вздумал наш Трепов
Царя удивить,
Пулей, нагайкой
Россию усмирить.

Послал он казаков
По всем городам:
— Рубите, секите
Награду вам дам!

Нагайка, нагайка,
Нагаечка моя,
Вспомним, нагайка,
Девятое января...[16].

Имя Трепова, вдохновителя черносотенных погромов, отдавшего приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть» — было ненавистно революционному народу. Сатирический образ царя-провокатора перекликался в песне с символом нагайки — олицетворением романовской деспотической государственной системы.

В селе Акпуате в эти годы бытовала пародия на Николая II, которая пелась на мотив «Коробушки». По-видимому, это была песня «Ой, полна тюрьма пред думою». В селе Кротково хорошо знали «Камаринскую»— широко известное памфлетное произведение. Первоначально «Камаринская», написанная неизвестным автором, использовавшим мотив популярной народной песни «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик», а также «Песню о камаринском мужике» поэта Л. Трефолева,—сатирически повествовала об эксплуатации на заводах капиталиста Саввы Морозова. Возникла она в 90-е годы, была напечатана в 1900 году в «Рабочей мысли», а в 1902 году — в женевском сборнике «Перед рассветом». В 1905 году эта песня приобрела революционное антицарское и антипоповское звучание. Появился ее новый вариант под названием «Фабричная камаринская» (Ах, и прост же ты, рабочий человек! На богатых ты гнешь спину весь свой век...).

По размеру это большое произведение, повествующее о том, как на заводах «обирают без жалости народ», о поповском обмане. Приведу только антипоповскую строфу «Фабричной камаринской», известной в селе Кроткове Сенгилеевского уезда:

Эх, ребятушки, живей, живей, живей,
Соберем колокола со всех церквей,
Из них пушку мы большую отольем,
Духовенством эту пушку мы набьем,
Знатно выпалим попами в небеса,
Уж посыплются к нам с неба чудеса!

На основе указанных песенных произведений возникла «Камаринская 1905 года», известная в том же селе. Это уже самостоятельное, местное произведение, о котором будет сказано ниже.

После поражения революции приток революционной поэзии уменьшается. Ее ожесточенно преследуют жандармы и полиция. И все же она пробивается и к симбирянам. Возникают жандармские дела о распространении и изъятиях революционной литературы в Шумовке (1908 г.), Сенгилее (1908 г.), на станции Симбирск (1910, 1913 гг.). Каждое из этих дел своеобразно и вносит новый штрих в характеристику поэзии нашего края

В жандармских материалах «О происшествиях, об арестах в 1908 году» хранится небольшой листок, написанный старательной рукой. Здесь же объяснение его появления в жандармском деле. В ноябре 1908 года в Шумовку были направлены из Симбирска полицейские и солдаты, которые были распределены на ночь по крестьянским домам. Один из стражников рано утром нашел у входа в дом, где ночевал, листок бумаги, на котором полуграмотной рукой была написана «песня революционного содержания». Верный слуга «царя и отечества» представил «по начальству» этот листок с объяснением, как его обнаружил и с указанием, что «виновных» не удалось найти[18]. При знакомстве с текстом листка выясняется, что это один из первых революционных русских гимнов «Смело, друзья, не теряйте», написанный, как уже говорилось выше, поэтом М. Л. Михайловым. В листке воспроизводится полный текст песни. Причем, выделены две строки, как заглавие:

Смело, друзья, не теряйте
Бодрость в неравном бою...

Затем следует текст песни с выделением припева:

Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых,
Дело всегда отзовется
На поколеньях живых!

Нужно отметить и такую особенность листка-прокламации. Вслед за лозунгом: «Да здравствует социализм и революция!» следует строка: «Смело, товарищи, в н(огу)», которая зачеркнута и заменена словами «Смело, друзья!» Следовательно, автору прокламации была известна и знаменитая песня поэта Л. П. Радина «Смело, товарищи, в ногу».

Как попала в Шумовку песня «Смело, друзья, не теряйте»? Прямых указаний на это нет, но можно высказать предположение, что взята она скорее всего из симбирского сборника песен в несколько сокращенном виде: опущена вторая строфа (Пусть нас по тюрьмам сажают...). Кроме того, в ней есть небольшие, но заслуживающие внимания разночтения. В печатном тексте

сказано: «Бедный наш русский народ», а в Шумовском листке: «Русский забытый народ». Далее в печатном тексте читаем:

Миг обновленья настанет,
Гимн нам народ пропоет,
Добрым нас словом помянет...

В Шумовском листке:

Час избавленья настанет,
Землю добьется народ,
Добрым нас словом помянет...

Изменения текста в Шумовском листке способствовали бо́льшей выразительности гимна, его социальной конкретизации.

Еще более интересными и значительными представляются сенгилеевские материалы, относящиеся тоже к 1908 году. Ночью 27 августа этого года сенгилеевский исправник обнаружил вблизи почтовой конторы подброшенный кем-то сборник гектографированных революционных песен под заглавием «Песни борьбы». О таком происшествии исправник донес Симбирскому жандармскому управлению. Сборник затерялся, но сохранился перечень произведений, вошедших в него: «Марсельеза», «Вставай, подымайся, рабочий народ», «Из Шлиссельбурга» — стихотворение Фигнер, «Собирался народ всюду густо, вдруг штыки, пулеметы — стало пусто!», «Несись моя песнь, как радостный клик», «Варшавянка», «Дубинушка», «Машинушка», «Нагайка сильна», «На родине»[19].

Сборник русской революционной поэзии под названием «Песни борьбы» изданы, как нам уже известно, в 1902 году в Женеве. Однако сборник под тем же названием, обнаруженный в Сенгилее, не является копией женевского. Он повторяет название и включает рабочие гимны, а по содержанию самостоятелен. Время его создания 1905—1906 гг.

Из произведений, включенных в Сенгилеевский сборник, остановлюсь только на его последнем стихотворении — «На родине». Оно написано в 1905 году известной поэтессой Т. Л. Щепкиной-Куперник. Большевики

широко использовали это стихотворение, печатая его в 1905—1907 гг. в нелегальных газетах и сборниках («Солдатская жизнь», «Солдатская газета» и др.). Оно посвящено кровавым событиям 9 января 1905 года:

Ни слова солдат не промолвил,
Лишь к небу он поднял глаза...
Была в них великая клятва
И будущей мести гроза[20].

Стихотворение «На родине» печаталось в песенном сборнике под названием «От павших твердынь Порт-Артура». А в селе Загудаевке Симбирского уезда эта песня была известна под названием «Народная песня о 9 января».

Революционная песня была боевым оружием пролетариата и его партии. Эту роль она выполняла и в Симбирской организации РСДРП. Она способствовала воспитанию и сплочению революционных сил нашего края. Это наглядно раскрывается в прокламации «К товарищам крестьянам» 1905 года и в первомайской прокламации 1907 года.

В 1905 году Симбирская группа РСДРП напечатала семитысячным тиражом прокламацию «К товарищам крестьянам». В ней разъяснялись крестьянам их задачи в борьбе с самодержавием и политика РСДРП. Прокламация заканчивалась призывом встать «под красное знамя Рабочей партии». В обращении дается совет учиться у рабочих борьбе с самодержавием. «Боритесь открыто, товарищи! — говорится в прокламации. — Устраивайте на базарах, на ярмарках, везде, где много народа, шествие толпою по улицам с красными знаменами, с революционными песнями, с криками: «Долой царя!». В качестве примера в листовке указывается на то, что в селе Ивановке-второй Балашовского уезда «толпа парней с красными лентами через плечо, с красными знаменами, с революционными песнями ходила по улицам»[21].

Еще более определенно о значении революционной песни, о ее сплачивающей силе сказано в первомайской прокламации 1907 года. Обращаясь к трудящимся губернии, Симбирский комитет РСДРП писал: «Сомкнутым строем, высоко подняв красное знамя, мы пройдем

в этот день перед лицом врага. И гордо и смело в могучих песнях мы расскажем о нашей горькой доле и напомним, что мы не перестанем бороться... Пусть же наша майская песня, как молот о наковальню, ударит в сердце и заставит дрожать тех, кто не дает нам жить человеческой жизнью»[22]. В этой прокламации образно сказано о могучей роли революционной песни: она, как молот, бьет в сердца людей, пробуждает трудящихся к беззаветной борьбе.

Показательно свидетельство об этом одного из пионеров симбирского пролетарского революционного движения девятисотых годов — В. Рябикова. В своих воспоминаниях «Симбирские большевики в 1903—1906 гг.», написанных в 1925 году, он рассказывает о воскресных массовках, проводившихся в 1905 году в Обрезковом саду, недалеко от железнодорожной станции Симбирск II. Ему запомнились «молодые лица с горящими глазами», ораторы, которые говорили «о страданиях рабочего класса, о приближающемся освобождении и о грядущем социализме». Их речи казались для участников массовок особенно содержательными и волнующими, будто слова ораторов были их собственными, «были частью их сердца и мозга». И далее В. Рябиков заключает: «Ну, и как же пели мы тогда после этих массовок наши любимые боевые песни: Марсельезу, Варшавянку и Похоронный марш (Интернационал тогда мало был известен среди рабочих). Скажи нам в этот момент: «Погибни, ребята, за революцию!» — и мы погибли бы без слов»[23].

Излюбленным местом собраний и митингов в Симбирске в 1905—1906 гг. был Новый Венец. Здесь выступали ораторы, пелись революционные песни. В обязательном постановлении симбирского губернатора от 20 декабря 1905 года говорится: «...в последнее время наблюдаются случаи сборищ на Новом Венце, где отдельные лица, выступая в качестве ораторов, привлекают любопытных. Составляется толпа, стесняющая гуляющую публику и нарушающая порядок криками и пением недозволенных песен». Губернатор запретил эти «сборища», предупредив, что они «будут рассеваемы силою»[24]. «Недозволенные песни» — это песни революции, распространявшиеся Симбирской большевистской группой.

Революционной песней симбирская общественность

определила свое отношение к Чрезвычайному губернскому земскому собранию, созванному в июле 1905 года. Во время рассмотрения этим собранием вопроса «О созыве народных представителей» в соответствии с рескриптом Николая II министру внутренних дел Булыгину и обсуждения вопроса «Об участии выборных в комиссиях, образованных... для выяснения лиц, участвовавших в преступных скопищах крестьян и исчисления убытков ими нанесенных» в зале заседаний была разбросана листовка «Наши требования», изданная Симбирской группой РСДРП. Симбирские большевики резко критиковали местную земскую управу, разоблачали либеральную политику земцев. Листовка заканчивалась призывом к свержению царизма.

По словам официального документа, во время перерыва заседания «посторонняя публика», находившаяся на хорах, ворвалась в зал заседания с пением революционных песен. «Посторонняя публика» — это симбирские рабочие и революционно настроенные студенты. «Посторонние», а вместе с ними и служащие земства, стали петь в зале «Русскую Марсельезу». Губернатору пришлось закрыть земское собрание. После бегства его участников инициатива перешла в руки демонстрантов. Несколько человек вышло на балкон и, обращаясь к толпе, стоявшей внизу, кричали: «Товарищи! Сюда! Долой правительство! Объявим республику!» Затем было проведено собрание, на котором присутствовало около трехсот человек. Ораторы призывали к борьбе с правительством и к уничтожению самодержавия. При появлении полиции раздалось пение «Марсельезы» и послышались крики: «Долой полицию, вон полицию!»[25]. В числе демонстрантов были члены Симбирской группы РСДРП: З. П. Соловьев, А. И. Кирьянов, А. И. Богоявленская, А. Г. Буравин и другие.

Особенно показательно в интересующем нас плане организационное собрание симбирской фракции «Союза 17 октября». Называлась эта организация также «Симбирским обществом людей порядка и законности». Этот союз объединял симбирскую крупную буржуазию и помещиков. 2 февраля 1906 года симбирские черносотенцы решили провести открытое организационное собрание с обсуждением программы союза и воззвания ко всем «благоразумным людям». Проведение такого собрания

было вызовом революционным силам. Поэтому к нему готовились не только «октябристы», устроители собрания, но и симбирские большевики, о чем свидетельствуют протоколы допросов известного симбирского революционера М. А. Гимова, получившего в этот день первое боевое революционное крещение. На собрание «Общества людей порядка и законности», проходившее в зале земства, явились два-три десятка симбирских черносотенцев, зато «симбирское простонародье наполнило залу», в том числе десятки членов Симбирской группы РСДРП, студентов, передовой интеллигенции. Устроители собрания, крупный помещик Н. Ф. Беляков и начальник Симбирской Мариинской гимназии Годнев начав с призывов вступать в их партию, закончили нападками на прогрессивные силы города.

Корреспондент «Симбирских вестей» дал живую зарисовку с этого собрания:

«Прогресс, каков бы он ни был, может идти только путем последовательным, эволюционным». Эти слова Годнева встречаются хохотом. Студент просит слова, ему не дают, крики, рев, аплодисменты — «Долой Годнева!» (кинуто тухлое яйцо, пролетевшее мимо Годнева). Разбрасываются прокламации, начинается драка между членами «Союза 17 октября» и других партий.

Голоса: Хулиганы! Братцы! Тебе отдых одна лишь могила, — каждый день недоимку готовь...

Голоса: Господа!.. Домой! Нам здесь нечего делать! Домой! Домой! Вставай, поднимайся, рабочий народ...

Зал очищается. Годнев — с кипой нерозданных прокламаций Союза...»[26].

Эта зарисовка передает напряженность атмосферы собрания и показывает, как естественно вплеталась в развернувшуюся борьбу с черносотенцами «Рабочая Марсельеза», выражая протест, торжество борьбы и победы.

Описание корреспондента нуждается в некоторых дополнениях и разъяснениях. В тот момент, когда раздались крики «Долой Годнева!» и запели «Марсельезу», М. А. Гимов бросил в толпу пачку прокламаций «К товарищам крестьянам!», изданных Симбирской организацией РСДРП. Прокламации эти были получены им от руководителя Симбирской группы РСДРП, давшего указание, когда их бросить[27]. Выяснено также, что

рабочие и студенты собрались на эстраде и запели революционную песню в ответ на выступление лидеров симбирских черносотенцев. Находившиеся вблизи эстрады члены «Общества 17 октября» бросились на эстраду и начали избивать поющих, которые не остались в долгу.

Как видим, выступление против монархистов было заранее подготовлено. В этой подготовке предусматривалось распространение брошюр, прокламаций, а также исполнение «Рабочей Марсельезы».

Нужно сказать, что не только симбирские большевики, но и их политические противники прекрасно понимали организующее и боевое значение революционной песни. Так, Годнев, сетовал на то, что во время собрания монархистов «на эстраде залы раздалось со стороны лиц, явившихся с целью сорвать собрание, пение «Марсельезы»[28]. Другой симбирский черносотенец — член земского собрания А. А. Толстой, выступая в 1906 году в «Симбирских губернских ведомостях» по поводу собрания почтово-телеграфных служащих, принявших решение о забастовке, обвинял их также в том, что «на собрании пелись революционные песни».

Симбирские большевики знали о «подвигах» непременного члена Симбирского губернского присутствия А. А. Толстого по «водворению порядка» в селе Кротков Сенгилеевского уезда. Прибыв 23 декабря 1905 года в село в сопровождении солдат и драгун, он арестовал крестьянских агитаторов и «зачинщиков» и силой подавил бунт кротковцев. Вступив в «Общество 17 октября», Толстой стал заметной фигурой среди симбирских черносотенцев. Выступление в «Симбирских ведомостях» свидетельствовало о том, что он «выбивается» в идеологи местных черносотенцев. Видный большевик З. П. Соловьев дал Толстому достойную отповедь. Приведя выдержку из его статьи о собрании и о пении революционных песен, З. П. Соловьев писал в той же газете: «Читая письмо Толстого, я невольно вспомнил щедринского «Помпадура борьбы» Феденьку Кротикова; этот почтенный муж однажды почувствовал себя необыкновенно легко и свободно, когда убедился, что ему не нужно ни фактов, ни целей, а нужен только «дух», «направление», «превратные толкования» и больше ничего». Далее Соловьев говорит о «жандармской риторике» Толстого[29]. «Жандармская риторика» симбир-

ских Кротиковых, направленная против революционного духа и революционной поэзии его выражающей, дополнялась практикой симбирских жандармов, преследовавших, искоренявших революционную песню.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что усилия Симбирской группы РСДРП по распространению революционной песни не пропадали даром. Песни революции были в 1905—1907 гг. боевым оружием пролетариата и революционного крестьянства.

Писатель Скиталец, связанный с революционным движением девятисотых годов в Поволжье, в частности в нашем крае, наблюдал революционизирующее значение песен борьбы и свободы. В его романе «Кандалы» рассказывается о революционном пробуждении крестьянских масс Поволжья, описывается рождение в 1905 году и гибель Кандалинской крестьянской республики. В жизни этой республики был яркий эпизод, связанный с событиями девятого января. Кандалинцы, оставшиеся после обедни на площади около церкви, просили попа отслужить панихиду павшим борцам, то есть жертвам 9 января. Поп не согласился. Скиталец описывает дальше, как оформлялась и зрела крестьянская демонстрация:

«Раздались крики: «Без попов обойдемся!» Толпа колыхнулась глубже, сильнее, сдвинулась с места и вдруг запела. Сперва прозвучало несколько голосов неуверенно и негромко, к ним присоединились еще несколько, и песня стала разрастаться.

Эта поющая часть толпы двинулась впереди всего шествия и с громким торжественным пением пошла по дороге вдоль села. Откуда-то взялся и развернулся над головами большой красный флаг с крупной надписью: «Свобода!».

Отречемся от старого мира!.. —

пели впереди, а в задних рядах еще звучало:

Отречемся!..
Вставай, подымайся, рабочий народ,
Раздайся крик мести народной!.. —

катилось из передних рядов.

Раздайся!.. —

подхватывала, вырывая песню друг у друга, тысяча сильных мужских и женских голосов. И эти набегающие волны могучего пения придавали ему особенную, стихийную красоту. Народ впервые пел песню мести и свободы»[30].

Эта впечатляющая картина, нарисованная рукою талантливого писателя, раскрывает могучую очищающую силу революционной песни, приобщающей стихийные крестьянские массы к борьбе за свободу.

Вместе с тем революционная песенная поэзия служила основой для создания политических прокламаций, способствовала возникновению местного поэтического творчества.

В годы первой русской революции песни борьбы органически входили в прокламации, придавая им боевое песенное звучание. Весьма показательна в этом отношении первомайская прокламация 1906 года Симбирской группы РСДРП, адресованная рабочим. В ее основу положен текст «Интернационала». Прокламация начинается словами гимна:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов...

Это поэтическое вступление раскрывается в тексте прокламации. В ней говорится о том, что рабочие всех стран стремятся победить врага — капиталистов и построить социализм, тот строй, в котором «кто был ничем, тот станет всем». «Всемирный пролетариат зашевелился, — говорится дальше, — он грозно поднимается для последней борьбы.

Это будет последний и решительный бой
С Интернационалом воспрянет род людской!»

Прокламация заканчивается призывом встать в ряды борцов за социализм. В прокламации используется также «Варшавянка». «Пушки, пулеметы издыхающего самодержавия, — говорится в листовке, — тюрьмы и пули европейских банкиров и капиталистов не остановят великой борьбы за социализм.

Мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов,
За лучший мир, за святую свободу.

...Российская социал-демократия зовет вас в ряды борцов за социализм:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Из душных подвалов — на вольный воздух, из прокопченых фабрик — на улицу!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»[31].

В своей первомайской прокламации симбирские большевики удачно использовали «Интернационал» и «Варшавянку». Эти произведения легли в ее основу, они помогали усвоению массами политических лозунгов нашей партии. Вместе с тем, прокламация способствовала популяризации этих боевых революционных песен.

Первомайская прокламация, распространявшаяся в Сызрани, была сделана в основном на «Рабочей Марсельезе». После призыва к сызранским рабочим провести первомайскую забастовку, в прокламации сказано: «Сплотитесь, товарищи, и скажите: «Долой тиранов, прочь оковы. Страшись, трепещи венценосный палач, проклятьем страны заклейменный. Только тогда настанет година свободы, сгинет ложь, сгинет зло навсегда и сольются в одно все народы в вольном царстве своего труда»[32].

Автор этой прокламации использовал также революционный гимн «Красное знамя» и рабочую песню «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом». Это говорит о большой популярности среди сызранских рабочих революционной песенной поэзии.

Песни борьбы оказывали несомненное влияние и на возникновение и формирование местного народного творчества. Мною выявлен в Ульяновских архивах ряд таких произведений: «Камаринская 1905 года», «Песня крестьянам», «Черносотенцы и казаки», «Я бедняк, я много радости видал», «Акафист земскому начальнику», «Поток», «Франц и Вилли подружились», «Это было давно». К этой же группе нужно отнести и сатирическое стихотворение «Карсун» (Карсун, Карсун благословенный...).

Песни борьбы, созданные в нашем крае, возникли в процессе революционных выступлений трудящихся и ин-

теллигенции против самодержавия. Показательны в этом отношении песня «Камаринская 1905 года» и стихотворная прокламация «Черносотенцы и казаки».

Возникновение «Камаринской 1905 года» связано с революционным движением в селе Кроткове Сенгилеевского уезда. В 1905 году в этом селе учительствовал П. К. Ерофеев, который в своих «Воспоминаниях о 1905 годе» рассказывает о создании в этом селе группы социал-демократического направления и о ее деятельности[33]. В группу входили П. К. Ерофеев, учитель К. Т. Почекуев, студент Рижского политехнического института П. Н. Ковокин, учитель села Новодевичье П. А. Кузин, студент А. А. Георгиевский — член Симбирского комитета РСДРП, студент Берлинского университета Фатьянов и другие. Группа имела свой гектограф, печатала прокламации. Ею была выпущена прокламация «Против войны», которую размножили и разбросали в несжатую рожь, под снопы, в деревнях и селах от Кроткова до Сенгилея.

Под воздействием этой группы местные крестьяне начали делить между собой помещичью землю. Вскоре налетели каратели, засвистели шашки и плети. Группа была разгромлена, а ее организатор П. К. Ерофеев очутился в декабре 1905 года в симбирской тюрьме. Здесь политические заключенные продолжали борьбу, издавали в 1905—1906 гг. рукописный журнал «Наша жизнь». Редактором, издателем и художником этого журнала был учитель Красавцев, воспитанник Порецкой учительской семинарии.

П. К. Ерофеев деятельно помогал Красавцеву в издании журнала, в котором помещались статьи, стихи, карикатуры. Сам Ерофеев участвовал в нем под псевдонимом «Дядя Егор». Журнал издавался в нескольких экземплярах и передавался во все камеры тюрьмы. В нем-то и появилась впервые «Камаринская 1905 года».

П. К. Ерофеев удачно определяет причины и самые источники возникновения этой песни в таких словах: «Все замерло на неопределенный срок среди деревень и сел. Замолкли революционные песни, не стало нигде митингов, так как полиция строго следила за всем этим. Этот период затишья и выразился тогда в самодельной, а потому мало известной, нелегальной песне, революци-

онной по сюжету, и веселой по мотиву, — «Камаринской 1905 года».

Привожу текст песни полностью:

Эх, мужик, мужик, простецкая душа.
Сроду нет в кармане денег ни гроша,
Сроду ходишь ты и голоден и бос,
Предложу тебе вопрос, вопрос, вопрос:
Посмотри-ка, горемыка, на себя,
Кто разул, раздел сердечного тебя?
Трудовой кусок из рук кто отобрал?
И скотинку кто за подати согнал?
Что же ты не отвечаешь, мужичок?
Призадумался, не смеешь, серячок?
Не велят тебе и говорить о том —
Обещают в зубы, в зубы кулаком!
Впрочем, что я? Облепенцы-кулаки!
Заменили их солдатские штыки —
Дисциплину ты, солдатик, выполняй,
В своего отца-родителя стреляй,
Чтоб не смел мужик царя ни в чем просить,
Чтоб не смел он с государем говорить,
Ни с вельможей, ни с начальником,
А питайся хоть мочальником!
Да подай в оброк последний медный грош,
А себе оставь нужду свою да вошь,
Пропадет твоя последняя овца.
Этой песне нет конца, конца, конца!..[34].

Судя по воспоминаниям П. К. Ерофеева, эта песня возникла в конце 1905 года после разгрома Кротковской группы. Литературные источники ее ясны. Они идут от «Фабричной камаринской», а мотив — от народной песни «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик».

Стихотворная прокламация «Черносотенцы и казаки» возникла в 1907 году еще в более напряженной борьбе.

В 1905—1909 гг. в Карсунском уезде развернулось интенсивное крестьянское движение, в организации которого большую роль сыграло отделение «Всероссийского крестьянского союза» — революционно-демократической организации, действовавшей в 1905—1906 гг. Одним из центров этой борьбы стало село Судосеево[35]. В 1905—1907 гг. полиция и жандармы неоднократно

предпринимали карательные операции против судосеевцев. Одно из жандармских дел этих лет, хранящееся в Ульяновском государственном архиве, носит красноречивое название: «Исследование [о] революционной партии крестьян села Судосеево». В селе выделялись крестьянские вожаки — П. Гусев, Ф. Алтынов и другие. Они проводили подпольные собрания, где читались прокламации, брошюры, газета «Мужик», составлялись крестьянские приговоры об изъятии земли у помещиков в пользу крестьян. В результате этой деятельности крестьяне настолько сплотились, что, по словам жандармского донесения, «полицейские чины объезжали стороной Судосеево», опасаясь расправы. На судосеевских «мятежников» обрушились полицейские кары. В 1907 году в село для усмирения крестьян прибыли казаки. Четырнадцать человек были схвачены и направлены в карсунскую тюрьму, а затем — в симбирскую. В феврале 1908 года в село снова нагрянули казаки — и еще двадцать мятежных судосеевских мужиков были арестованы и заключены в тюрьму.

В этой борьбе на стороне казаков и властей оказались местные черносотенцы. Один из них был агентом карсунского исправника. Клеймя позором и посылая проклятия черносотенцам и казакам, судосеевские революционеры написали прокламацию в стихах и приклеили ее на стене земской школы:

Черносотенцы и казаки,
Будьте все прокляты, собаки!
Своих братьев продаете,
Кровь невинную вы пьете!
Будет от бога вам грех
И проклятье ото всех!
Черносотенцы и казаки, —
Вы господские собаки,
Вы правительству в угоду
Отреклись от своего роду.
Проклятье и вечный срам
Черносотенцам-стражникам...
Час избавленья настанет,
Земли и воли добьется народ.
Народ страдальцев добром вспомянет,
Вас, черносотенцы, народ проклянет![36].

Эта прокламация была написана после казачьей экзекуции и ареста первых четырнадцати крестьян. Беспомощная по форме стихотворная прокламация была, однако, грозной для «усмирителей». Борьба не закончена! — предупреждала она. Когда один из предателей, заклейменных прокламацией, сорвал и представил ее исправнику, а последний — симбирскому губернатору, карающая рука настигла предателя. Быть может, та же рука, которая тщательно выводила слова ненависти на четвертушке бумаги.

Литературные источники этой поэтической прокламации идут от революционной песни весьмидесятых годов «Смело, друзья, не теряйте», вошедшей в Симбирский сборничек «Песни революции». Можно с уверенностью сказать, что песня «Смело, друзья, не теряйте» была боевой песней судосеевцев в годы борьбы с самодержавием.

Революционная направленность присуща также и местной народной «Песне крестьянам», захваченной жандармами в 1907 году в Сызрани во время обыска на квартире конторщика магазина швейных машин Виктора Александровича Пинекера. Кроме этой песни, жандармы изъяли у него также переписанную от руки «Варшавянку».

«Песня крестьянам» написана по мотивам «Крестьянской Марсельезы». Возникла она на основе поэтических традиций песен борьбы, таких как «Варшавянка», «Красное знамя» и др. В ней говорится:

За землю и волю мы в битву вступаем,
За землю и волю мы на смерть идем,
Ценой своей жизни мы жизнь покупаем,
Ценой своей жизни мы счастье куем.
Довольно мы в рабстве века прозябали,
Довольно сносили обиды и гнет.
Довольно мучители нас угнетали,
Прочь темные силы—Суд правый идет!
Народ пробудился от сна векового,
Оковы с презреньем сорвал,
И смело за дело святое
Он Красное знамя поднял![37]

В заключение краткого обзора поэтических произведений, возникших в нашем крае на основе песен борь-

бы, я хотел бы назвать еще песни «Я бедняк, я много радости видал» и «Это было давно».

Песня «Я бедняк, я много радости видал», записанная в селе Кезьмино, по своим мотивам идет от песен и стихов демократической поэзии девятисотых годов, таких как «Песня бедняка» (Ах ты, доля, моя доля...). Парень, бедняк, уродился в отца, который «никогда в беде не вешал головушку свою». Но «батька умер», его похоронили кое-как, а сын на могиле отца клянется: «Буду с черною ордою воевать». Далее в песне сказано:

Так и сделал. После черных похорон
Я ушел под материнский плач и стон
Волю буйную на фабриках искать,
Меч для ворога оттачивать, ковать[38].

Песня «Это было давно» (записана в Новом Белом Яре), созданная в поэтическом ключе известной песни «Когда я на почте служил ямщиком», рисует романтический образ девушки-революционерки, бежавшей из ссылки. Жандармы застрелили ее. Девушка умерла на руках ямщика, от имени которого ведется рассказ:

Там вдали, за рекою,
Холм высокий стоит,
Холм высокий, поросший травою.
А в том-то холме
Та девушка спит,
Что песню взяла с собою...[39].

Обзор поэтических материалов дает возможность сделать вывод: революционная поэзия пришла в наш край через ленинскую «Искру», революционные песенные сборники, прокламации, а также рукописным путем. Она приобщала рабочих, крестьян, интеллигенцию к революционной пролетарской борьбе. Вместе с тем она была поэтической школой для самобытных поэтов, создавших свои песни борьбы.

Широкое распространение песен борьбы — убедительное подтверждение развития революционности в крае Ильича в годы первой русской революции.

ПРОВОЗВЕСТНИЦА НАШИХ ДНЕЙ

СИМБИРСКАЯ группа РСДРП возмужала в боях с самодержавием в 1905—1906 гг. Она накопила революционный опыт организационной, идейной и пропагандистской работы.

С сентября 1906 года жандармы предпринимают карательные меры против Симбирской организации РСДРП, а в апреле 1907 года Симбирская губерния была объявлена на положении усиленной охраны, что активизировало жандармов и черносотенцев. Но Симбирские большевики и в этих сложных условиях продолжали активную борьбу.

В марте 1907 года был создан Симбирский комитет РСДРП. Началась деятельная подготовка к V съезду партии. Стала выходить легальная большевистская газета «Наши дни». В ее редакцию входили В. Н. Брюханова, П. Д. Винокуров и А. И. Кирьянов[1]. Редактором-издателем был А. И. Кирьянов, член Комитета Симбирской организации РСДРП с мая 1907 года.

Пропагандистскую работу Симбирской организации в это время возглавлял большевик (бывший студент Московского и Казанского университетов) Н. П. Брюханов. В Симбирск он приехал в августе 1906 года, а в марте 1907 года Н. П. Брюханов (Андрей Симбирский) избирается делегатом от Симбирской организации на V съезд партии. По роду своей партийной деятельности Брюханов был связан с изданием газеты. Он был неофициальным редактором газеты «Наши дни»[2].

Настоящий очерк подчинен основной задаче — освещению вопросов литературы и искусства в «Наших днях». Газета была недолговечной: первый номер вышел 11 марта 1907 года, а последний — 19 мая того же года.

А. П. Кирьянов был арестован 21 сентября 1907 года и заключен в тюрьму на один год, а «Наши дни» запрещены. Это был один из пунктов жандармского плана ликвидации революционных организаций в Симбирской губернии, находившейся на положении усиленной охраны.

Газета «Наши дни» была еженедельной, а с 1 апреля она выходила два раза в неделю. Всего вышло шестнадцать номеров.

В истории газеты «Наши дни» нужно отметить такой важный момент. 28 апреля 1907 года на первой полосе газеты было напечатано «Обращение основателей «Симбирской народной газеты» к своим подписчикам. В обращении сообщалось о том, что «редакция газеты «Наши дни» приняла на себя обязательство высылать свою газету подписчикам «Симбирской народной газеты» на сумму не востребованных от «Народной газеты» взносов»[3].

«Симбирская народная газета» выходила в 1906—1907 гг. еженедельно, всего вышло 18 номеров. Газета была буквально затравлена губернатором, непрестанно возбуждавшим против нее судебные преследования. Напомню, что газета опубликовала стихотворение «На десятой версте от столицы», взятое из «Новой жизни». «Симбирская народная газета» демонстративно назвала большевистскую «Новую жизнь», откуда было перепечатано это стихотворение. К тому времени «Новая жизнь» была запрещена, о чем симбирская газета сообщала читателям в своем предшествующем номере, арестованном губернатором. В «Симбирской народной газете» была напечатана также обзорная статья «Рабочее движение в 1905 году», в которой сочувственно говорилось о том, что пролетариат «свое участие в политической борьбе за свободу России запечатлел неисчислимой массой жертв и страданий, неустанной энергией и целыми потоками крови. Будущее потребует от него, может быть, еще больших жертв и большего напряжения своих сил, но оно за ним»[4].

Таким образом, появление «Обращения» основателей «Симбирской народной газеты» на страницах «Наших дней» — не случайное явление. Это была консолидация

прогрессивных сил вокруг большевистского органа печати перед надвигающейся реакцией.

Газета «Наши дни» являлась боевым органом Симбирской организации РСДРП. В первом номере, вышедшем 11 марта 1907 года в виде брошюры на 16 страницах, в письме от редакции сказано: «Посвященная защите интересов идущего к социализму пролетариата, наша газета по мере сил будет помогать вам, граждане, в этом трудном и ответственном деле организованного отстаивания своих интересов в борьбе с «помещиками по убеждению», на которую призывает вас с думской трибуны представитель социал-демократической рабочей партии».

И действительно, это обещание не осталось красивым жестом. На страницах «Наших дней» печатались острые и злободневные политические статьи, связанные с борьбой за ленинскую партию, направленные против ее врагов, против самодержавия. Нельзя без волнения читать строки из статьи Н. П. Брюханова «По поводу очередного съезда...», напечатанной в период подготовки к V съезду партии. «Под градом преследований самодержавного правительства и развращающих злых нападок буржуазии и ее идеологов, — говорится в ней,— растет, крепнет и развивается классовая политическая сознательность Российского пролетариата, крепнет и развивается в неустанной и напряженной борьбе самостоятельная рабочая партия... Путь ее залит кровью мучеников — борцов за рабочее дело — это постоянное торжество растущей классовой солидарности рабочих, и в конце этого пути лежит светлое царство социализма»[5].

Газета раскрывала читателям и основу «оборонительно-наступального союза» русской и западноевропейской буржуазии против Российской социал-демократической партии. Этому посвящена статья Н. Брюханова «Взаимное страхование» (9 мая), вызванная тем, что норвежское и датское правительства запретили проведение съезда партии в Христиании и Копенгагене. «Наши дни» разоблачают легенду о «гражданских свободах» в буржуазных странах, где буржуазия, бывшая некогда революционной силой в борьбе с феодализмом, «очутившись у власти», порабощает пролетариат... «Тогда-то облетают красные цветы былой буржуазной революционности и догорают огни свободолюбивого энтузи-

азма, и европейский капитализм бросается в объятья вчерашнего смертельного врага своего — монархизма». Но этому «союзу» противостоит «международное братство рабочих, единение пролетариата». Русские рабочие «через головы всесветных Столыпиных» протягивают свои руки «для братского пожатия всемирным братьям»[6].

Симбирская большевистская газета уделяла внимание и вопросам оценки деятельности непролетарских партий, в частности, партии социалистов-революционеров, влияние которой было значительным в Симбирской губернии. В статье «Партия совещательного голоса» сказано о деятельности эсеров: «Очень много показного, очень много шума, трескучей орнаментики... В гигантском революционном водовороте, который представляет из себя Россия последних лет.., партия социал-революционеров является положительно какой-то партией **совещательного голоса,** а не партией действия и революционного преобразования»[7]. Статья «Партия совещательного голоса» была перепечатана «Нашими днями» из журнала «Труд».

Еженедельный литературно - политический журнал «Труд» (по внешнему виду — газета) издавался в Петербурге. Первый его номер вышел 15 апреля 1907 года. В нем участвовали В. И. Ленин (была напечатана его статья «Ларин и Хрусталев»), В. В. Воровский и др. «Труд» был запрещен 16 апреля 1907 года, немедленно же после выхода первого номера[8]. Симбирская газета перепечатала из большевистского издания статью, необходимую ей для идеологической подготовки к V съезду партии.

Для более полной характеристики газеты «Наши дни» нужно назвать также статью «Из области курьезов». Под таким своеобразным названием была напечатана статья, изобличающая журналиста «Волжских вестей» Барецкого, «вскрывающего» «грубые ошибки, нелогичной и односторонней марксистской теории», в которой якобы «экономическим фактором объясняются все явления». Газета, ссылаясь на работы Плеханова (Бельтова) «За 20 лет» и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», показывает несостоятельность выступлений новоявленного симбирского критика теории диалектического материализма. В статье говорится, что марксисты «ни мало не отрицают взаи-

модействия между различными «факторами» исторического развития... Бельтов не только не отрицает взаимодействия, но и настаивает на признании его»[9]. Таким образом, безграмотное выступление Барецкого на страницах «Волжских вестей» отнесено «Нашими днями» к числу курьезов, порожденных модой («Кто теперь не критикует теории диалектического материализма? Такова мода» — этими словами начинается статья). Разоблачая буржуазного журналиста, большевистская газета вместе с тем пропагандирует на своих страницах блестящие марксистские работы Плеханова.

Обзор материалов, опубликованных «Нашими днями», показывает их большевистскую целенаправленность, боевитость, наступательный характер в борьбе за партию, за ее теоретические основы.

Симбирская большевистская газета уделяла внимание также вопросам литературы и искусства. Сквозная тема газеты — сообщения о преследовании свободного слова, в первую очередь периодической местной печати. 14 апреля газета сообщила о том, что седьмой номер «Наших дней» конфискован, а редактор привлекается к судебной ответственности за антиправительственное выступление. Здесь же рассказывается о судебной расправе над «Симбирскими вестями» и «Вестником народа»[10]. Прошло две недели, и газета все в том же отделе «Местной жизни» информировала читателя, что по требованию губернатора следственная власть приступила к производству следствия над издателем «Волжских вестей»[11]. Почти перед самым запрещением «Наши дни» писали: «Редактор-издатель «Журнала для всех» Миролюбов, после произведенного в его квартире обыска, арестован»[12]. Такое сообщение подтверждает, что журнал был широко известен и пользовался популярностью среди симбирских читателей. Имя Миролюбова тоже было известно.

«Журнал для всех» — передовой демократический, иллюстрированный журнал, рассчитанный на широкие круги читателей, на крестьян и рабочих. В нем печатались А. Чехов, Д. Мамин-Сибиряк, Горький, Скиталец, Андреев, Бунин, Вересаев, Серафимович и др. Горький с большим сочувствием отнесся к «Журналу для всех». Он поддержал Миролюбова в «Нижегородском листке» (1898 г.) за то, что «Журнал для всех» дает читателю

за дешевую цену здоровую пищу для ума и сердца[13]. Тревожная заметка в «Наших днях» извещала своих читателей о последнем акте борьбы демократического журнала за право быть общедоступным журналом для народа.

Симбирская большевистская газета, публикуя сообщения о политико-цензурных репрессиях против печати, тем самым разоблачала наступление правительственной реакции на прогрессивную печать.

Вместе с тем «Наши дни» популяризировали новые, прогрессивные книги и периодические издания. В мартовском номере газеты сообщалось об открытии в Симбирске книжного киоска «Новая жизнь», где можно было найти книги по всем вопросам общественной жизни, большевистские газеты. В киоске продавались сатирические журналы «Зритель», «Пулемет», книги издательств «Колокол», «Донская речь», «Молот», «Буревестник», «Знание» и др.[14] В марте 1907 года «Наши дни», рекомендуя новинки, называли книгу Бой-кота «На темы дней свободы», а также «Одиннадцать дней на «Потемкине» и «Песни революции с нотами». «Бой-кот» — это псевдоним поэтессы Ольги Николаевны Чюминой, под которым она печатала свои сатирические стихи.

Рекомендуя «Песни революции», «Наша жизнь» сообщала и о преследованиях за их исполнение. Так, в апрельском номере газеты мы читаем такую красноречивую заметку: «В шестом классе мужской гимназии 12 апреля при открытых окнах пели «Марсельезу». По этому случаю экстренно собрался педагогический совет, который решил исключить весь класс...»[15]. Этой заметкой, однако, газета не ограничилась. 18 апреля в «Наших днях» была напечатана статья поэта Изгнанника «Реакция и школа». «Реакционная волна, нахлынувшая на измученную Родину, заливает грязью все свободное и светлое, что было добыто народом», — пишет автор. Временная победа реакции повлекла за собой «поворот в убеждениях людей, живущих по циркулярным предписаниям». Примером наступления реакции и «поворота в убеждениях» является постановление педагогического совета Симбирской гимназии об исключении гимназистов за пение «Марсельезы». Призывая симбирское общество протестовать против проведения в жизнь решения, калечащего будущее юных исполнителей «Марсель-

езы», Изгнанник заключает: «Мы знаем, что только в свободной стране возможна свободная школа, что только свободная школа создает воспитателей — людей, сильных любовью к подрастающему поколению. Грядущая новая жизнь, разрушив всю гниль и грязь ненавистного прошлого, на место школы-застенка создаст свободную школу».

Большевистская газета поднимала читателя до глубокого классового осмысления отдельных фактов симбирской действительности, связанных с наступлением реакции. И не только осмысления. Она звала на борьбу с наглеющей реакцией в стране.

Симбирская большевистская газета писала и о театральной жизни. В начале мая в разделе «Местная жизнь» сообщалось о двух драматических спектаклях, поставленных «приезжими артистами труппы Комиссаржевской. Очень удачно прошла пьеса Л. Андреева «Жизнь человека»[16].

Выдающаяся русская актриса В. Ф. Комиссаржевская была любимицей широких кругов демократических зрителей, особенно студенческой молодежи. Стремясь воплотить в жизнь свои демократические симпатии к народу, В. Ф. Комиссаржевская открывает в 1904 году в Петербурге «Драматический театр». Репертуар театра составляли пьесы В. Чехова, М. Горького, С. А. Найденова и других драматургов, входивших в литературную группу «Знание». Актриса была связана с передовым русским движением. Она организовывала концерты, выступления с чтением революционных произведений, а сборы передавала на организацию революционных кружков и студенческим организациям. Театр Комиссаржевской совершал гастрольные поездки по России. В апреле 1907 года он был в Симбирске. Одну постановку мы знаем: это пьеса Л. Андреева «Жизнь человека» о бессмысленности человеческого существования. Вторая — не названа. Возможно, что речь идет о «Детях солнца» Горького. Постановки «Драматического театра» — заметное явление в жизни Симбирска, они были использованы для политического выступления. К В. Ф. Комиссаржевской в первый день ее приезда в Симбирск пришел представитель местной организации РСДРП. Артистка оказала денежную помощь организации для революционной работы и подарила

25 контромарок для рабочих. На спектакле часть рабочих сидела на галерке. Как только погасили огни, в зал полетели прокламации, изданные Симбирской организацией РСДРП[17].

Газета, однако, не ограничивалась только сообщениями о литературной и театральной жизни. На ее страницах публиковались стихи Михаила Бродяги и Изгнанника. Цикл революционных стихов и песен начинается со второго номера «Наших дней» (18 марта). Здесь помещено стихотворение М. Бродяги «За дело свободы мы в битву вступаем», а вскоре второе — «Не тот герой, кто беспощадно...». Вслед за ними были напечатаны песни Изгнанника.

Стихотворения М. Бродяги, открывающие цикл песен в «Наших днях», надо рассматривать как программные для газеты. В них воспевается романтика борьбы:

За дело свободы мы в битву вступаем,
За дело свободы мы на смерть идем,
И счастья ценою мы жизнь покупаем,
И жизни ценой людям счастье даем![18]

Эта песня борьбы оптимистична, в ней вера в Красное знамя, победно поднятое борцами, с презрением сорвавшими тяжелые цепи неволи. Мотив борьбы углубляется в стихотворении «Не тот герой, кто беспощадно...». Это произведение полемично. В противовес буржуазному герою, который «народ родимый угнетал», заковав его в цепи рабства, и «честь и совесть позорно золотом пятнал», Михаил Бродяга воспевает революционера, страстно боровшегося с тиранами за угнетенных:

Не тот герой, кто силой дикой
Свет солнца яркого гасил,
А тот, что с пламенной любовью
Из тьмы всех к свету выводил[19].

В песнях М. Бродяги звучит мотив Солнца и свободы. Дальнейшее углубление этого мотива мы находим в сборнике стихов поэта, изданном в 1907 году в Симбирске.

В «Наших днях» был напечатан цикл песен поэта Изгнанника: «Город молчит...», «Не зови их», «Мы твердые духом», «Молнии». Песни Изгнанника посвящены борьбе за свободу. В них опоэтизирован новый

герой—рабочий народ. Показательно в этом отношении стихотворение «Город молчит...». Ранее несмолкавший город молчит, жизнь в нем замерла потому, что так решили «дети нищеты», сказав свое сильное слово. Поэт раскрывает политический идеал «детей нищеты», их историческую роль:

Из подвалов сырых вышел тот,
Кто создаст царство жизни другой...
Прежде всех вышел он в этот бой, —
Это вышел рабочий народ —
Он создаст царство жизни другой!..

Песни Изгнанника зовут к прекрасному Солнцу. Выразительно в этом отношении стихотворение «Мы твердые духом». Привожу его полностью:

Мы твердые духом идем впереди,
Пока бьется сердце в груди.
Мы к Солнцу прекрасному смело пойдем,
Оно нам горит путеводным огнем...
Смелей! Мы идем впереди!
Мы смелое сердце, как факел, зажжем,
И с факелом этим пойдем...
Как яркий маяк, заблестит он другим,
Сверкающим, мстящим огнем мы сгорим...
Вперед же! Смелее идем![20]

Этому гордому образу противопоставлены в песне «Не зови их» «те, кто сердцем, душою рабы...» Их не нужно звать к борьбе, так как «они верят трусливым мечтам, они могут предаться врагам. Они только будут мешать нашим юным — мятежным друзьям». Пафос песни Изгнанника — в революционно-романтическом утверждении подвига лирического героя, повторяющего подвиг бесстрашного и самоотверженного горьковского Данко, осветившего своим горящим сердцем путь людям из темного леса.

Песня Изгнанника «Молнии» родственна по содержанию с «Песней о Буревестнике»:

Пробегают ярко молнии, как змеи...
На минуту сумрак озаряя,
Все быстрее и смелее пробегая,
Умирают, как родились, так же смело![21]

В песне нет героического призыва: «Пусть сильнее грянет буря!», но образы пламенеющих молний, предвещающих бурю, будили в памяти читателя призывы Буревестника, зовущего бурю.

Нужно сказать, что поэт Изгнанник вырос на родной почве. Это псевдоним Николая Семеновича Охотина, входившего в 1905—1907 гг. в состав Симбирской группы РСДРП, в состав аграрной группы при Симбирском комитете РСДРП[22]. Печатался Н. Охотин в 1906—1907 гг. в Казанском «Метеоре», в «Студенческом сборнике», изданном в 1907 году в Симбирске. В 1906 году в Петербурге вышли «Песни предрассветных сумерек» Изгнанника.

На первой страничке этого сборничка читаем: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Часть дохода с издания поступает в пользу безработных и голодающих». В сборничке «Песен предрассветных сумерек» напечатаны: «Я — отклик голодного зова», «Наши песни — клич к борьбе», «Две сестры: святая правда и великая свобода», «Песнь пролетария», «Песня рабочих» и др. Наиболее выразительной для поэта Изгнанника этих лет является его «Песнь пролетария»:

У наковальни я провел
Всю жизнь свою.
Устали руки, ноет грудь,
А я кую!
Лицо горит, куски железа
Руки жгут,
Кругом меня мои товарищи
Куют...
Все пролетарии идут
Одним путем,
К заветной цели с ними вместе
Мы идем.
В груди у всех святым огнем
Горит вражда.
Они для всех хотят свободного
Труда.
Настанет день... Владыкой мира
Будет труд,
И счастье миру пролетарии
Скуют![23]

«Песнь пролетария» Изгнанника примыкает к поэтическим произведениям А. Богданова («Песня пролетариев», 1905), Скитальца («Кузнец», 1901), И. Привалова («Кузнецу», 1907), создающим символический образ кузнеца. Разработка этого мотива завершится созданием Ф. Шкулевым известной песни «Мы — кузнецы».

Изгнанник и М. Бродяга — не профессионалы, а поэты-самоучки, представители массовой литературы. Для песен и стихов этих поэтов характерным является пафос борьбы во имя светлого счастья людей. В них нет изображения повседневного труда и быта рабочих. Их поэзия — поэзия политического призыва, вдохновленная освободительным революционным пролетарским движением, а также творчеством буревестника революции — М. Горького и его соратника Скитальца, воспевших грозную, обновляющую мир революционную силу пролетариата.

Первая симбирская большевистская газета «Наши дни», являясь пропагандистом и организатором революционного движения, подчиняла литературу и искусство общей революционной задаче.

«ТО КРИЧИТ ПРОРОК ПОБЕДЫ...»

В НАШЕМ крае, частью которого до 1852 года был Самарский уезд, широко распространялись самарские газеты. В корреспонденции из Симбирска «Из недавнего прошлого», напечатанной в 1897 году в «Самарской газете», говорится, что номера этой газеты в Симбирске «читаются до лоскутков, остающихся от номера после чтения в трактирах и на базарах».

«Самарская газета» была основана в 1883 году. В девяностые годы она превратилась во влиятельную газету, имевшую «все задатки для того, чтобы стать лучшей газетой Поволжья» (М. Горький). Значительна в этом отношении роль редактора газеты Н. А. Ашешова, журналиста, литературного критика, высланного из столицы в Самару «за неблагонадежность». В «Самарской газете» довольно часто печатались корреспонденции, статьи, стихи и рассказы, присылаемые из Симбирска. В ней печатался симбирский уроженец, беллетрист, сотрудник многих поволжских газет Николай Александрович Мандыркин. Его рассказ «Афонька Беспалый» был напечатан в «Самарской газете» в 1888 году, в декабрьском номере. В конце девяностых и в начале девятисотых годов в газете довольно часто появлялись рассказы, очерки, стихотворения писателя-гончарововеда П. А. Александрова («Симбирск», «Памяти Пушкина», «В деревне», «Андрон и Карпушка», «На ниве» и др.), а также статьи и заметки С. М. Розова из Буинска.

Публикация в «Самарской газете» корреспонденций из Симбирска и художественных произведений писателей-симбирян усиливала интерес к ней со стороны читателей нашего края. Но самый главный интерес к газете

вызывался тем, что в ней печатались Горький и Скиталец.

А. М. Горький был приглашен в число сотрудников газеты Ашешовым по рекомендации Короленко. В 1895—1896 годах на страницах газеты особо выделялись своим демократическим и революционным характером произведения Горького. В газете были напечатаны его «Очерки и наброски», серия фельетонов на местную тему и десятки художественных произведений, среди них: «Вывод», «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль», «На плотах», «Дело с застежками» и др.[1]

А. М. Горький высоко оценивал роль прессы. «В данное время, — писал он в 1895 году в «Очерках и набросках», — время неопределенного шатания мысли, нищеты духа и упадка жизнеспособности, — пресса более, чем когда-либо, должна быть на страже всего чистого и честного, более живо и резко будить совесть общества и поддерживать в нем надежду на самого себя и веру в лучшее будущее»[2].

Эту роль с честью выполнял Горький как журналист и писатель. Его произведения, печатаемые в «Самарской газете», становились достоянием и симбирских читателей, влияли на формирование общественного мнения. Симбирянам были известны знаменитая «Песня о Соколе» и «Письмо Максима Горького». В 1906 году в Симбирске возникает дискуссия по пьесе Горького «Дети солнца», поставленной на сцене местного театра. Позднее здесь идут его пьесы «Чудаки» и «На дне».

Известность Горького росла вместе с ростом и развитием революционной борьбы. В 1905 году симбирские большевики организовали литературный вечер Скитальца, ученика и соратника Горького. С этого же года в Симбирск стали приходить горьковские сборники «Знание» (в библиотеку имени И. А. Гончарова, врачу Сурову, юристу Кудрявцеву и др.). Симбирские читатели проявляли большой интерес к «буревестнику революции», к его образам, в особенности к «Песне о Соколе», напечатанной в «Самарской газете».

В безымянном очерке «Тюрьма и ее обитатели», опубликованном в июне 1906 года в «Симбирских вестях» — газете либерального направления — дается описание симбирской тюрьмы. В очерке есть такое место:

«На подоконниках, на стенах той камеры, в которой мы были, масса надписей, сделанных не уголовными арестантами, а теми, которые стремились к небу, как горьковский Сокол. И вспомнилась песня:

По дороге большой,
Прогоренной тропой,
Что Владимирской сдревле зовется,
Цвет России идет, кандалами звеня,
И дубинушка стройно несется»[3].

Следовательно, горьковская «Песня о Соколе» была широко известна читателям-симбирянам.

«Песню о Буревестнике», напечатанную в 1901 году в «Самарской газете» со ссылкой на журнал «Жизнь», симбирский читатель знал также и по изданиям «Знания» 1901 года, имевшимся в публичной библиотеке имени И. А. Гончарова. Горьковские произведения распространялись также рукописным путем. Об этом мы знаем из переписки между Самарским и Симбирским жандармскими управлениями. В июле 1902 года симбирский семинарист И. В. Соколовский приехал к своим родственникам в Самару. 29 июля он был в Самарской публичной библиотеке, где получил от Эдуарда Мертца гектографированные произведения Горького «Весенние мелодии» и «Песнь о Буревестнике»[5]. Несомненно, это не единичный факт.

На революционное значение горьковских песен указывал Е. Ярославский. Он писал: «Вряд ли в нашей литературе можно найти произведение, которое выдержало бы столько изданий, как «Буревестник» Горького. Его перепечатывали в каждом городе, он распространялся в экземплярах, отпечатанных на гектографе и на пишущей машинке, его переписывали от руки, его читали и перепечатывали в рабочих кружках и в кружках учащихся... Воззвания Горького и его пламенные боевые песни: «Буревестник», «Песня о Соколе» — имели не меньшее революционное воздействие на массы, чем прокламации отдельных революционных комитетов партийной организации; да и сами партийные организации нередко издавали горьковские воззвания и распространяли их широко в массах»[6].

В 1906 году «Симбирские вести» перепечатали из «Самарской газеты» «Письмо Максима Горького». Это

было не что иное, как часть его статьи «По поводу», написанной в ноябре 1905 года и напечатанной в большевистской газете «Новая жизнь». Эта статья является одним из замечательных произведений ранней революционной публицистики Горького. В ней дан ответ на письма, присланные разными лицами. Автор одного из них спрашивает: «Что случилось с этим добрым русским народом, почему он вдруг стал кровожадным зверем?» Горький разоблачает лицемерие этого вопроса, с негодованием пишет о паразитизме господствующего класса. «Всю жизнь, — пишет он, — только брали его труд, его последний кусок хлеба, брали легко и просто, не понимая, что́ вы берете, вы жили, не спрашивая себя, чем, чьею силою вы живете». От этих слов, сбращенных к автору письма, Горький переходит к характеристике наглого насилия, составлявшего страшную и бесчеловечную систему российской жизни: «Мы живем в стране, где людей до сего дня секут, хлещут нагайками, забивают палками до смерти, где ломают ребра, бьют по лицу ради забавы, где нет предела насилиям над людьми, где формы мучений разнообразны до отвращения, до безумного стыда... Народ мучали и мучают все, кто имел и имеет один золотник власти над ним». Горький заявляет: «Наступили дни возмездия, господа, дни расплаты за ваше преступное невнимание к жизни народа». Письмо заканчивается словами о пролетариате: «...Есть в стране другая, светлая сила, озаренная великой мыслью, охваченная яркой мечтой о царстве справедливости, свободы, красоты»[7].

Статья Горького «По поводу» направлена против либеральной буржуазии. Писатель-революционер утверждал в ней идеи социализма и величие русского рабочего класса. Кадетская «Полярная звезда» ответила на статью Горького долгими воплями, «долгими статьями». Симбирская же буржуазная газета «Симбирские вести» перепечатала часть статьи «По поводу» (т. е. «Письмо Максима Горького»). Трудно сказать, какую цель она преследовала. Может быть, это объясняется неоднородностью сил, которые объединялись вокруг «Симбирских вестей»: вскоре от этой газеты отошла группа общественных деятелей, приступившая к изданию «Симбирской народной газеты». Одно несомненно, — в этом случае проявились интересы передовой

части симбирской интеллигенции, ориентировавшейся на «Самарскую газету», которая в это время использовалась самарскими социал-демократами.

По своему идейному содержанию и по роли, которую сыграло «Письмо Максима Горького» в общественной жизни Симбирского края, его нужно отнести к таким документам, как прокламации Симбирской группы РСДРП, издаваемые в эти годы. Гневные слова писателя как нельзя уместны были в Симбирске, «окуровском» городке.

Симбирские большевики распространяли среди рабочих, солдат и учащихся средних учебных заведений рассказ Горького «О писателе, который зазнался». Произведение это читалось в 1901 году в Нижнем Новгороде самим автором среди студентов, высланных из столицы за участие в беспорядках. Горький и Скиталец нередко бывали в кружке этих студентов. В письме одного из участников кружка, перехваченном жандармами, сказано: «Читал нам Горький свои новейшие произведения, не пропущенные цензурой: «О писателе, который зазнался» и «Весна»[8]. Распространялись эти произведения в марте 1901 года в Москве литографским способом. В 1902 году был напечатан берлинский сборник М. Горького «Запрещенное» (изд. Г. Штейница), куда входил и рассказ «О писателе, который зазнался». В Симбирске было литографированное издание рассказа, выпущенного в Москве.

В начале 900-х годов Горький пишет ряд рассказов и памфлетов, посвященных проблемам литературного творчества («О беспокойной книге», «Публика», «Пузыри» и др.). Писатель защищает боевую реалистическую литературу, разоблачая декадентских эстетствующих писателей и бескрылых натуралистов. К этой группе публицистических произведений и относится его памфлет «О писателе, который зазнался». В нем Горький беспощадно клеймит либеральную интеллигенцию, мещанство, которые боятся правды жизни, в литературе и искусстве ищут только «эстетическое», а в писателе видят «забавника» этой «чистенькой публики». Пролетарский писатель, говорил Горький, видит будущее не в этой «культурной публике», закрывающей все «форточки от ветра истории», — он провидит «молодую, юную Россию», «сознающую свое право творить жизнь новую,

жизнь яркую, жизнь свободную» (Из письма к Л. Андрееву). Во имя этой новой силы Горький обращается к писателям с призывом: «К жизни!» А жизнь для него, как он определил в памфлете, — «Героическая поэма». И эту «поэму» будут писать новые герои, приход которых писатель ждет и прославляет: «...уже вновь наступает время, когда ей нужны герои!.. Скоро придут иные люди, люди смелые, честные, сильные. — Скоро!..»[9] Пафос этих слов роднит рассказ «О писателе, который зазнался» с «Весенними мелодиями», в заключительной части которых звучит та же вера в неизбежность и близость революционных преобразований. Памфлет воспринимался как публицистическое произведение, решительно осуждающее «эстетиков, утопающих в грязи», и зовущее к революционному преобразованию жизни.

Распространение произведений М. Горького, а также «искровских» материалов о нем способствовало популярности творчества пролетарского писателя не только в самом Симбирске, но и в уездах губернии. В 1910 году в Сенгилее работал литературный кружок. На одном из занятий кружка зачитывалась пьеса Горького «Чудаки»[10]. Пьеса эта была напечатана в 1910 году в сборнике «Знание» (№ 32). Следовательно, кружок располагал горьковскими сборниками. Обращение к этой пьесе Горького, написанной в годы реакции, весьма показательно. Герой пьесы известный писатель Мастаков, в своих программных высказываниях, заявляет: «... до боли жалко людей, которые не видят в жизни хорошего, красивого, не верят в завтрашний день». И поэтому он, как писатель, видит свое призвание в том, чтобы заставить людей поверить в «завтрашний день». Он говорит «о силе человека и красоте жизни».

Симбирская литературно-научная газета «Вестник», выходившая в 1910 году, так писала о «Чудаках»: «Вся новая вещь Горького проникнута живым, глубоким оптимизмом. Лейтмотив ее — вера в жизнь, в победу, в солнце»[11].

Как видим, сенгилеевский литературный кружок не случайно остановился на «Чудаках» Горького.

В период реакции, безверия смелый буревестник учил революции, утверждал мужество жизни, мужество борьбы. Он был пророком победы в грядущей социальной буре.

ПЕСНИ ГУСЛЯРА

В НАЧАЛЕ 1905 года в Симбирск приехал Скиталец и поселился в деревянном доме на Старом Венце. Его имя было широко известно прогрессивной России, как имя революционного поэта, ученика и соратника Горького. В 1901 году Горький вместе с Скитальцем был арестован и заключен в нижегородскую тюрьму. Последнему было предъявлено обвинение «о соучастии по пропаганде среди рабочих, вместе с рабочим малярного цеха Алексеем Пешковым». В тюрьме Скиталец написал повесть «Сквозь строй», рассказ «За тюремной стеной» и цикл революционных стихотворений. Одно из них под названием «Прощальное слово» было положено на музыку и исполнялось Шаляпиным. Прозаические произведения, написанные в тюрьме, печатались в горьковском сборнике «Знание».

Из нижегородской тюрьмы Скиталец был выслан под надзор полиции в село Обшаровка Самарского уезда, т. е. на свою родину. Здесь он прожил год. Возвратившись в Москву, поэт в декабре 1902 года принимает участие в литературном вечере, где выступает с чтением своих стихов. В стихах воспевалась революция, гнев народный. Полиция прервала вечер, удалила исполнителей и публику, привлекла к судебной ответственности устроителя вечера Л. Андреева. Вскоре была закрыта газета «Курьер», поместившая восторженный отчет о выступлении Скитальца и напечатавшая стихотворение «Гусляр», прочитанное им на этом вечере.

В феврале 1904 года поэт был снова заключен в тюрьму за революционную деятельность. В декабре этого же года Скиталец совместно с другими писателями пишет протест против зверств московской полиции, из-

бивавшей демонстрантов. Весьма показателен доклад заведующего особым отделом департамента полиции от 14 апреля 1901 года. В этом докладе Скиталец зачислен в группу людей «противоправительственного направления». Его имя в докладе неотделимо от имени Горького и его революционной деятельности[1].

В Симбирске было немало передовых людей, выписывавших горьковские сборники «Знание», в которых печатались рассказы и стихи Скитальца[2]. В нашем крае знали и знаменитое стихотворение поэта-земляка «Гусляр», рукопись которого была у братьев Скитальца — Петровых, сельских учителей в селе Большая Царевщина.

Симбирские большевики имели ясное представление о Скитальце, о его литературной и революционной деятельности. Они обратились к Скитальцу с просьбой выступить на платном вечере в пользу их организации. Поэт согласился на это. Литературно-музыкальный вечер был устроен 3 мая 1905 года в здании городской думы. Зал был переполнен. Сюда пришел весь революционный, передовой Симбирск. Вот как описывает выступление Скитальца один из его симбирских почитателей, присутствовавший на литературном вечере. «Молодежь с нетерпением выжидала его появления. Вот, вот раскроются двери комнаты, где находится он, и выйдет в зал друг М. Горького. Свет М. Горького лежал на поэте Скитальце дорогами скитаний, тюрем и сказочной воли. Двери наконец распахнулись. Толпа раскрыла рот, в духоте задыхаясь и напирая. И вот, глядя через пенсне, бычась, сложа руки на широчайшей груди, словно налетая на бурю, явился Скиталец. В углу больших обветренных матросских губ его пошевеливалась трубка, дымясь. Он сосал ее. Он энергично, — срыва вытаскивая трубку из правого кривого угла губ, — читал стихи, гремя, как гром, — и вставляя трубку в левый угол губ»[3]. Скиталец читал свои лучшие произведения, с которыми он выступал в 1902 году на московском вечере. «Гусляр», «Кузнец», «Нет, я не с вами». Н. Телешов, современник и друг Скитальца, пишет об этих произведениях: «Его стихи, полные презрения к мещанству, звучали... набатом»[4].

«Гусляр» был любимым стихотворением Скитальца. Он исполнял его с воодушевлением и подлинным пафо-

сом. В начале произведения автор говорит о призвании поэта:

Дал в наследство мне мой батюшка-гусляр
Гусли-мысли, да веселых песен дар.
Гусляром быть доля выпала и мне —
Сеять песни по родимой стороне...

Но песня разворачивается дальше, и звучат бунтарские слова поэта-гусляра:

Я вхожу во дворец к богачу
И ковры дорогие топчу!
Полны скуки, тоски и мольбы
Там живут сытой жизни рабы...

Гневный пафос песни нарастает, и в переполненный зал падают, точно камни, увесистые слова Скитальца:

Я к вам явился возвестить:
Жизнь казни вашей ждет!
Жизнь хочет вам нещадно мстить:
Она — за мной идет!..

Притихшие с затаенным дыханием симбиряне вслушивались в заключительные слова песни:

Ах! Не кончил этой песенки гусляр,
Не приходит он на людный на базар...
Только видно: у тюремных у ворот
Каждый вечер собирается народ,
А из башни — песни льются и гремят,
Гусли звонкие рокочут и звенят![5].

Симбиряне горячо аплодировали ученику и соратнику Горького. В его поэзии они ощущали буревестнические настроения. В произведении «Я упал с облаков» слушатели отчетливо восприняли связь творчества Скитальца с горьковским творчеством: образ смелого Сокола, воспевание «безумства храбрых» — все это импонировало им, перекликалось с их настроением.

На вечере Скиталец прочитал также стихотворение «Кузнец», в котором звучали мотивы, выражающие настроение рабочего класса. Образ поэта олицетворяется с образом кузнеца. Поэт-кузнец «песни молотом кует и в железные сердца» бьет.

В заключение Скиталец с воодушевлением и подъе

мом прочитал свое лучшее стихотворение «Нет, я не с вами». Голос поэта-гусляра гремел на весь зал:

Нет, я не с вами: своим напрасно
И лицемерно меня зовете.
Я ненавижу глубоко, страстно
Всех вас: вы — жабы в гнилом болоте!..[6]

Симбиряне встретили эти стихи бурей оваций. Повторилась московская история. В. Рябиков, один из организаторов вечера, вспоминает: «Публика бросилась к эстраде, и «Марсельеза» залила зал думы. С пылающими лицами пели мы все, сбившись в тесный круг». Раздались крики: «На улицу!» и все скопом выкатились на площадь против Карамзинского садика. Было два часа ночи. Тишину симбирской ночи прорезали молодые возбужденные голоса, крики, опять зазвучала «Марсельеза», «Варшавянка». Демонстранты направились к Большой Саратовской (теперь Гончаровской) улице. Вскоре в толпу демонстрантов врезалась полиция. Послышались крики, ругань, начались аресты. Но демонстранты держались стойко, песня не прекращалась. Так дошли до Большой Саратовской улицы, прошлись по ней, а затем разошлись в разные концы города[7].

Это была первая уличная демонстрация в Симбирске. Выступление поэта-гусляра, демонстрация после его вечера способствовали популяризации его творчества. В последующие годы в нашем крае получила распространение его лирическая любовная песня «Колокольчики-бубенчики звенят». Я находил ее в местных альбомах. Стихотворение Скитальца «Четверо», появившееся в печати в 1907 году, исполнялось в том же году как песня, например, на литературных утренниках в школе с. Лукино. Пели ее и в самом селе. Это эпическая повесть о четырех братьях, которым мать завещала перед смертью добиться «земельки да воли». Сыновья погибли: один из них, поэт, был повешен, второй был заколот в бою, а двое других, что за ружья взялись, в морозы лихие погибли в далеком краю.

А мать и не знала — в могиле лежала,
В гробу под тяжелой землей...
Не знала, что в поле, за землю и волю
Зарыли их ранней зарей![8]

Песни поэта-гусляра отозвались и в партийной печати. В «Прокламации Симбирского комитета РСДРП ко дню празднования Первого мая» в 1907 году читаем: «Пусть же наша майская песня, как молот о наковальню, ударит в сердце и заставит дрожать тех, кто не дает нам жить человеческой жизнью»[9]. Здесь явственно ощущается перекличка с «Кузнецом» Скитальца, прозвучавшем в 1905 году в Симбирске.

Песни Скитальца пробудили также Михаила Бродягу, Изгнанника, Путника, чьи песни влились в общий поток поэзии борьбы нашего края.

ПЕСНИ МИХАИЛА БРОДЯГИ

СТИХИ Михаила Бродяги я встретил впервые в газете «Наши дни», издававшейся, как уже отмечалось, в Симбирске в 1907 году. Затем обратился к словарю псевдонимов Массанова и узнал, что в 1907 году в Симбирске был издан сборник рассказов и стихотворений Михаила Бродяги под названием «Аккорды бессильной злобы».

Много времени заняли поиски этого сборника. Отдельную книжку удалось разыскать только в Ленинградской публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина. Еще многое неясно в биографии Михаила Бродяги, но уже достаточно накоплено материала, чтобы рассказать об этом своеобразном поэте, об его участии в литературной жизни революционного Симбирска.

Биографических данных о Михаиле Бродяге очень мало. Утверждение Массанова о том, что за этим псевдонимом скрывается Александр Павлович Олениченко убедительно пересмотрено Б. Д. Федоровым, установившим, что речь должна идти о Михаиле Николаевиче Чикунове[1]. В июне 1904 года М. Н. Чикунов жил в Новгороде, в июне 1905 года — в Куоккале (Финляндия), где, по-видимому, и познакомился со Скитальцем. В сентябре того же года Чикунов — опять в Нижнем Новгороде. В августе 1906 года поэт побывал в Окулихе, в сентябре — в Пучеже, в октябре — в Казани. В 1907 году Чикунов прибыл в Симбирск, где задержался на длительное время.

В Симбирске Михаил Чикунов развернулся как поэт. Здесь он вновь встречается со Скитальцем. Здесь же оформился и его псевдоним. Во всяком случае, в газете «Наши дни» (№ 2), вышедшей 18 марта 1907 года,

впервые встречается подпись: М. Бродяга. Псевдоним указывал на биографические особенности поэта — частую перемену мест. Оформился поэт под влиянием Скитальца, вокруг которого в 1905—1907 гг. группировались и другие его последователи. Дальнейшая судьба М. Бродяги трагична. Он был арестован, возможно даже в Симбирске, заключен в тюрьму и в 1909 году, как сообщает Б. Д. Федоров, погиб в Оренбургском застенке от ножа уголовника.

Симбирский период самый плодотворный в творческой деятельности Михаила Бродяги. Как уже отмечалось, его первые литературные шаги связаны с газетой «Наши дни». Затем вышел сборник рассказов и стихотворений М. Бродяги «Аккорды бессильной злобы», посвященный Степану Гавриловичу Петрову, т. е. Скитальцу. Сборник открывается эпиграфом:

Я страдалец-певец... Мои дни так грустны,
Как надгробные вопли в глуши,
И все песни мои мне страданьем даны
Одинокой и мрачной души...

В книгу включены произведения, написанные автором в 1904—1907 гг. Сборник начинается стихотворными произведениями: «Я страстно жажду пробужденья» и «Песнь восставших». Дальше следует рассказ «Стоны», вслед за которым напечатаны стихотворения: «Чу! Плача, рыдая, несется» и «Объята моя изболевшая грудь». Затем идет рассказ «За свет и свободу» и заканчивается сборник тремя стихотворениями: «Бушуй, море! Я взором впиваюсь», «Шли мы долго, уныло, молча» и «Один умру я...».

Программным для сборника, и, пожалуй, для всего творчества симбирского периода Михаила Бродяги, является «Песнь восставших». Это не что иное, как стихотворение «За дело свободы мы в битву вступаем», напечатанное в марте 1907 года во втором номере «Наших дней». В сборнике текст первой строфы, по сравнению с газетным текстом, несколько изменен:

За свет и свободу мы в бой выступаем,
За свет и свободу на смерть мы идем,
И жизнь своей жизни ценой покупаем,
И счастье ценой своей жизни куем[2].

Остальная часть песни (две строфы) осталась без изменения. Назвав стихотворение «Песней восставших», поэт определял не столько этап законченности работы над ним, сколько придал произведению революционное, боевое звучание. Оно стало песней борьбы. В сентябре 1907 года сызранские жандармы захватили при обыске рукопись «Песни крестьянам» (За землю и волю мы в битву вступаем...), в основе которой лежит стихотворение М. Бродяги (текст «Песни крестьянам» приведен в главе «Песни борьбы»). Родственный характер этих двух произведений совершенно очевиден. Можно смело сказать, что «Песнь восставших» — вершина поэтического творчества Михаила Бродяги.

Остальные стихотворения, включенные в сборник, написаны до «Песни восставших». В них нет оптимистической определенности, свойственной его стихам 1907 года, но все же в них звучат мотивы возрожденья («Объята моя изболевшая грудь») и мотивы борьбы, выраженной в образе бушующего моря, которое опьяняет поэта загадочным шумом («Бушуй, море!.. Я взором впиваюсь»). Мотивы трагической судьбы звучат в лирических стихах «Шли мы долго, уныло, молча» и «Один умру я...» По-видимому, они являются данью Страдальцу — певцу «одинокой и мрачной души».

Мотивы «Песни восставших» звучат не только в стихотворениях сборника, но и в рассказах «Стоны» и «За свет и свободу». Эти произведения можно назвать стихотворениями в прозе, так эмоциональна их языковая ткань, так значительно звучит взволнованный, часто негодующий голос писателя. В рассказе «Стоны», написанном в сентябре 1905 года в Нижнем Новгороде, нет отчетливого сюжета[3]. Писатель рассказывает о совместной поездке на пароходе по Волге с начитанным крестьянином нижегородцем Пановым, о его мужицкой исповеди. Панов, здоровый, плотный и крепкий, с высокой богатырской грудью и большой окладистой черной бородой, с шапкой буйных волос на голове, был человеком незаурядного ума и внутренней силы. Писатель называет его без иронии, уважительно — «интеллигентным лапотником». Панов страстно, с бурной ненавистью рассказывает о жизни «порабощенного, забитого, терпеливого, забытого, выносливого, безответного, как лошадь, голодного, окруженного тьмой, грязью, деспотиз-

мом, произволом и невежеством» мужика. На пароходе, в третьем классе, где шел разговор писателя с Пановым, «тесно копошился разношерстный люд, копошилась наша всероссийская

Бедность голодная, грязью покрытая,
Бедность несмелая, бедность забитая,

которая

Просит солнышка — гроза идет,
Скажет правду — силой рот зажмут».

Слова Панова пробуждают интерес у этой «бедности забитой», вокруг него становится все тише и тише. «Бедность несмелая» жадно внимала злобным обличающим словам своего собрата. А он, сверкая глазами, бросал в эту притихшую толпу зажигающие слова: «Мы пашем и сеем, строим города, разные селения и дороги, расчищаем отнятые у нас леса, ухаживаем за ними, отдаем своих детей на заводы, фабрики, в солдаты, отправляем в чужие страны по требованию властей.., словом всех кормим, одеваем, охраняем, устраиваем, снабжаем всем необходимым...». «Но мы терпим до время»,— многообещающе заканчивает Панов. Его слова дышали несокрушимой энергией. Внимавшая ему «бедность голодная» была уж не той, которую воспел страдалец-поэт Никитин и о которой сложил торжественный гимн Некрасов:

Господь, твори добро народу,
Благослови народный труд.

«Бедность голодная», внимавшая «интеллигентному лапотнику», пробуждалась. Этот процесс пробуждения и вера в то, что старый мир «со страшным треском и тысячами человеческих жертв упадет и вновь уже не воздвигнется», переданы в песне, которую поют на пароходе. Она органически вплетается в рассказ Панова и сама могуче звучит:

Вставай же, брат рабочий,
Гляди, заря встает,
Бледнеет сумрак ночи —
То светлый день идет.
Поднимем наше знамя —
Свободы красный стяг..[5]

Эта песня возникает в тот момент, когда мужицкий агитатор утверждал, что старый мир погибнет и не возродится. Затянул ее кто-то один, но ее немедленно подхватили несколько человек и «она быстро разрослась и окрепла». И звуки песни вызвали в душе писателя, собеседника Панова, светлое чувство: «Я радовался всей душой пробуждению нашего народа от долгого и тяжелого сна и глубокому и быстрому проникновению в его сердце новых идей». И пусть писатель-страдалец слышит стоны, горестные и отчаянные рыдания, а искры, падающие к его ногам, кажутся ему «горящими слезами этих рыданий» народа и даже рассказ свой назвал «Стоны» — все же он страстно повествует не о забитости народа, а о его пробуждении, о том, что душа народа, выраженная в размашистой песне, «мощно и грозно требовала мести виновникам этих бедствий и гонений и уверенно говорила о светлом и счастливом будущем России».

Второй рассказ М. Бродяги «За свет и свободу» написан в августе 1906 года. Названием для него послужили слова, взятые из «Песни восставших» (За свет и свободу мы в бой выступаем...). В рассказе идет речь об участнике демонстрации в огромном столичном городе. Захваченный общим порывом рабочий Василий выступает перед демонстрантами: «Нас много, нас миллионы, и мы победим. Победим. Мы достаточно сильны и энергичны для этого». Но вот показалась длинная и стройная серая полоса солдат с ружьями на плечах, «впереди — молодой маленький офицер. Махая в воздухе обнаженной шашкою, злобно глядя на толпу, он кричал: «Что вы тут, бродяги?! Разойдись!» В ответ — грозный гул толпы. Раздались слова французской марсельезы:

Сыны отечества, за мною!
День нашей славы наступил![6]

Раздался сухой, беспорядочный треск ружейных выстрелов, и на площади — «сотни неподвижных, обезображенных мертвых тел». Спасаясь от расправы, чудом уцелевший Василий бежит из города. В холодный зимний день усталыми неровными шагами идет он по проселочной дороге. Воспоминания о кровавой расправе над

товарищами захватывают его душу и неожиданно выливаются в песню:

Спите, погибшие в гордом бою,
Вас не забудет отчизна.
Скоро в родном возрожденном краю
Будет великая тризна.
Вспыхнут пурпурные флаги знамен
В радостный праздник восхода,
Будут минувшие битвы, как сон,
Будет весна и свобода.
Только на праздник весны не придут
Те, кто безмерно любили...
Спите, сраженные. Спите. Мы тут,
Плачем на братской могиле![7]

Песня была прекрасна. «Она невольно вызывала в воображении певца облики его товарищей, погибших в гордом бою». И хотя Василий, чувствуя свое одиночество и беспомощность, погибая в поле, впадает в какое-то полумистическое состояние, последние слова этой песни звучат в его душе. Он умирает «полный тоски, муки, полный надежд на грядущее счастье».

В рассказе проявляются те особенности, которые нашли свое выражение в новом псевдониме писателя — Страдалец. Но окраску и лирическое звучание рассказу придает песня М. Бродяги «Спите, погибшие в грозном бою», возникшая на основе мотивов песен революции, посвященных павшим борцам за свободу.

Сборник рассказов и стихотворений Михаила Бродяги «Аккорды бессильной злобы» не вошел в историю большой поэзии, но в литературной и политической жизни края в 1907 году он был заметным явлением. И не одиноким. В этом же году должны были выйти в свет сборник рассказов, очерков и стихотворений с портретом Страдальца (М. Бродяги) «Звуки печали сумерек», а также сборник рассказов и стихотворений Скитальца, М. Стоговского, Страдальца, Ев. Чирикова, В. Башкина и А. Лукьянова. Сборники эти печатались в той же Симбирской типографии А. М. Колосова, но так и не вышли в свет. Помешала наступившая реакция, неоднократные разгромы Симбирской большевистской организации, а следовательно и тех литературных сил, которые тяготели к ней.

ВОЛЬНЫЕ ПЕСНИ ПУТНИКА

ТИМОФЕЯ Федоровича Аверьянова (1878—1958) знают в нашем крае как старого большевика, участника трех революций, но только немногим известно, что он был поэтом, печатавшимся под псевдонимом — Путник. Его поэтическая деятельность проходила под влиянием Горького и Скитальца.

Тимофей Федорович Аверьянов родился в деревне Степная Дурасовка Карсунского уезда. Прадеды и деды его были крепостными крестьянами. Его мать тоже работала в молодости на барщине. Отец ходил на заработки, как стекольщик. По нескольку лет он не показывался в родной деревне, а когда власти все же его отыскивали, то пригоняли по этапу в волость, где пороли за неуплату податей. Когда спина подживала, отец опять подавался на заработки. Поэтому мальчик воспитывался только матерью, которая, по словам сына, ничего не имела, кроме могучих рук.

Детские годы Аверьянова — тяжелый путь подпаска, нищего, собирающего по домам милостыню, ученика в столярной мастерской в Хвалынске, Астрахани.

В 1892 году мать умерла от холеры, на рыбных промыслах в Астрахани. Наступила сиротская жизнь.

Т. Ф. Аверьянов прошел большой жизненный университет. Ранняя трудовая жизнь сблизила его с передовыми людьми, с революционерами. В 1905—1907 гг. он — активный участник первой русской революции. В 1905 году Аверьянов работал в г. Осташкове Тверской губернии, на железной дороге, где включился в революционную деятельность, распространял среди рабочих революционную литературу. Возвращаясь в конце

1905 года через Москву на родину, он был очевидцем революционной борьбы московских рабочих. В Дурасовку молодой столяр вернулся не с пустыми руками: в его сундуке и мешке лежала революционная литература, а также произведения Горького, Скитальца. Своим землякам Аверьянов рассказывал о московском восстании, о питерских рабочих, о расстреле рабочих 9 января. Вскоре после возвращения в родные места, пишет Аверьянов, «я оказался среди своего населения, как говорится, первым парнем в хороводе». А «хоровод» был неплохой: темной ночью запылал дом урядника в селе; то тут, то там вспыхивали помещичьи усадьбы в Карсунском уезде. Начались преследования со стороны жандармов. «Жизнь моя висела на тонком волоске», — вспоминает Аверьянов[1].

Вот в эти-то годы, годы революционной деятельности, Т. Ф. Аверьянов и знакомится с творчеством Горького и Скитальца, и оно оставляет в его сознании глубокий след, пробуждает интерес к писательскому труду. Сам Аверьянов об этом рассказывает так: «В 1905—1907 гг. мне представилась возможность получать нелегальную революционную литературу в большом размере, и шла она по верным рукам в наши села. Из прочитанной мною литературы больше всего ложились на мою душу произведения А. М. Горького и Скитальца. Я их любил по тому далекому прошлому, люблю, как художников пера, и до сей поры». Эти строки были написаны в 1953 году[2]. Аверьянов впервые познакомился с их произведениями в дешевых (копеечных) изданиях «Донской речи». «В первые годы революции, — пишет он, — весьма много стали писать в прогрессивных газетах и журналах о революционном движении в России. Особенно много стало издаваться брошюр, и главное — издательством «Донская речь», где уже можно было видеть ряд статей, повестей и рассказов, а также стихотворений на тему революционного движения. На обложках этих сборников, на задней стороне, были в числе авторов названы Горький, Скиталец, Л. Н. Толстой и другие. Я этими писателями, откровенно говоря, до безумия зачитывался и они меня, надо сказать, пробудили к жизни и к мировоззрению на жизнь»[3]. Можно назвать произведения Горького и Скитальца, которыми зачитывался Аверьянов. Среди них «Песнь о Со-

коле» и «Песнь о Буревестнике». Они были напечатаны в сборнике «Зарницы», изданном «Донской речью» в 1903 году. В этом же сборнике были напечатаны стихи Скитальца: «Узник» (Ржавый ключ, как будто зверь...), «Я оторван от жизни родимых полей», «Ты скажи-ка, оборванец молодой».

Увлечение литературой нашло вскоре и свой практический выход. Аверьянов, как он говорил сам, «выучился писать» и даже стал помещать свои заметки в симбирской газете «Волжские вести». В 1906 году была напечатана его первая статья «О крушении потолка в Таврическом дворце». Статья была перепечатана другими газетами, а ее автор попал под арест. Так начал свой нелегкий путь писатель-самоучка.

При содействии Аверьянова издавалась симбирская литературная газета «Жизнь». Издатель этой газеты — писатель Н. Н. Ильин (Нилли) был взят на учет в Симбирском жандармском управлении как социал-демократ и за ним велась постоянная агентурная слежка. В одной из жандармских справок о нем сказано: «Политически неблагонадежен».

В 1909 году Ильин познакомился с Т. Ф. Аверьяновым. В Симбирске, пишет Аверьянов, «я приобрел кружок близких по духу друзей, часто собирались мы вместе, обсуждали различные революционные вопросы и дела, издавали на свои скудные средства брошюры и газеты, где я уже стал помещать свои стихи, рассказы и статьи. Но охранка не дремала, шла за нами след в след и ввела в наш кружок некоего М. К. Мордвинова (б. учителя), который, как нам стало известно лишь в 1917 году, был провокатором и слыл в охранке под кличкой «Смоленский». Конечно, все подробности о нас Мордвинов сообщал по принадлежности».

Кроме Аверьянова и Ильина, в этот кружок входил Федор Андреевич Абрамов, крестьянин села Ундоры, живший в Симбирске, сотрудник и редактор «Волжских вестей»; бухгалтер городской управы М. П. Кузин, в свое время «исключенный из гимназии за революционные идеи», и др. В этой группе жарко обсуждалась проблема взаимоотношений интеллигенции и народа, что привело к мысли создать литературную газету, которая бы оказывала помощь писателям-самоучкам из народа. Такая газета начала издаваться в июне 1910 года под

названием «Жизнь». Ее вышло пятнадцать номеров. В жандармской справке «Жизнь» названа газетой «социал-демократического направления». Первый номер газеты был напечатан на средства Аверьянова, а в дальнейшем — на скудные пожертвования и за счет опять того же Аверьянова.

В газете печатались статьи о всеобщей крестьянской разрухе, о распутстве духовенства, об апостольских правилах сомнительного происхождения. Но в «Жизни» при попустительстве Ильина появлялись и неверные, путанные и вредные статейки. Аверьянов противился печатанию подобных статей. Однажды после напечатания какой-то гнусной вехистской статейки он пришел для объяснения к редактору на квартиру. «Сидел долго, молча, глядел в землю, качал головой, а затем, стукнув кулаком по столу, сказал: «Это что же значит? Вот, как кобель хвостом, — туда, сюда? Мне не денег жалко, а идею». Сжимая кулак, он сказал Ильину: «Я размозжу башку тому, кто, значит, созвал, а потом против. Это обман человечества. Вот что!» Это объяснение записано в дневнике редактора Н. Н. Ильина.

Редакция «Жизни» обратилась к Горькому с просьбой принять газету под свое покровительство и оказать ей материальную и моральную поддержку. Ответное письмо Горького от 28 февраля 1911 года, присланное с Капри, где лечился писатель, было перехвачено жандармами. Горький указывал на ошибки газеты и советовал издателям серьезно учиться самим, чтобы поучать других. Газета попыталась следовать советам Горького, но четырнадцатый, а затем пятнадцатый номера были конфискованы, редактора судили за оскорбление церкви и заключили на несколько месяцев в Казанский тюремный замок. Газета была задушена и в июле 1911 года прекратила свое существование[4].

Следует сказать еще о таком штрихе, характеризующем питательную среду писателя-самоучки. В воспоминаниях Аверьянова указывается: «Ильин посылал брошюры даже лично Горькому в 1912 году, когда Горький жил на острове Капри, и получал от него ответы, хотя не весьма лестные, но все же Горький не рекомендовал упускать издательство из рук». В данном случае речь идет не о суровом письме Горького газете «Жизнь», а о каком-то другом горьковском письме. Из того же источ-

ника мы узнаем о сочувственном отношении Скитальца к кружку симбирских писателей-самоучек, о его помощи симбирянам. Скитальцем было одобрено издание «Солдатских писем», осуществленное Н. Ильиным и Т. Аверьяновым в 1915 году, в которых звучали слова недовольства войной. Эта брошюра была конфискована[5].

Кроме «Волжских вестей» и симбирской «Жизни», произведения Аверьянова печатались в Московском сборнике «Жизнь» (1912, 1913), а после революции — в симбирских «Известиях», «Заре», «Пролетарском пути». В 1925 году Т. Ф. Аверьянов подготовил сборник «Песни Путника», куда вошли стихи 1911—1925 гг. Однако сборник так и не увидел света[6]. Читая его стихи, чувствуешь живое искреннее чувство поэта, болеющего за трудящийся народ. Он весь в стремлении к лучезарному будущему, еще неясному для него, но желанному. Лирический герой Аверьянова — Путник (псевдоним, по-видимому, идет от Скитальца) пробивается тернистой дорогой, стремясь туда «где от жизни от убогой не осталось бы следа». Не страшась ни гроз, ни небесного огня, он идет навстречу дню, «что зарею красной блещет». Для того, чтобы дать представление о творчестве Путника, остановлюсь на стихах «Посвящение» и «Тюремные мечты революционера».

«Посвящение» написано в 1911 году. Оно важно не только для характеристики Путника, но и для раскрытия той творческой атмосферы, какая была в группе симбирских писателей-самоучек, в которой Т. Ф. Аверьянов играл значительную роль. Привожу стихотворение полностью:

Сквозь строй суровой жизни я
Тропою шел печали;
Невзгоды старили меня
И разум омрачали.
Молиться богу начал я,
Прося его защиты.
Но он — начало бытия —
Мне не отер ланиты
От слез в молитвенном пылу
Перед иконою творца.
И понял я, подняв главу,
Что бог есть вымысел жреца.

На путь борьбы вступил тогда
С врагами я народа,
И вместе с храбрыми всегда
Стремился взять свободу.
И на склоне лет своих
Я радость ощущаю:
Забрезжил жизни новой свет,
Свой стих ей посвящаю[7].

Это бодрое произведение значительнее, чем его же произведение «Бедняку» (из песен рабочего), напечатанное в сборнике «Капля жизни». А вот его «Тюремные мечты революционера», написанные в 1915—1916 годах:

Узник закован тройными цепями,
Стеною высокой от всех огражден,
И света не вижу я целыми днями,
Хотя и за правду я был осужден.
Лишен я всего и оторван от мира,
Порою объят безысходной тоской,
И только поэта волшебная лира
Вливает мне в душу желанный покой.
На ней воспеваю я звучно свободу,
Любовью к которой пылал я всегда,
Которую мнил я доставить народу,
Которой народ не знавал никогда.
Когда я в мечтах обнимаюсь с свободой,
Тогда раздвигаются стены тюрьмы,
Прощаюсь со всею тюремной невзгодой,
И в высь улетаю на крыльях мечты.

И видит поэт по всей земле ликованье: «народы живут одной братской семьей», и «счастья сиянье разлито повсюду, исчезли дырявые, бедные хаты, наука рассеяла мрак заблужденья и силы природы поставлены на службу людям»[8].

Как видим, лирический герой Путника мужает, он сродни лирическому герою Скитальца. Есть основание думать, что это стихотворение Путника распространялось рукописным путем под названием «Мечты в тюрьме», как названо оно в одном из списков.

Сопоставляя произведения Аверьянова-Путника за 1911—1917 гг. из сборника «Песни Путника» с его же произведениями, появившимися в печати тех лет, видим,

что в печать шли произведения меньшего накала, произведения с элегическими, даже сентиментальными, но не с волевыми интонациями и мотивами. И это делалось, наверное, не по вине Путника. Вслед за «Тюремной мечтой революционера» в сборнике идет стихотворение «На приезд в Россию В. И. Ленина», написанное в 1917 году. А затем «Солнце революции», «Сподвижники революции» и др.

В послереволюционных поэтических произведениях Путника возникает новый образ — народ. В этом отношении показательно стихотворение «Народу труда», напечатанное в 1920 году в газете «Заря».

Начиная со второй половины 20-х годов, произведения писателя-самоучки появляются все реже и реже. В последние годы жизни им были написаны воспоминания о Горьком и Скитальце, воспоминание «Незабываемые дни» — о событиях 1905—1907 гг. и о Великой Октябрьской революции в нашем крае. Это воспоминание напечатано в сборнике «Борьба за власть Советов в Симбирской губернии», изданном в 1956 году в Ульяновске. Это последнее слово, но уже не поэта Путника, а старого большевика[9].

Т. Ф. Аверьянов — поэт-самоучка, вышедший из народа. Горький и Скиталец пробудили его к литературной жизни. Негромкая поэзия Путника заслуживает внимания так же, как деятельность старого большевика Т. Ф. Аверьянова. Она — часть жизни и борьбы нашего замечательного земляка.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НЕВЕРОВА

ИМЯ одаренного советского писателя Александра Сергеевича Неверова (Скобелева) широко известно читателю. Его литературное наследство вошло в большую советскую литературу. Жизнь и творческая деятельность А. С. Неверова тесно связана с нашим краем — с Новиковкой, Озерками, Камышевкой, Старой Майной и Мелекессом[1].

А. С. Скобелев (Неверов) родился 1 января 1886 года, в селе Новиковке Ставропольского уезда, ныне Чердаклинского района, в семье крестьянина. Здесь прошли детские и отчасти отроческие годы писателя. От дедушки и бабушки мальчик слышал рассказы о крепостном праве, уводившие его в «недетское раздумье». Здесь научился он грамоте — окончил церковно-приходскую школу. Когда подрос, решил остаться пахарем. Но судьба сулила другое: побывал Саша Скобелев типографским мальчиком в самарской типографии, затем неожиданно для себя очутился за прилавком галантерейной лавочки купца Никифорова в Старой Майне, потом — за прилавком мануфактурного купца Березина в Мелекессе.

В 1903 году шестнадцатилетний Саша Скобелев встретился в Мелекессе с поэтом-самоучкой, крестьянином Денисовым из села Кондаковки. Эта встреча заставила юношу задуматься о школе, и привела его в село Озерки, где находилась второклассная церковно-учительская школа, в которой нужно было учиться три года. В 1903—1906 гг. Саша Скобелев жил в Озерках стипендиатом школы. В школе Саша Скобелев приобщился к литературе и революционной деятельности. В этом большая заслуга учителя школы Алексея Ивано-

вича Свидерского. На уроках истории, языка, вопреки официальным программам, он читал им статьи из исторических журналов, а также новые произведения современной литературы, выходившие в копеечных изданиях. Так были прочитаны: «Челкаш» Горького, «Река играет» Короленко, «Свинья» Е. Чирикова, «Кахетинка» Гусева-Оренбургского и другие произведения писателей-«знаньевцев». А. С. Неверов вспоминал в 1923 году об этих чтениях: «Мы, утомленные сухими обобщениями разных анахронизмов, провинциализмов, анапестов и ямбов на уроках теории словесности, с нетерпением ждали, когда придет Алексей Иванович и принесет прочитать чириковскую «Свинью»... Это единственные светлые минуты из школьной жизни».

На дому у А. С. Свидерского Саша Скобелев вместе с близкими друзьями, особенно Ф. Е. Комаровым (впоследствии писатель П. Яровой) читали статьи из социал-демократических журналов; беседовали по аграрному вопросу, спорили о прочитанном, говорили о сельской жизни, о школьных порядках. Так возникла и оформилась мысль о выступлении в защиту интересов учащихся школы. Саша Неверов набросал петицию, которую обсуждали на одном из чтений у А. С. Свидерского, дополнили и представили в педагогический совет школы. Это вызвало переполох среди членов совета. Вмешался земский начальник. Искали авторов петиции. Подозрение пало на Сашу Скобелева. Учителя ожидали погрома. Решено было — бастовать. Ученики бросили занятия и в одну ночь разъехались по домам. Петиция же с требованиями учащихся Озерской второклассной школы была направлена в редакцию «Учительского вестника», на страницах которого и была опубликована в феврале 1905 года[2].

Саша Скобелев приобщался к революционной деятельности. Он распространял среди крестьян революционные брошюры, листовки, сочинял революционные частушки.

Окончив в 1906 году Озерскую школу, А. С. Неверов был назначен учителем в деревню Камышевку. Здесь он сблизился с крестьянами. Распространял революционные «сказки», читал мужикам свои рассказы («Егорка родился», 1911), а в случае литературной удачи приглашал друзей-мужиков к себе в школу на вечеринку, что «бо-

гатеям было не по нутру», — и они устроили погром в школе, изувечили крестьян. В эти же годы у Неверова были и ночные обыски. Но помогали друзья, — предупреждали[3].

В Камышевке А. С. Неверов был до осени 1911 года. Дальнейшая его жизнь связана с Самарой, хотя писатель никогда не забывал родных мест. Впечатления детства, жизнь в Озерках и Камышевке дали богатый материал для творческой деятельности А. С. Неверова, которая началась еще в Озерках, в школе. В 1906 году петербургский журнал «Вестник трезвости» напечатал его первый рассказ «Горе залили». «Радость нельзя было измерить ни ковшом, ни ведром, ни лопатой. Совсем очумел, что называется», — пишет Неверов в своей автобиографии «О себе»[4].

В своем первом произведении Неверов рассказывает о том, как мужики-голопольцы, приехавшие в богатое село Дубново, в вине «топили свои души». И повод для этого был: они сердились на то, что у них «каторга, а не жизнь», сборщики «дерут да дерут», а то грозят «клоповкой». Приходит зима «кусать нечего». Мужики задумались о своей жизни, у них пробуждается мысль о несправедливости. Голопольцы заливают горе вином, «потешаясь и издеваясь над слабо протестовавшим, сидевшим в них, робким приниженным человеком». Вот они уже кого-то клянут: черномазый мужик, грозя кому-то кулаком, посылает страшные угрозы — «Разорву!..» Но этот протест еще неосознанный, слепой.

В рассказе «Свой человек» (1906), написанном также в Озерках, показаны картины классовой борьбы, столкновений во время выборов старшины в Краснобаевское волостное управление, пробуждения классового сознания. Мужики-голодаевцы на сходе открыто обличают старшину Ханова. Писатель рисует их иначе, чем мужиков-голопольцев: «Их было немного, но все они были смелые, а главное грамотные. Говорили они запальчиво, красиво; без обиняков всем и каждому высказывали матушку правду.., открыто уличали плутни сельского начальства, за что частенько посещали «исправительную» за оскорбление... Они и сейчас перед всеми разоблачают плутни Ивана Кузьмича и выставляют напоказ все его злоупотребления»[5].

Все же сторонники Ханова на выборах побеждают. Старшина припомнит бедняку Степану Растрепову его смелые речи на сходе и заберет у него последнюю овцу. Но Степан — это уже не безобидный, заливающий вином горе и обиды, мужик-голополец. Он другого склада, с пробудившимся сознанием. «Степан мысленно поклялся старшине отомстить и, сжимая тяжелые кулаки, кривит рот...». Придет время, а оно не за горами, и тяжелые мужицкие кулаки найдут себе применение.

В основе рассказа «Под песнь вьюги» (1908) лежит действительный факт. Камышевский бедняк Силантьев отправился в с. Озерки «по-миру». Его там застала ночь. Дело было в начале зимы. От Озерок до Камышевки верст семь. Пошел Силантьев напрямик — через поля и луга. Подула поземка, все кругом стало мутным Силантьев был в рваном зипуне, в лаптях, без варежек. Бился-бился человек, кричал, но на помощь никто не шел. Обессилил и упал на колени. От мерзлой болотной кочки отодрал ком земли, поднял его в руке над головой, да так и замерз. Александр Сергеевич, увидев его труп, сказал:

— Эх, бедняга! Век мечтал о земле, да так и умер с комышком кормилицы!

Силантьев выведен в рассказе под именем Арефы[6].

Вместе с тем писателя начинают привлекать мужицкие герои, в душе которых терпение иссякло, нарастает мужицкий страшный гнев. Он растет в душе господского сторожа Парфена («Музыка», 1909). Прозревший, возможно, от тревожной, злой музыки, рвущейся из господского флигеля, Парфен впервые, «точно в зеркале видит свою черноту, грязные вонючие руки... Увидел заплеванную, вшивую наготу, пересохшие мозоли, грязью замазанные раны». Его разгневанное сердце наполняется неистовой злобой к барам. Этот священный гнев поднимает Парфена «на огромных крыльях», делает его грозным и сильным. И вот уже горит барская усадьба. И торжествующий Парфен слышит в гуле пожара, в багровой огненной ночи «величественную, страшную музыку». «В щепки разметет Парфен барскую жизнь, кровью вымоет землю».

Росло и развивалось умение писателя видеть жизнь, замечать в ней перемены, определяемые развитием социальной борьбы в деревне. В его рассказах мужала

правда жизни: у мужика пробуждалось и зрело сознание того, что «нужно ломать такую жизнь».

Рассказ «Музыка» был напечатан в журнале «Современный мир». В 1908—1909 гг. Неверов печатался в симбирской газете «Народные вести». Здесь публиковались такие его произведения: «Донос», «Сказка о цветах», «Народным учителям и учительницам». Печатался Неверов также в столичных журналах: в «Русском богатстве» и в «Жизни для всех». В названных журналах появлялись его рассказы о жизни учителей, крестьянской бедноты и сельского духовенства. С 1910 года Неверов печатался преимущественно в «Жизни для всех». В 1914—1919 гг. здесь были напечатаны: «От неизвестных причин», «Среди ополченцев», «Страх» и другие его рассказы.

Журнал «Жизнь для всех» объединял демократических писателей. Значительную роль в этом играл В. А. Поссе, редактор-издатель журнала, имевший тесные связи с Горьким. В 1899—1902 гг. (в России и Лондоне) В. А. Поссе редактировал журнал «Жизнь». На его страницах были опубликованы статьи В. И. Ленина: «Ответ г. П. Неждановy» и «Капитализм в сельском хозяйстве». Литературный отдел «Жизни» возглавлял Горький, напечатавший здесь «Фому Гордеева», «Кирилку», «Трое», «Песню о Буревестнике». В «Жизни для всех» В. А. Поссе способствовал реализации горьковской линии на собирание демократических сил. В журнале печатались И. Эренбург, Е. Чириков, А. Н. Толстой и другие передовые писатели.

С этим журналом и связал свою литературную судьбу А. С. Неверов. Редактор-издатель заметил его. Присланный им в 1914 году, а напечатанный в апреле 1915 года рассказ «От неизвестных причин» из жизни сельского духовенства, произвел на В. А. Поссе сильное впечатление. В 1915 году Поссе был у Горького в Финляндии по делам журнала. Алексея Максимовича интересовали начинающие писатели из народа. В связи с этим зашел разговор и о талантливом писателе-учителе, о котором весьма сочувственно отозвался Поссе. Это заинтересовало Горького, он просил прислать ему подборку номеров «Жизни для всех» с произведениями Неверова. Однако в редакции такой подборки не оказалось, и она, известив 2 августа 1915 года автора о

состоявшемся разговоре с Горьким, рекомендовала Неверову послать журналы от себя лично. Но у писателя тоже не оказалось такой подборки, и он выслал Горькому список напечатанного. Через несколько дней Неверов получил письмо: «Александр Сергеевич, мне нужно будет собрать Ваши рассказы, а прочитать их все и в хронологическом порядке — я очень хочу, не может ли взять эту нетрудную работу кто-либо из ваших знакомых. Похлопочите, прошу Вас!

Рассказы нужно высылать Ивану Павловичу Ладыжникову, Литовская 11, 110, а не в Финляндию.

Желаю всего доброго.

А. Пешков.

Нет ли у вас ненапечатанных работ? Осенью выйдет сборник молодых авторов, — не желаете ли дать для него рассказ, если есть готовый»[7].

Об этом письме Горького молодой писатель с восторгом сообщает своему другу П. Яровому, убежденный в том, что автором письма к нему «руководило не праздное любопытство». Неверов был окрылен.

Пока шла подготовка всего напечатанного в «Жизни для всех», он приступил к написанию рассказа для сборника, о котором ему писал Алексей Максимович. В конце сентября была послана Горькому «одна вещичка». К этому времени Горький прочитал рассказ «От неизвестных причин», повествующий о гибели молодой Коноплянской попадейки. О себе самой героиня рассказа говорила: «Как сорвавшееся дерево плыву между двух берегов и ни к одному не пристану из них». Хотела она быть учительницей, уехать на курсы, работать, но пришлось ей, дочери многодетного дьякона, выйти замуж за молодого попа Матвея Кедрова. Приглядываясь к мужу в повседневной жизни, попадейка начинает понимать, что у него нет духовных интересов, живет он за счет страданий народных и что его начала одолевать жадность. Пересчитывает молодой поп собранные за требы деньги, «перевертывает пятаки, стучит по столу гривенниками, ковыряет ногтем и чуть не обнюхивает», а руки трясутся от жадности. И это в двадцать четыре года. Молодая женщина решает бежать, но у нее нет никаких житейских навыков. А остаться нельзя — «сгорит она в теплом покое, как тоненькая восковая

свеча, давно позабытая». Бежать она не сумела, остаться тоже не хватило сил — и окончила попадейка жизнь самоубийством.

Горький в письме от 21 августа 1915 года писал Неверову: «От неизвестных причин» тоже не дурной рассказ, но недостаточно ярко показана убивающая душу попадейки бытовая обстановочка, наше жестокое, темное русское житьишко»[8]. О рассказах Неверова «Среди ополченцев» (1915) — о мужиках-новобранцах Горький писал, что «написано недурно, четко». Но тут же предупредил: «Остерегайтесь выводов. Во дни такой страшной путаницы, каковы наши дни — выводы опасны. Все колеблется, дрожит, изображайте, **не стремясь поучать от себя.** Пусть учат факты». И заканчивается письмо ободряющими словами: «Вы можете писать лучше, поверьте мне, я не ошибаюсь. Можете! И вы будете писать лучше».

Высокую оценку Горького получил рассказ Неверова «Страх» (1915), — о новом учителе, приехавшем осенью в сельскую школу. На станции заметили мужики: выскочил учитель, словно кулик из под кочки — ни корзиночки, ни чемоданчика, ни сундучка. На поверку оказалось, что и пальто-то у учителя не суконное, а калоши — только слава одна.

Поздно вечером любопытствующая псаломщица заглянула в окно школьного дома и увидела, что учитель рвет какие-то бумаги и торопливо сует их в топившуюся печку. И пошел по селу таинственный шопот: «политик». Докатился слушок до самого благочинного. Он писал уже попу об учителе, как о «личности подозрительной во всех отношениях». Начал поп перехватывать письма учителя; через учеников решил докопаться до его тайных замыслов. На уроке поп спрашивает учеников: «Кто мне расскажет про Толстого?» Молчат ребята. «Разве вам учитель не рассказывал?» — допытывается поп у ребят. Потянулись руки наиболее бойких, а за ними и бойкие ответы: «Пророк Толстой был праведной жизни, писал божественные книжки». А девочка добавила: «Граф Толстов жил в царстве иудейском». Расстроился отец Григорий, слушая такие ответы.

А. М. Горький прочитал этот рассказ вслух во время завтрака. Прочитав, сказал с улыбкой радостной и в то же время немного грустной: «Вот он, милый Антон

Павлович!»[9]. Горький был доволен Неверовым, сумевшим написать в чеховской манере об одном из проявлений «темного русского житьишка».

Письма и отзывы Горького направляли творчество молодого писателя-реалиста, помогали ему овладеть нелегкой профессией писателя. Бодрило и то, что Горький увидел в нем крупный талант. И он радостно трудился, предполагая через Горького найти издателя своих произведений, а быть может, мечтал и о том, что этим издателем будет сам Горький.

Радость Неверова разделял близкий друг писателя П. Яровой (Комаров Ф. Е. 1887—1951). Дружба между ними началась еще в Озерской учительской школе. Литературные творческие интересы молодых писателей еще больше сблизили друзей. Неверов говорил об этой дружбе: «Начиная с 1903 года и до сего времени, многим обязан я другу моему Яровому. Мы прошли одинаковый путь писательских ошибок и радостей».

П. Яровым написаны книги: «Степные маяки», «На большой дороге», «На острие ножа» и др.[10] Свою творческую деятельность П. Яровой, также как и А. С. Неверов, начал с газетных корреспонденций, затем рассказов. Первый его рассказ появился в 1913 году. Печатался он в «Жизни для всех». Больше всего Ярового влекли картины сельской жизни. В 1914 году он послал Горькому рассказ, в котором шла речь о войне, как развязке мужицкой драмы. Алексей Максимович вернул рассказ с письмом, в котором было сказано: «О войне писать и можно и надо, как о любом явлении жизни, однако художник должен понять смысл событий»[11]. Из письма видно, что в рассказе П. Ярового есть фальшь. Можно предположить, что герой рассказа изображен как патриот, оправдывающий войну. Горький сказал об этом немногословно, но жестко.

В статье «Сквозь строй», направленной на защиту А. С. Неверова, П. Яровой говорит о том, что Неверов как писатель получил первое поощрение от Горького. Он несколько раз обращался к великому писателю с рассказами. Горький возвращал рукописи «с множеством пометок, разъяснений и указаний». В своих письмах Алексей Максимович «умело бранил, ободрял, учил»[12]. Его письма были для друзей прозрачным ключом, утолявшим их духовную жажду. Они помогали,

направляли их творчество. У Ярового есть интересная зарисовка о том, как друзья читали Горьковские письма: «Я отделил из пачки писем листочки клетчатой бумаги и подал Саше. Лицо его сразу порозовело от волнения, пальцы, державшие листочки, вздрагивали.

— Ты в гору полез... Раз-раз — и в друзья к Горькому попал!

Саша отходил шуткой.

Весточка издалека была кстати. Для нас Горький был не только учитель-художник, но и учитель-человек.

Саша прочитал письмо вслух, подчеркивая голосом важные места... Саша ухватился за несколько слов письма, в которых увидел откровение. Он повторил их:— «Все волнуется, все колеблется...» Лицо у Саши сияло. Именно колеблется!

— В муках рождения чего-то.., — сказал я.

— А чего? — насторожился Саша.

— Самое главное в этом...»[13].

Так писатели-друзья А. С. Неверов и П. Яровой, проходили «через Горького», росли, пытливо всматриваясь в жизнь.

АРЕСТОВАННАЯ КНИГА

В «СОБРАНИИ телеграфных распоряжений по наложению арестов на газеты, журналы и другие произведения печати», хранящемся в Ульяновском областном государственном архиве, есть распоряжение об аресте книги Михаила Стоговского. 20 июня 1907 года Казанский комитет по делам печати телеграфировал Симбирскому губернатору о том, что «Комитет признает преступным содержание брошюры Михаила Стоговского «Басни, сказки, пародии, стихотворения», изданной Михаилом Ананьевым в 1907 году в Симбирске, в типографии А. И. Колосова. Казанский комитет просил губернатора наложить арест на книгу[1].

Этим делом занялся Симбирский прокурор. Книга М. Стоговского была арестована. В редакции газеты «Волжские вести» полиция конфисковала 943 экземпляра книги, которые, вероятно, были уничтожены полностью[2].

Книга М. Стоговского стала библиографической редкостью. Ее нет даже во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина и библиотеке имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Названа книга М. Стоговского только в «Указателе книг и журналов, арестованных с 17 октября 1905 года по 1 января 1909 года», изданном Сытиным в Москве в 1909 году.

Но книга не погибла. Уникальный экземпляр этого издания хранится в Ульяновском Дворце книги, а также в личной библиотеке писателя Б. Карамзина (Ростов-на-Дону), который в 1962 году в журнале «В мире книг» дал ее краткое описание, высказав верное предположение, что М. Строговский — псевдоним Михаила

Николаевича Ананьева, редактора Симбирской газеты «Вести с Волги»[3].

Ананьевы — довольно известная фамилия в старом Симбирске. Старик Ананьев — миллионер, владелец Стоговки, был в 70—90-х годах одним из видных руководителей коммерческой жизни края. Но это был своеобразный миллионер, чем-то напоминающий Савву Морозова. По просьбе И. Н. Ульянова Ананьев построил в селе Лукино Майнского района школу. Инспектируя школы, И. Н. Ульянов бывал у Ананьева, коротая осенние и зимние вечера в разговорах и за игрой в шахматы[4]. В бумагах Симбирского губернского жандармского управления сохранилось дело по обвинению купеческого сына Н. Ананьева в распространении среди крестьян в ноябре 1906 года материалов «противоправительственного характера». В процессе дознания выяснилось, что эти материалы печатались в Стоговке, в доме Ананьева. Печатал и распространял их Николай Ананьев[5].

Ананьева-старика знали Горький и Скиталец, последний был женат на дочери Ананьева. В 1903 году писатель жил в имении тестя. В романе Скитальца «Дом Черновых» (1929) описана Стоговка (она же Золотиловка) под названием Волчьего Логова. Сам Ананьев — прототип героя романа Силы Гордеича Чернова. Купеческий сын Николай Ананьев — прототип Кости Чернова, о котором сам отец, Сила Гордеич, говорит: «Вроде толстовец, перед новыми идеями преклоняется. А того не понимает, что эти идеи придуманы специально против нас, имущего класса, чтобы нас же с наших мест спихнуть». Деятельностью Николая Ананьева, как мы знаем, заинтересовались жандармы. В романе Скитальца «Дом Черновых» Константина Чернова также арестовывают жандармы.

Автор арестованного сборника стихов Михаил Николаевич Стоговский-Ананьев вышел из среды Ананьевых, как представитель третьего поколения. Он не только «преклоняется перед новыми идеями», но борется за их осуществление. М. Н. Ананьев был на стороне прогрессивных демократических сил, ведущих борьбу против мрачного самодержавия. Это проявилось в его журнальной и творческой деятельности. Он печатался в «Волгаре» (Н.-Новгород), в «Самарской газете». В 1907 году М. Н. Ананьев — редактор газеты «Вести с Волги».

Первый номер газеты вышел 2 октября 1907 года, но уже на одиннадцатом номере она закончила свое существование: была запрещена.

«Вести с Волги» — продолжение запрещенной газеты «Волжские вести», в редакции которой была арестована книга М. Стоговского «Басни, сказки, пародии, стихотворения». Эта книга — политическая сатира, разоблачающая самодержавие, его приспешников и черносотенных слуг.

Открывается сборник балладой «Пóток-богатырь», с указанием на источник подражания — «По А. К. Толстому». В былине А. Толстого «Поток-богатырь», написанной в 1871 году, совершенно отчетливо «сквозила современность». Былина была отрицательно оценена демократической общественностью, увидевшей в этом произведении проявление обскуратизма, выпад против нигилизма.

М. Стоговский идет не от идейного содержания былины А. Толстого, а использует ее сюжетную основу. Богатырь-Поток, увлекшись пляской на пиру у князя Владимира, засыпает «на полтысячи лет». Пробуждается Поток на «Москве на реке» и здесь, в новой для него общественной среде проходят его злоключения. Затем богатырь «под слово **прогресс**, как в чаду и дыму, лет на двести опять засыпает...» М. Стоговский воспользовался этим сюжетным ходом былины А. Толстого и пробуждает своего Потока в XX веке, точнее — в 1905 году.

Пробудился Поток на Неве, на реке.
Ну и город, уж точно столица!..

Богатырь видит несметные толпы народа, спешащие на площадь, духовенство в золоченых ризах, с крестами в руках. От одного из жителей Поток узнает, что русский народ «захотел теперь правды добиться» и поэтому идет к царю. Богатырь также идет на площадь и становится очевидцем страшной расправы с народом:

Затрещал барабан, и войска на народ
Наступают угрюмо, несмело.
Показались чугунные пушки — и вот
Совершилося страшное дело.

Знать, свободы да правды у них не проси:
Так порой отвечают у нас на Руси
Не делами, не доброю речью—
Отвечали народу картечью.

И со свистом картечи слилися мольбы,
Крик команды, моленья, проклятья...
Все окуталось дымом ружейной пальбы,
Смерть широко открыла объятья.

Уж святые иконы пробила картечь;
А народ умирает геройски...[6]

Потрясенный Поток гневно осуждает эту кровавую расправу над народом, сетуя на то, что нет с ним богатырского меча для расправы с насильниками, но налетевший казак привычной рукой полоснул Потока нагайкой и от этого жестокого удара горемычный богатырь свалился, как сноп. Очнувшись, Поток оказывается на Волге, дивясь ее богатырской шири. Он слышит «звук набата призывный, могучий» и спешит на этот звук. Поток становится очевидцем разгрома помещичьей усадьбы. Взбушевавшиеся крестьяне повесили помещика на осине. Назвав себя верным княжеским слугой, учтивый Поток оказывается в щекотливом положении. Озлобленные мужики уничтожают не только помещиков, князей, но и их слуг. Поток слышит гневные выкрики: «На березу... Дубинушку ухнем!». Этими призывными словами заканчивается былина.

«Поток-богатырь» М. Стоговского связан с Симбирской рукописной нелегальной литературой 900-х годов. В архиве А. Н. Степанова, учителя словесности Симбирской мужской гимназии, сохранился список стихотворения «Пробуждение Потока, подражание А. К. Толстому, пародия-шутка»[7].

Граф Толстой Алексей не довел до конца
Свою повесть о храбром Потоке,
Двести лет он заставил проспать молодца
И при том не подумал о сроке:
«Пробужденья его», он сказал, подождем,
Что увидит Поток, мы про то и споем.
Но, конечно, Толстой не дождался,
Запемог как-то раз и скончался.

Проснувшийся Поток слышит удары барабанов, стрельбу из пушек, идет на площадь, куда стекался народ и здесь узнает о том, что началась война с японцами.

На этом рукопись заканчивается. Примерная дата появления этой рукописи — 1904—1905 гг. Можно предположить, что М. Стоговский воспользовался этой рукописной пародией как образцом, продолжил ее, придав своей балладе социальное сатирическое звучание. Не исключено также и то, что автором рукописной пародии является сам М. Стоговский. Во всяком случае, очевидна связь рукописной и печатной частей «Потока-богатыря». По-видимому, это произведение было известно в рукописном бытовании.

В сборнике М. Сто́говского есть произведения, в которых пародийно использована форма известных произведений Лермонтова и Пушкина: «Ветка хворостины», «Донцы», «Ворон к ворону летит». Концовка «Ветки хворостины» весьма красноречива:

Донской казак — оплот престола —
Крамолу злую изводил.
Не зная возраста, ни пола,
Как цепом, мною молотил[8].

Не было забыто М. Стоговским также известное стихотворение А. Фета: «Шепот, робкое дыхание». Широко известна пародия Д. Д. Минаева на это стихотворение, в котором в пародийной форме изложено содержание газетных и журнальных выступлений Фета, защищавшего крепостнический строй. М. Стоговский вслед за Минаевым использует форму и ритм стихотворения А. Фета, но дает такое содержание, которое явно направлено против самодержавного строя и сил реакции. Привожу это стихотворение полностью.

Шепот, робкое дыхание (Фет).

Глина. Супесок, да камень.
Сажень сто — надел.
Поп, помещик, управитель —
Грабил, кто хотел.

*

Земский. Подати. Исправник.
Стражников орда.
Люди лучшие деревни
Гибнут без следа.

* * *

Те в Маньчжурии далекой
Полегли на век...
Взяли силу из деревни,
Привезли калек.

Нет работника на ниве.
Голод, гнет, грабеж...
Сотни лет терпел крестьянин —
Стало невтерпеж.

Крик команды, свист нагайки.
Пушки. Пулемет.
Произвол. Казачьи шайки.
Кровь рекою льет.

*

Словно спелые колосья,
Гибнут под дождем
Силы лучшие России.
Ладно, подождем![9]

Как видим, поэт не только раскрывает насилие и произвол самодержавия в пору наступавшей реакции, но заканчивает свое описание тягостного положения русского крестьянина мажорным стихом: «Ладно, подождем!», перекликающимся с его стихотворением в прозе «Вперед».

Значительное место в сборнике М. Стоговского занимают басни. Для них характерно сатирическое иносказание. Все басни сборника посвящены политическим вопросам, событиям и политическим партиям того времени. В качестве примера назову басни: «Бешеные собаки», «Медведь и вожатый», «Сатрап и оса».

Содержание первой басни таково. В деревню забе-

жало десятка полтора бешеных собак с барского двора. От них житья не стало. Так было до тех пор, пока терпение мужиков лопнуло, и они не избавились от собак доступными им средствами: веревкой, да дубьем. Мораль басни ясна:

Давно бы так, чем охать да терпеть,
Собакам и собачья смерть![10]

Такой же направленностью характеризуется басня «Медведь и вожатый». Умный, трудолюбивый и терпеливый медведь кормил своим нелегким трудом вожатого. Терпел побои, голод, но, озлившись, подмял своего хозяина, отплатил ему с лихвой за все свои страдания. Вместо морали, афористического вывода, басня заканчивается многозначительным вопросом: «Читатель, ты не догадался?»[11]

Читатель, конечно, догадывался о том, что ему подсказывал поэт.

Особо надо выделить басню «Сатрап и оса», посвященную автором «Блаженной памяти «Симбирских вестей», «Вестника народа» и прочим. Имена же их ты, Господи, веси».

«Симбирские вести» (1905—1907), «Вестник народа» (1907) — это симбирские газеты, закрытые, как и «Вести с Волги», в пору наступления реакции. В басне говорится:

Сатрап раскидывал умом:
Как уловить ему крамолу,
Служа опорою престолу.
И что целебней: плеть иль кнут?

В этот момент Сатрапа жалит в лоб оса. Пытаясь ее убить, Сатрап себя же награждает оплеухами. А оса жалит его опять. Баснописец иронически заключает:

Судьбой правителя я очень озабочен.
Ведь сколько в будущем он даст себе пощечин[12].

Таким образом, политические симпатии и антипатии М. Стоговского ясны: негодует, описывая расстрел безоружного народа, сочувственно говорит о крестьянах, вздернувших помещиков на осину. Особенно показательна его пародия на стихотворение А. Фета «Шепот, робкое дыхание», в котором дана широкая обобщающая

картина страдающей России. В своих сатирических произведениях поэт рисует галерею врагов народа: Донской казак — оплот престола («Ветка хворостины»), Трутни — господствующий класс, Гиены — погромщики-черносотенцы («Гиены»).

Характерна сказка «Мужицкое счастье». Мужик отправляется в поиски волшебного Иванова-цвета, приносящего счастье. Его благославляет столетний старик-крестьянин, предупреждающий о том, что в пути ему будет мешать всякая нечисть. Только в том случае он найдет счастье, если будет с отвагой идти вперед. В своем нелегком пути мужик действительно встречает нечисть, мешающую ему найти Иванов-цвет: на тройке подкатывает сам земский начальник, плетьми мужика порят казаки, в лесу на тропинке раздулся сановный гриб, путника искушает «октябрист», морочит ему голову елейный поп и наконец помещик. Искатель счастья натерпелся муки, но добрался-таки до желанного цветка, вокруг которого «огненное слово — Свобода! И кинулся он к цветку — сорвал, прижал к иссохшей груди, крепко держит в руках свое мужицкое счастье»[15].

Кроме «октябриста», М. Стоговский не забывает и других современных ему политических деятелей: либералов и монархистов. Его басня «Рак» — сатирическая ирония в адрес тех краснобаев, которые «сменили черный фрак на модный красный фрак». И поистине пророчески звучали слова: «Ох, полиняют наши раки!», т. е. сменят красный фрак на черный. Такими «раками», как известно, сильна была реакция, наступившая после поражения первой русской революции.

Драматическая сценка: «Экстренное заседание истинно русских людей (то, чего не было, но может случиться)», снабжена эпиграфом: «Черная сотня вооружается (из газет)». Сборище это происходит в комнате, стены которой украшены портретами Пуришкевича, Крушевского и других идеологов-черносотенцев. В заседании принимают участие и высказываются в погромном духе: председатель собрания, человек с толкучки, Держиморда, мясник, представитель черной прессы, помещик. Выясняется, что вооружение «истинно русских людей» задерживается ввиду отсутствия средств. В конце заседания выясняется, что «сам Столыпин» прислал субсидию на

вооружение черной сотни. «Истинно русские люди» радостно ревут, узнав об этом[14].

Появление этой драматической зарисовки М. Стоговского связано с конкретными симбирскими событиями, с учреждением в Симбирске черносотенного «Общества людей порядка и законности». Корреспонденция «Собрание Симбирской фракции «Союза 17 октября», напечатанная 5 февраля 1906 года в «Симбирских вестях», и драматическая сценка «Экстренное заседание истинно русских людей» имеют одну и ту же фактическую основу, написаны одним и тем же автором, т. е. М. Стоговским[15].

Основное достоинство книги М. Стоговского — в ее демократическом оптимизме. Причем, это оптимизм поэта, понимающего, что «Разоренная, обесчещенная страна судорожно бьется в кровавых когтях дракона — реакции».

Наиболее полно это настроение выражено в новогодней фантазии «Вперед». Это своеобразное стихотворение в прозе, завершающее арестованную книгу. Молодой год с укором обращается к старому, уходящему году, как к убийце, убившему все и даже надежду в людях.

Отводя этот укор, старик призывает молодого внимательно вслушаться: «... Со всех сторон понеслись, закрутились в воздухе страшные звуки. Лязг кандалов слился со стонами голодных детей... Рыдания матерей, проклятия павших бойцов, зловещий хохот победителей-врагов... Но в этом адском хаосе звуков он уловил новый, радостный, чистый аккорд. Из голодных, глухих деревень, из далекой якутской тайги, сквозь стены тюрем и казематов, заглушая лязг цепей и жадный свист нагайки, донесся он и, разрастаясь все шире и шире, могучей волной колыхнул и наполнил воздух, поглотив вопли страданий, — торжественный гимн Свободе...

Реакция!.. Но разве не слышишь ты ту гигантскую работу мысли, работу идей? Непреложна, как само время, прямо и неотступно стремится она к желанной цели, и обрызганная горячей кровью своих братьев все с большей отвагой и опытом идет к победе русский народ — **Вперед!»**[16].

М. Стоговский не был участником пролетарской

борьбы, он был представителем мелкобуржуазной демократии. Но революционный подъем 1905—1907 гг. захватил этого поэта и журналиста. В его произведениях, несмотря на классовую ограниченность автора, звучат мотивы протеста, способствовавшие борьбе русского народа против его кровавых угнетателей, против дракона реакции.

Книга М. Стоговского «Басни, сказки, пародии, стихотворения» вошла в широкое русло демократической литературы тех лет. В истории края она может и должна расцениваться как один из фактов идейной борьбы местных демократических сил против реакции.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

В ГОДЫ первой русской революции Симбирская организация РСДРП проводила работу не только среди рабочих и крестьян, но и среди учащихся города. Политика большевиков по отношению к учащейся молодежи была выражена в статьях «Искры» и в резолюции «Отношение к учащейся молодежи», принятой вторым съездом РСДРП.

В газете «Искра» (№ 2) за 1902 год была напечатана передовая статья «Отдача в солдаты 183-х студентов», написанная В. И. Лениным. Рассказав о том, как студенты Киевского университета протестовали на своей сходке против наказания товарищей карцером и за это были отданы в солдаты, «Искра» призывала к всеобщей забастовке студентов. Вместе с тем газета обращалась к партийным организациям, к рабочему классу с призывом помочь студентам в их борьбе против правительства. «Тот рабочий недостоин названия социалиста, — писал В. И. Ленин, — который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи».

В резолюции «Об отношении к учащейся молодежи», проект которой был написан также В. И. Лениным, предлагалось организациям РСДРП помочь учащейся молодежи в ее самоорганизации и в организации работы по выработке у молодежи социалистического мировоззрения.

Этими ленинскими принципами и руководствовались симбирские большевики в своей работе с учащейся молодежью. Они оказывали идейную, организационную и пропагандистскую помощь учащимся.

В апреле 1905 года в прокламации Симбирской груп-

пы РСДРП «К обществу» сказано: «Рабочие шли просить хлеба, царь послал в их грудь свинец... Всюду производится избиение учащейся молодежи и интеллигентов, с церковных кафедр раздаются призывы к этому. Везде жертвы и жертвы... Так, граждане, продолжаться дальше не может». Большевики призывали общественность содействовать борьбе учащихся с симбирскими мракобесами, рассматривая это движение как часть общей борьбы с самодержавием[1].

В 1906 году организация симбирских учащихся была связана с Симбирской группой РСДРП настолько прочно, что от учащихся в партийную кассу поступали взносы (в «Отчете за апрель 1906 года» сказано: «30% — взнос от организации учащихся»), а группа РСДРП сообщала в печатном тексте о том, что «Отчеты военной организации, аграрной группы и организации учащихся будут напечатаны в скором времени»[2].

Эти факты свидетельствуют об органической связи между группой РСДРП и организацией учащихся («Соединенной группой учащихся средних учебных заведений г. Симбирска»). Если еще учесть, что Симбирская группа РСДРП для пропагандистской работы с учащимися направила своих лучших пропагандистов Д. И. Ульянова, З. П. Соловьева, то мы будем вправе сказать, что работа с учащимися была составной частью общепартийной работы симбирских большевиков.

В революционных событиях, развернувшихся в Симбирске в 1905—1907 гг., учащаяся молодежь принимала активное участие. В октябре 1905 года бастовали учащиеся мужской классической гимназии, семинаристы, ученики ремесленного, коммерческого и городского училищ, ученики чувашской школы.

Упорно бастовали ученики Симбирского ремесленного училища им. графа Орлова-Давыдова. Их не удовлетворяла скудость образования. В училище второй год не преподавалась физика, мастера были невежественны, мастерские оборудованы нищенски, библиотека не имела современных книг. Воспитание со стороны мастеров сводилось к пинкам, щипкам, циничной брани; мастера били своих учеников в кровь, давали им обидные прозвища. Директор училища посещал занятия непременно с собакой. Был случай, когда во время очередного посе-

щения уроков, его собака перекусала около тридцати учеников.

Все это возмущало учащихся. Сначала они подали петицию князю С. М. Баратаеву, председателю попечительского совета училища. Они требовали преобразования ремесленного училища в среднее техническое учебное заведение, нового оборудования для мастерских, пополнения библиотеки современными книгами, замены педагогического состава и удаления директора. Они требовали также человеческого обращения к себе и хотели ввести товарищеский суд, как элемент самоуправления.

Родительская комиссия поддержала требования учащихся, в частности в вопросе о замене всего воспитательского состава училища и «директора-самодержца».

Однако петиция учащихся осталась нерассмотренной. Тогда ремесленники объявили забастовку, а в феврале 1906 года устроили погром в училище, сокрушив все, что попалось под руку. Дежурный надзиратель спасся от взбунтовавшихся воспитанников по водосточной трубе. На следующий день, утром, вызванная команда солдат и наряды полиции оцепили училище. Воспитанников выслали из города, училище закрыли[3].

Почти одновременно забастовали семинаристы. 11 января 1906 года они решили временно прекратить забастовку, ожидая рассмотрения своих требований. «В случае неудовлетворения выставленных нами требований,— постановили они на своем собрании — мы снова поддержим свои требования общей единодушной забастовкой».

Симбирские семинаристы требовали права поступать во все высшие учебные заведения, введения в состав семинарского образования медицины и других естественных наук, права на посещение публичных библиотек, беспрепятственного посещения театра и т. д.[4] Не ограничиваясь представленной петицией, симбирские семинаристы использовали в своей борьбе «Воззвание к нижегородским семинаристам», написанное ими еще в 1902 году. Порицая нижегородцев за оторванность от общего движения во имя прогресса, «Воззвание» призывало их подняться «на войну... с мерзавцами, каких и с огнем поискать». «Воззвание» заканчивалось песенным обращением:

... За мной, кто смел! Да сгинет тьма!
Душе живой — в ней места нет.
Зажжем сердца огнем ума.
И воцарится всюду свет!

Кто честно смерть принял в бою.
Тот разве пал и побежден?
Пал тот, кто робко грудь свою
Прикрыв, ушел из битвы вон!

... Друзья! Давайте крикнем им...
Прочь!!! Здесь объявлена война!!![5]

Воззвание к нижегородским семинаристам и песня «Я вижу мрак, — но что мне он...» ходили по рукам симбирских семинаристов и, по-видимому, среди учащихся других учебных заведений.

Трагически развертывалась в 1907 году борьба учащихся Симбирской чувашской школы. Вот первые шаги этой борьбы. Ученик Михайлов был уволен за то, что в день открытия Государственной думы «украшал» сад училища красными флагами. Учащиеся первого класса на своем собрании потребовали улучшения учебной программы, человеческого обращения и удаления деспотического учителя Кочурова. В ответ на это требование весь класс был уволен директором из училища.

10 марта 1907 года в «Симбирских вестях» было опубликовано «Воззвание к Симбирскому обществу» исключенных учащихся: «Мы уволены потому, что просили света, лучшей жизни, просили убрать грубого и невежественного Кочурова... Мы обращаемся к обществу, чтобы оно уделило хоть немного внимания на то «болото», в котором живут люди, испытывающие одно вечное мучение, издевательство, насилие». Одновременно в стенах школы появилось ультимативное требование «летучей боевой дружины», адресованное педагогическому совету. Это требование начиналось словами: «Чаша терпения переполнилась!» Далее в нем говорилось, что учащиеся требуют возвращения в школу исключенных, в противном случае виновные будут преданы «революционному суду»[6].

Нет сомнения, что такой документ мог появиться только в условиях ожесточенной борьбы, как резуль-

тат высокого революционного духа учащихся чувашской школы.

О настроении симбирских учащихся в ноябре 1905 года и о их связи с революционными силами Симбирска выразительно свидетельствует донесение симбирского губернатора министерству внутренних дел. Сообщив о том, что в Симбирске готовится манифестация, губернатор продолжает: «Манифестация может состоять из небольшого ядра земских служащих, рабочих, студентов, приказчиков, а затем большого количества (Подчеркнуто мною — **П. Б.**) учеников средних учебных заведений, ремесленных воспитанников, учениц женских учебных заведений и т. п. Толпа эта может произвести огромный беспорядок, но разгонять ее выстрелами я вряд ли бы решился, до выстрелов из толпы. Впрочем, в настоящее время в этом отношении дело усложнилось забастовками железной дороги и довольно успешной пропагандой революционеров. К ним примкнули мастеровые и среди них обращаются проекты нападения на тюрьму (где содержатся арестованные главари движения), на почту, на правительственные места...»[7]

На формирование революционного настроения учащейся молодежи влияла нелегальная большевистская периодическая печать, листовки и прокламации, песни борьбы и другие материалы, распространяемые Симбирской группой РСДРП. Большое значение имела также революционная и демократическая художественная литература.

Проникновение революционных идей и новой литературы в девятисотых годах в высшую, среднюю и низшую школу — факт бесспорный. В школьные хрестоматии («Из родной литературы», «Новая школа», «Наша речь» и др.) были включены произведения Горького («Антип Лунев», «Товарищи», «Коновалов», «На станции», «Городская беднота»), Чехова («Ванька Жуков»), Короленко («Огоньки») и другие произведения прогрессивных писателей. В помощь народным учителям выпускались прогрессивными издательствами («Знание», «Донская речь» и др.) дешевые книги Горького, Скитальца и других «знаньевцев». В рекомендательных списках для учащихся также назывались представители демократической литературы.

Какое революционизирующее влияние оказывала на

учащихся и учительство прогрессивная художественная литература, ясно видно из высказываний известного монархиста и черносотенца В. М. Пуришкевича. Этот ярый мракобес издал в 1912 году книгу «Школьная подготовка второй русской революции», которая была послана самим автором во все училищные епархиальные советы, всем губернским и уездным предводителям дворянства, попечителям учебных округов и депутатам Государственной думы. Пуришкевича бесило широкое распространение в дешевом издании «Знания» таких горьковских произведений, как «Песнь о Соколе», «Песнь о Буревестнике», «Челкаш», «Макар Чудра», «Емельян Пиляй» и др. «Эта система раздробительного книгоиздательства, являющаяся в помощь народным учителям, производит колоссальное душевное перевоспитание в нашей школе», — сетует Пуришкевич. Характеризуя содержание хрестоматий для чтения, а также дешевых изданий «Знания», этот черносотенец заявлял: «Это не что иное, как революционная энциклопедия, брошенная в народную массу и русскую народную школу, идейная революционная бомба... авторы толкают ребенка прямо на революционный путь»[8].

По определению В. И. Ленина «устами Пуришкевича», выступавшего на заседаниях думы с погромно-монархическими речами, «говорил дикий помещик и старый Держиморда». В книге «Школьная подготовка второй русской революции» мы слышим голос именно такого «дикого помещика», которому усердно подпевали и симбирские «дикие помещики» Якубович и ему подобные монархисты. Они, как и Пуришкевич, вопили о вреде школы и «дешевой книги для народа»[9].

Выразителями политических и литературных интересов прогрессивно настроенной части симбирской школьной молодежи являются литературно-политические конспиративные юношеские журналы и газеты, возникшие в 1905—1909 годах: «Искорки», «Вперед», «Зарницы», «Проблески», «Юная жизнь», «Жизнь» и др. Эти газеты и журналы издавались ученическими организациями.

Первым объединением учащихся в Симбирске был кружок самообразования в мужской гимназии, существоваший в 1901—1902 гг. В этом кружке не было

еще определенной политической программы. Его участники занимались самообразованием, читали социалистическую литературу. Кружок получал ленинскую «Искру» и одновременно — нелегальный журнал либерально-буржуазного направления «Освобождение», издававшийся в 1902 году в Штутгарте (Германия) под редакцией П. Б. Струве, идеолога либеральной буржуазии. За пределами гимназии кружок политическую работу не вел[10].

В 1904 году, вероятно, на базе кружка самообразования, здесь возник кружок симбирских гимназистов и семинаристов. Этот кружок издавал конспиративный литературный журнал «Зарницы». Всего вышло семь номеров журнала. В августе этого же года был издан первый номер газеты-журнала «Искорки», рассчитанный на учащихся средних школ Поволжья.

В октябре—ноябре 1905 года возникла конспиративная «Соединенная группа учащихся средних учебных заведений города Симбирска», избравшая Комитет группы. Группа объединяла 150 учащихся, входивших в кружки мужской и Мариинской женской гимназий, женского училища Якубович, коммерческого училища, духовной семинарии и ремесленного училища[11].

Симбирский комитет «Соединенной группы» сделал попытку связаться с Казанской и Самарской «Соединенными группами» учащихся, направив для этого своего представителя в Казань. Этот представитель должен был договориться об объединении групп и о проведении съезда учащихся, входивших в поволжские «Соединенные группы».

По далеко не полным учетным данным в «особой тетради» министерства просвещения в 1905—1906 гг. насчитывалось 43 организации учащихся средних школ, из них шесть социал-демократических организаций. В Поволжье возникли четыре группы: в Казани — Социал-демократическая соединенная группа учащихся средних школ; в Саратове — Центральный комитет учащихся; в Самаре — Союз учащихся, с комитетом во главе; в Астрахани — Поволжский союз учащихся. Симбирская «Соединенная группа учащихся» «в особую тетрадь» министерства просвещения не попала.

Наиболее сильной была Казанская группа учащихся. О ней газета «Вперед» писала в феврале 1905 года: «Здесь (в Казани) уже $1^1/_2$ года существует «Соединен-

ная группа учащихся средних школ». С недавнего времени она приняла идейное руководство Российской СДР партии; за 4 месяца она издала 12 листовок и брошюр и один номер журнала «Искра»[12]. Казанская ученическая организация была деятельной силой. Казанцы призывали учащуюся молодежь вступать в РСДРП. В листовке, посвященной призыву к всеобщей забастовке, Казанская «Соединенная группа учащихся», обращаясь к пролетариату, писала: «А вы, рабочие всей России, — примите нас в свои ряды. Мы идем с вами». В Казани был нелегальный теоретический кружок по изучению учащимися основ марксизма. Казанский комитет установил связь с организациями учащихся Петербурга, Киева, Варшавы, Саратова, Самары, Нижнего Новгорода и других городов[13].

Таким образом, обращение Симбирской «Соединенной группы учащихся» к Казанской «Социал-демократической группе учащихся средних школ» явление не случайное.

Но симбирский представитель явился в Казань в то время, когда там начался процесс подавления ученической организации. К осени 1905 года был исключен из двух казанских гимназий и одного реального училища 51 ученик. В октябре-декабре 1905 года была разгромлена казанская большевистская организация, арестован почти весь Казанский Комитет РСДРП[14]. Казанская «Социал-демократическая соединенная группа учащихся» под влиянием этих событий распалась, и члены ее работали под руководством комитетов различных политических партий. В Самаре и Саратове произошло то же самое — учащаяся молодежь примкнула к организациям социал-демократов, социал-революционеров и работала над самообразованием под их руководством.

Симбирская ученическая организация, объявившая себя вначале «вполне беспартийной организацией», под влиянием развивающейся революционной борьбы вынуждена была пересмотреть свои позиции. Решающую роль в этом сыграли большевики. Они сумели подчинить своему влиянию Симбирский комитет «Соединенной группы» учащихся и возглавить работу ученических конспиративных кружков. Симбирская организация РСДРП, как уже отмечалось, выделила для работы с учащимися своих лучших товарищей Д. И. Ульянова, З. П. Со-

ловьева. Комитет учащихся в своем отчете от 15 января 1906 года указывал: «Занятия в кружках велись под идейным руководством социал-демократии». В них изучались произведения Маркса, Энгельса, Ленина.

В одном из таких кружков работал Д. И. Ульянов. «Я помню такой случай, — рассказывает он. — З. П. Соловьев просил меня пойти на кружок. Сам же в тот раз не мог присутствовать. Там должны были собраться гимназисты, ученики ремесленного училища, семинаристы и т. д., парни 17—18 лет... Собрание состоялось. Занимались мы там прекрасно»[15].

Комитет Симбирской «Соединенной группы» имел свой печатный орган. Он издавал журнал «Вперед». В 1905—1906 гг. вышло четыре номера этого журнала. В каталоге нелегальной библиотеки симбирских большевиков в разделе «Газеты и журналы с(оциал)-д(емократов)» названы № 1 и 2 журнала «Вперед». Комитетом были изданы также литературный сборник «Зарницы» и прокламация «К обществу» (400 экземпляров).

Кружок мужской гимназии издавал журнал «Юная жизнь». В январе 1906 года здесь появился первый (возможно единственный) номер «Журнала».

Юношеские нелегальные издания продолжали поступать и в годы реакции. В ноябре 1909 года вышел первый номер журнала «Проблески», изданный симбирской организацией учащихся. Этот журнал продолжал политическую линию ранее выходившего журнала «Вперед». В 1913 году в Сызрани издавалась конспиративная ученическая газета «Жизнь». Кстати сказать, почти все названия симбирских юношеских конспиративных изданий идут от названий большевистских изданий («Искра», «Вперед» — большевистские газеты, «Зарницы» — Нижегородское издательство, выпускавшее в 90-х годах социал-демократическую литературу).

В юношеских подпольных журналах и газетах печатались политические статьи, сообщения о ходе ученических забастовок в Симбирске, о реакционерах и симбирских «опричниках», а также стихи и рассказы.

Первый номер газеты-журнала «Искорки», как уже отмечалось, вышел в августе 1904 года. В нем говорилось, что это — «газета для учащихся в средних школах», ее цель — «ознакомление с текущей деятельностью, и главным образом с теми ее сторонами, которые

наша школа либо скрывает, либо преднамеренно искажает»[16]. Редакция призывала своих товарищей к самообразованию. Газета издавалась в Казани Комитетом «Соединенной группы» учащихся, но была задумана как поволжский печатный орган.

В «Искорках» печатались корреспонденции из Саратова, Нижнего Новгорода и Казани. По существу это был журнал, а не газета, включающий политические статьи, прозу, стихи. Редакция обещала во втором номере ввести «Постоянное обозрение революционной жизни». В первом номере были напечатаны статьи: «Россия и Япония», «Действия нашего правительства за 1904 год», «Что же делать?» и др.

В статье «Россия и Япония» говорится о тяжкой доле переселенцев в Сибирь, о преступном безразличии правительства к их участи. В статье есть такие строки: «Не мудрено же, что так много перемерло переселенцев и что, убегая из одной деревни от нищеты, они ничего, кроме большого горя, не нашли... Возьмите в литературе любой рассказ, посвященный переселенцам, ну хотя бы Телешова (изд. Товарищества «Знание»), — и вы поймете, как больно приходилось нашему мужику в Сибири по милости правительства... Приходилось и приходится»[17].

Рассказы о переселенцах Телешова не случайно названы в «Искорках», они были широко известны русскому читателю правдивыми картинами страшных лишений и страданий мужиков — переселенцев, искавших «новую землю».

В статье «Действия нашего правительства за 1904 год» говорится, в частности, о том, что самодержавие создало особую «атмосферу», для которой характерны «то плетка, то истерические рыдания и молитвы форисействующего духовенства, то кулак и кутузка или Сибирь, то «несгораемая» Богородица и вновь открытый святой, «которому захотелось творить чудеса и после своей смерти». Перечислив эти особенности «атмосферы», автор с негодованием продолжает: «Вот какой атмосферой заставляет нас дышать самодержавие, притесняющее истинную науку, свободу и народную мысль... Недаром Добролюбов говорит в одном из своих стихотворений:

Мутно наше небо;
Над землей оно
Тяжело нависло
Низко и темно..»[18]

Дальше в статье полностью приводится стихотворение Добролюбова «Наш Олимп», написанное в 1858 году. Из текста ясно, какое революционное содержание усматривал автор статьи в этом добролюбовском произведении.

Общеполитическая же линия журнала раскрывается в статье «Что же делать?». Эта исключительно острая статья заканчивается требованием изменения существующего государственного строя и перечнем социальных требований, как прямо сказано в самой статье, «взятых из программы социал-демократов».

Что же касается литературных интересов журнала, то они определяются именами Добролюбова, Белинского, Чехова, Короленко, Телешова. Все названные имена встречаются на его страницах.

Имя Белинского связано в «Искорках» с рассказом Ягуса «Конец», который был прислан в журнал из Нижнего Новгорода в декабре 1903 года. Эпиграфом к этому рассказу приведены слова Белинского: «Без цели нет деятельности, без интереса нет цели, а без деятельности нет жизни».

В рассказе повествуется о бесцельно прожитой жизни податного инспектора Петра Ивановича, который больше всего страшился революционной жизни и борьбы. Даже гибель любимой девушки, вставшей на путь революции, не смогла поколебать его мещанской психологии. Лишь в конце жизни герой рассказа понимает свою ошибку и горестно восклицает: «Эх, кабы Волга-матушка да вспять побежала!» Но этому не бывать, пришел конец жизни, конец без начала.

Это произведение написано под влиянием Чехова. Пафосом рассказа «Конец» является не только критика и разоблачение мещанства и обывательщины героя рассказа, но и возвеличение погибшей девушки, сумевшей порвать с обывательщиной и включиться в революционную борьбу. В рассказе «Конец» выражено стремление найти цель жизни и деятельности человека. Имя Бе-

линского указывало, в каком направлении нужно было решать эту задачу.

Кроме этого рассказа, в «Искорках» печатались стихотворения: «Из песен Менэстреля», «Над могилами», «Из забытого средневекового поэта», также датированные 1903 годом.

Названные произведения как бы углубляют тему рассказа «Конец». Первое стихотворение, присланное из Саратова, открывает журнал. Его эпиграф: «Лучше умереть сразу, чем прозябать и ничего не делать для своей цели, — одинаково близкой и тебе и людям». — перекликается с эпиграфом к рассказу «Конец».

Стихотворение Погибшего «Из песен Менэстреля» волевое, призывное:

Неужели, братья, мы не в силах биться
За свою свободу, за свои права?
Если нет, то лучше с жизнью всем проститься,
Так как жизнь без воли — скорбна и мертва!..
Смелей же бейтесь!.. Мы хотим простора,
Мы хотим всей грудью глубоко дышать.

Заканчивается оно энергичными словами певца, услышавшего «клич к великой битве»: «Чу, — зовут к походной, боевой молитве. Я — иду!»[19].

В стихотворении «Над могилами» звучат такие же оптимистические мотивы. Поэт призывает не рыдать над могилами мертвых, а «с новыми силами — бой продолжать». Основной пафос произведения выражен в словах:

Пусть же звучит всюду песня победная, —
Наша не дрогнет рука!
Верь и надейся, страна наша бедная,
Мы одолеем врага[20].

В таком же призывном духе звучат слова «Из забытого средневекового поэта», зовущего братьев «Сомкнуться тесной дружной силой, — дальше край родимый уж не может больше ждать!» Поэт-певец охвачен боевой тревогой, но он верит в то, что в «славном бою» он и его братья по духу, «горе и тоску-недолю по ветру развеют» и добудут счастье и волю.

Рассмотренные нами произведения спаяны единой темой борьбы. В них дан образ лирического героя — певца, призывающего братьев к битве, вдохновляющего

их своим бодрым словом. Он и сам, заслышав голос трубы, зовущей в бой, бестрепетно спешит принять участие в великой битве. В песнях-призывах, обращенных к братьям по борьбе, — пафос этого цикла стихотворений.

О тяготении «Искорок» к писателям-«знаньевцам» уже сказано. Нужно назвать еще Короленко. Горький считал его «большим и красивым писателем», сказавшим тихим голосом мудреца глубокую правду о русском народе. Редакция «Искорок» сообщила своим читателям о том, что она выпустила отдельным изданием рассказ Короленко «Чудная»[21].

Горький признавал Короленко одним из своих учителей и указывал на то, что своим творчеством этот писатель сыграл значительную роль «в строении новой России». Естественно, что к этому «человеку с большим и сильным сердцем» тянулась молодая Россия. В рассказе «Чудная», написанном в 1880 году и опубликованном в России в 1905 году, с чувством восхищения и преклонения повествуется о свободолюбивой и мужественной русской девушке-революционерке. Эта тема и образ были понятны и близки юным читателям «Искорок».

Как видим, литературные интересы «Искорок» связаны с революционной традицией 40—60-х гг. (Белинский, Добролюбов) и с демократической поэзией «знаньевцев», в которой отразился рост революционных настроений в России в девятисотых годах.

Если «Искорки» — поволжский журнал-газета, то журналы «Вперед» и «Зарницы» были симбирскими, издавались они, как уже отмечалось, комитетом «Соединенной группы учащихся средних учебных заведений г. Симбирска». Первый номер журнала «Вперед» вышел в конце 1905 года, а последний, четвертый — в феврале 1906 года. Заявив в первом номере, в статье «От редакции», о том, что журнал «является вполне беспартийным, т. е. не преследует никакого определенного направления», в дальнейшем он отказался от этой позиции и признал идейное руководство социал-демократов. Особенно показательны в этом отношении статьи: «Революция и рабочий класс» (15 января 1906 г.) и «Родина в опасности» (февраль 1906 г.). В первой статье с восхищением говорится о пролетариате, «гордом сознанием своей силы», принявшем «наглый вызов циничного

правительства» провозглашением вооруженного восстания. Статья «Родина в опасности», — отклик на репрессии правительства, которое «с остервенением набросилось на все прогрессивные партии!». «На пули нужно отвечать пулями, довольно терпения, — говорится в статье, — Российская социал-демократическая рабочая партия призывает пролетариат к вооруженному восстанию. Мы должны присоединиться к ней и тоже нести этот призыв в массы, которые уже откликнулись на него, и восстание теперь только вопрос времени»[22].

Юношеский журнал пропагандировал идеи социал-демократов, тянулся к рабочим. В журнале значительное место занимали статьи и заметки о местных событиях: об арестах симбирских рабочих, обысках в их квартирах, о решении Комитета «Соединенной группы учащихся» собрать библиотеку для симбирских рабочих и др.[23] Большое внимание уделялось сообщениям о борьбе симбирской учащейся молодежи за новую школу. В статьях «Волнения в семинарии», «Забастовка Симбирской классической гимназии», «В училище Якубович», «Забастовка в ремесленном училище имени Орлова-Давыдова» и других рассказывается о событиях, связанных с этой борьбой, вскрываются причины, порождающие революционные выступления учащихся. В них названы имена местных реакционеров, описаны их преступные дела.

В журнале «Вперед» есть и литературные материалы: цикл стихов Сына Волги и статья местного автора под псевдонимом Ортодокс «Не для публики». Прозаических произведений в журнале нет. Стихи «Начался жизни новой, свободной рассвет» и «Я так долго молчал» помещены в первом номере журнала. Следуют они за сообщениями о событиях в симбирских школах. Сын Волги понимает требования, выдвинутые жизнью и борьбой. Поэт видит, что «Начался жизни новой, свободной рассвет». Свою свободу поэт вырвал из рук палачей, и вот звучит его свободная речь:

Не отдам без борьбы я свободы своей,
Всех я буду теперь на борьбу призывать,
Всех, кого угнетает нужда;
Жизнь счастливую могут они ожидать
В царстве вечном святого труда[24].

Образ лирического героя Сына Волги получает дальнейшую обрисовку в стихотворениях «Былые надежды разбились» и «Мы долго по пыльной дороге брели». Эти произведения близки по своим мотивам революционным песням — «Красному знамени» и «Последнему прости» (посвященному Н. Г. Чернышевскому). Эти песни были доступны симбирской молодежи. Они были напечатаны в сборниках «Песни революции», изданных в 1905 году Казанским и Симбирским Комитетами РСДРП.

Лирический герой Сына Волги чувствует себя преемником тех, кто «за дело народа страдал», кто завещал новому поколению «борьбу за народное дело». Это поколение идет по той же трудной дороге, — но у него другое настроение — нет скорбности и сомнений:

Идем мы по вашей дороге,
За дело народа страдая,
В тюрьме, в рудниках изнывая,
Но в сердце нет вашей тревоги —
Победа близка... Скоро скинем
Мы цепи с родного народа,
И красное знамя свободы
Мы смело над миром подымем[25].

Лирический герой поэтических произведений журнала «Вперед» стоит ближе к герою революционной поэзии, чем лирический герой «Искорок». Отвлеченный романтический образ борца здесь приобретает более отчетливую революционную окраску, в стихах появляются новые образы — «царство святого труда», «красное знамя свободы», звучит революционная патетическая речь. Важно отметить, что Сын Волги не принимает мотива жертвенности, присущего песне «Замучен тяжелой неволей». В его произведениях звучит вера в близкую победу.

Юношеский журнал «Вперед» не только ориентировался на революционную поэзию, непосредственно связанную с пролетарским движением, но активно защищал и пропагандировал общественную функцию литературы. Статья Ортодокса «Не для публики» показательна в этом отношении. Это рецензия на журнал «Кадетский досуг», издаваемый симбирскими кадетами с конца 1905 года. Статья была помещена в четвертом номере жур-

нала. В ней идет речь о литературных интересах кадетов. До «Кадетского досуга» в симбирском кадетском корпусе издавались журналы «Мухомор», «Мухи», «Луна». Но эти журналы быстро прекратили свое существование, т. к. не отвечали требованиям корпусной цензуры. «Кадетский досуг» пришелся ко двору. К февралю 1906 года вышло четыре номера журнала, т. е. он был ровесником журнала «Вперед». Рецензент взял в качестве названия для своей статьи слова — «Не для публики», стоящие на обложке «Кадетского досуга». Вкладывая иронический смысл в эти слова, он показывает, как далеки кадеты, «будущие офицеры — защитники отечества», от интересов и жизни общества.

В кадетском журнале печатались общие статьи, — шовинистические опусы какого-то князя в адрес поляков. И ни слова о том, чем живет страна, народ. Дальше идут стихи и выдержки из дневников кадетов. Для того, чтобы дать представление о характере стихов, помещенных в «Кадетском досуге», Ортодокс выписывает наиболее «красивые» места стихотворений, напечатанных в 1905 году:

В неподвижной тиши
Чуть журчат камыши,
Замирая в ленивой печали;
И дрожащий узор
На зеленый ковер
Испаренья земли набросали.

А вот вторая выдержка:

Лесок молодой
Золотой желтизной
Покрывается.
И цветочный ковер
Ароматом кадит
Поэтическую ночь.

Аполитичность этих стихов, написанных в революционные дни 1905—1906 гг., их безыдейность, полное безучастие к действительности, их бескрылость — программны. Они выражают не только оторванность от жизни, но и страх перед ее революционным размахом. Ясны и корни этой кадетской поэзии: декадентская поэ-

зия, «бальмонтовщина», отвергающие связь литературы с задачами общественного служения.

Убожество внутреннего мирка симбирских кадетов Ортодокс раскрывает, характеризуя содержание их дневников, опубликованных в «Кадетском досуге». В одном из дневников сообщается о том, что во время посещения какого-то исторического места на Волге кадет обнаружил «большое количество бездомных собак и кошек»; в другом — обстоятельно рассказывается, как «весело болтали» во время путешествия на пароходе. В третьем — все о той же милой болтовне, но делается попытка расширить характеристику: «Нас любят не за то только, что мы кадеты, будущие офицеры, защитники отечества, но и за веселость, вежливость и **услужливость**». Приведя эту выдержку, рецензент едко замечает: «Эх, услуживать вы рады, служить вам тошно», перефразировав известное грибоедовское выражение[26].

Таким образом, журнал «Вперед» показывал внутреннюю связь между аполитичной поэзией «Кадетского досуга» и самодовольно пошлым мирком чувств кадетов. Статья «Не для публики» — один из фактов литературно-политической борьбы симбирской юношеской печати против аполитичной поэзии.

В 1904—1905 гг. в Симбирской мужской гимназии издавался еженедельный литературный журнал «Юная жизнь», включавший стихи, рассказы, статьи о театре и музыке, карикатуры. Журнал возник не без участия учителя словесности мужской классической гимназии А. Н. Степанова, в архивах которого найден нами первый номер этого издания[27].

Степанов много и плодотворно работал с учениками во внеклассное время. Им были организованы ученические вечера: «Вечер народной поэзии», «Вечер, посвященный памяти Кольцова и Никитина» и др. Он имел и прямое отношение к созданию гимназической библиотеки. В списках книг этой библиотеки значатся такие названия, как: Бельтов «Критика наших критиков», Бебель «Крестьянские войны в Германии», Маркс — два тома (названия не указаны), Туган-Барановский «Современный социализм в историческом развитии», Маслов «Аграрный вопрос в России», Мечников «Этюды о природе человека». Надо думать, что это была такая

школьная библиотека, к которой дирекция гимназии не имела отношения.

Взгляды А. Н. Степанова на развитие учащейся молодежи, литературные симпатии учителя выражены в его рукописной, к сожалению, не оконченной статье «Детская литература — ее прошлое, настоящее и задачи». Статья написана в 1907 году. «Детская литература! Это звучит не менее гордо, чем Человек М. Горького!..»— так начинает Степанов свою статью и продолжает: «Среди дикости и невежества, среди темноты и крепостничества, «рассудку вопреки, наперекор стихиям», появились люди с европейским образованием, культурные и просвещенные, и понесли свет в эту массу. Казалось бы, откуда взяться им? Но и они имели свою историю. Так слово Новикова, Радищева и др. проникло в медвежьи углы... На наших глазах всколыхнулось огромное житейское море и заявило о своем существовании. Трудно ему обратно войти в берега и остаться прежним, возвратиться к прошлому. Что было, того уже не будет, вопреки Л. Андрееву, несмотря на реакцию... Интенсивно опять начинает жить русское общество и среди других запросов, какие выдвигает современность, видное место занимает вопрос о детях, об их психологии, об их воспитании и обучении».

Дальше А. Н. Степанов останавливается на истории детской книги, которую доводит до 30—40-х годов XIX века. На этом рукопись обрывается, но есть план статьи. В плане значительное место отводится творчеству Мамина-Сибиряка, как детского писателя. Названы и его произведения: «Аленушкины сказки», «Светлячки», «Белое золото», «По Уралу», «Зарницы», «Сказки про славного царя Гороха», «Былинки». В плане указывается, в каком направлении автор статьи собирался освещать названные произведения: «Дети в творчестве Мамина-Сибиряка. Вера в светлое будущее. Отсутствие эгоизма — все живут и имеют право на жизнь»[28].

Таким образом, позиция Степанова в вопросе о детской литературе и о воспитании молодежи ясна: она определяется именами первого русского революционера А. Радищева, восславившего «вольность, дар небес бесценный» и народ, и великого писателя-гуманиста Горького, провозгласившего: «Человек — звучит гордо!».

А. Н. Степанов видит в Андрееве, авторе «Тьмы»,

пособника реакции. Его призыв: «Погасим огни и все полезем во тьму. Зрячие, выколем себе глаза» — не только антигуманистичен, но и полон явного мракобесия. Это апология тьмы. Осудив Андреева, А. Н. Степанов в своей статье ставит рядом с Горьким писателя-демократа Мамина-Сибиряка, требовавшего от искусства «боевой службы» народу. В детских рассказах этого писателя, названных в конспекте статьи Степанова, проявляется глубокое уважение и любовь к людям труда («Белое золото», «По Уралу» и др.).

Практическое воплощение прогрессивного понимания задач воспитания юношества нашло свое выражение в школьной деятельности А. Н. Степанова: в организации вечеров, в экскурсиях по родному краю, в организации работы школьной библиотеки. Несомненно, нашло оно свое воплощение и в издании еженедельного школьного журнала «Юная жизнь».

Политических статей в первом номере, которым мы располагаем, нет. В журнале господствуют лирические произведения в прозе: «Гроза», «Ночь», «В неволе», «Сфинкс». В этих произведениях использованы образы-символы, выражающие зарождающиеся свободолюбивые настроения. В стихотворении в прозе «Сфинкс» юный автор утверждает: «Счастье — в свободе, в стремлении к вечному горячему Солнцу и к вольному необъятному небу, так ласково синеющему вдали». В эскизе «Ночь» тоже восхваляется победное Солнце: «Начался рассвет, и гордо зазвучала победная песнь, и все, что было правдивого на земле, выступило наружу». В стихотворении «Сокол в неволе» использован образ-символ народной поэзии:

Ах, срезаны крылья у сокола,
Не может он больше летать,
Не может высоко, высоко
За тучи полет направлять!
Нет крыльев! В тоске изнывая,
Он в клетке позорной сидит,
И взор свой на небо вперяя,
Туда он подолгу глядит
И думает думу...
Когда же настанет то время,
И я отомщу за себя.

И сброшу позорное бремя?
— Тогда-то настанет заря!
Заря дорогой свободы,
Свободы и воли святой!..[29]

Из других литературных произведений «Юной жизни» нужно назвать рассказ «Из тьмы времен. Спартак», о герое «с железной волей и сильным характером». В журнале напечатано также сатирическое пародийное произведение «Два генерала», связанное с событиями русско-японской войны.

Для более полной характеристики симбирской юношеской подпольной литературы, возникшей в 1905—1906 гг., остановлюсь на отдельном издании Симбирского комитета учащихся — «Последней исповеди».

Поэма «Последняя исповедь» — наиболее крупное произведение Н. М. Минского (1855—1937), автора таких поэтических произведений, как «Гимн Интернационала» и «Гимн рабочих», написанных в 1905 году. Кстати сказать, в 1905 году поэт предоставил свою газету «Новая жизнь» в распоряжение большевиков, В. И. Ленина.

Отрывок из поэмы «Последняя исповедь» был напечатан (без подписи автора) еще в 1879 году в первом номере подпольной народнической газеты «Народная воля». Поэма стала популярной в революционной среде. Этому способствовало и то, что известная картина И. Е. Репина «Отказ от исповеди перед казнью», написанная в 1879—1885 гг., сюжетно связана с поэмой Н. Минского. «Последняя исповедь» широко распространялась в списках, иногда за подписью Н. С. Курочкина. В 1905—1906 гг. поэма нелегально перепечатывалась в Поволжье. В 1905 году Казанский комитет РСДРП издал «Последнюю исповедь» на гектографе[30]. Из Казани гектографированная поэма пришла в Симбирск. По-видимому, в 1906 году Симбирский комитет учащихся также гектографировал это произведение[31].

«Последняя исповедь» — страстный монолог революционера, осужденного на казнь. Отказавшись от исповеди священника, пришедшего к нему в каземат с распятием в руках и в сопровождении палача, юноша отрицает бога, изобличает ложь и лицемерие церковников. Он с негодованием говорит священнику:

Когда народ в цепях тирана стонет,
Смирению вы учите народ...

Одухотворенный образ непреклонного юноши, героически идущего на казнь ради освобождения народа, утверждал красоту подвига. Этим и объясняется жизненность поэмы, возникшей в конце семидесятых годов.

После поражения революции 1905—1907 гг. «значительная часть интеллигенции отвернулась от революции, скатилась в болото реакционной мистики и порнографии». Так утверждал Горький, называя 1907—1917 гг. самым позорным десятилетием в истории русской интеллигенции.

Наступление контрреволюции на идеологическом фронте нашло свое выражение и в буржуазной литературе и прессе. Идеологи буржуазного искусства проповедовали пессимизм, упадничество. Литература погрязла в любовно-эротической и порнографической трясине. Это настроение охватило не только столичную буржуазную литературу и прессу, но и провинциальную. В Симбирске реакция проявила себя в первую очередь в судебных преследованиях, в репрессиях против прогрессивных органов печати. Большевистские «Наши дни» были разгромлены в 1907 году, а редактор заключен в тюрьму. Литературная, политическая и общественная газета «Сызранский труженик», вышедшая в 1911 году, известна нам по единственному ее номеру, сохранившемуся в следственном деле жандармского отделения.

Симбирская литературная газета «Жизнь» была задушена в 1911 году, а редактор упрятан в казанский тюремный замок. В 1910 году прекратила свое недолгое существование литературно-научная симбирская газета «Вестник»[32]. С трудом держались либеральные «Волжские вести» (1907—1913). Но возникали и процветали: монархическая газета «Симбирянин» (1906—1917) и бульварная «Симбирская жизнь» (1910—1911). Наиболее полно это новое направление проявилось в газете «Симбирская жизнь», начавшей выходить с октября 1910 года. В газете печатались обширные сенсационные отчеты о судебных процессах, загадочных убийствах и преступлениях. В «Симбирской жизни» запестрели статьи: «Загадочная драма гувернантки», «Легенда об отце убийце», «Похождения и арест бег-

лого каторжника», «Два преступления на кладбище», «Черная вуаль — похождения Черной Соньки» и пр. Эти статьи, смакующие ужасы преступлений, были рассчитаны на удовлетворение низменных интересов симбирских мещан и реакционной интеллигенции. На потребу этому читателю в Симбирске издается в 1908 году «Шерлок Холмс в Симбирске». В этой книжонке живописуются подвиги Холмса в симбирском Владимирском саду, на Старом Венце; он попадает в переделку симбирских босяков и пр.; живописуется блатная жизнь босяков, с обильным использованием их жаргона.

В январе 1911 года в «Симбирской жизни» была напечатана статья «Мы устали». «Тускло и мрачно на горизонте русской общественности вообще, а симбирской в особенности, — говорится в ней. — Во всех проявлениях общественной жизни стоит атмосфера чего-то тягучего, липкого, вялого. За всю зиму 1910 года в городе не было ни одной лекции, ни одного разумного реферата»[33]. В обстановке общественной апатии, как следствие разгрома народной революции, и находили отклик «вехистские идеи», идеи непротивления, развивалась упадническая и бульварная литература.

В такой обстановке в ноябре 1909 года выходит юношеский нелегальный журнал «Проблески». В первом номере этого журнала, изданного Симбирским комитетом учащейся молодежи, были напечатаны статьи: «К молодежи», «Что делать?», «Самодержавие и народное образование», «Из жизни школы» и др.[34].

Открывается журнал статьей «К молодежи», в которой изложена политическая программа редакции. С большой теплотой в ней сказано о «широком размахе русской революции.., всколыхнувшей народное море», в результате чего «человек вздохнул свободнее, мысль встрепенулась, расправила крылья». Но борьба оказалась неравной, «опять наступила тишина, опять подняли головы ихтиозавры реакции». Исчезли боевые лозунги, насыщавшие политическую атмосферу и «заменились какой-то болезненной ненормальной апатией. Момент общего подъема сменился полной разочарованностью в своих силах и еще хуже — нравственной распущенностью... Послышался мещански-пошлый призыв к «маленьким делам», затянулась песенка о личном самоусовершенствовании».

Охарактеризовав особенности переживаемого момента, журнал призывает читателей не оставаться пассивными и безразличными к тому, как эти «условия момента ведут нашу молодежь по пути духовного разложения». Он призывает к идейной работе, к борьбе против эгоизма, против «санинства»: «Но помните, товарищи, путь людей, ушедших на задворки жизни созерцать свои индивидуальные прелести, путь людей санинского пошиба, для которых борьба с рутиной представляет опасность потерять «наслаждения!» — не наш путь». Выступив против этой бессодержательной, отравляющей жизнь идеи, «Проблески» призывают не бежать с поля боя, а продолжать борьбу. Наш лозунг: «Борьба за всестороннее развитие человека, за его право быть человеком»[35].

Здесь уместно сказать, что подобное же настроение характерно и для В. В. Орлова (Младенца Младшего), одного из организаторов Симбирской группы РСДРП. В письме к своему другу М. Г. Яковлевой в Симбирск Орлов, скрывшийся из Симбирска в связи с провалом нелегальной квартиры большевиков, пишет 11 марта 1908 года из Подмосковья: «Достаточно характерный для всей теперешней литературы это «Санин» — роман Арцыбашева. Если не читали, то прочтите, чтобы больше потом не читать других, ибо только варианты. Санин — герой романа, — говоря коротко, здоровая скотина с атрофией органа мышления. Он не может читать, не может думать. Он великолепно живет и насилует женщин. Это идеальный тип господина Арцыбашева и в значительной степени всей художественной литературы. Интеллигенция, думавшая прежде, что одно ее прикосновение к делу революции даст ей победу, теперь совсем разочаровалась в революции и занялась решением «полового вопроса»[36].

Симбирский юношеский журнал, как и В. В. Орлов, решительно осуждает и отбрасывает санинскую философию жизни: «надо прежде всего удовлетворить свои естественные желания», «все позволено». Ей он противопоставляет горьковскую правду о человеке. В статье не названо имя Горького, но совершенно ясно, что от него идет автор статьи «К молодежи», говоря о красоте и гордости человека. Разоблачая антиобщественную сущность «санинства», показывая его враждебность

революции, «Проблески» следуют в этом за большевистской литературной критикой.

Этой же позиции журнал придерживается и в оценке сборника «Вехи», вышедшего весной 1909 года. В начале статьи «Что делать?» дана высокая оценка Чернышевского, «великого русского ученого и критика», который, по выражению К. Маркса, «дал ответ на подобный вопрос, удовлетворивший молодое поколение». Журнал высоко оценивает деятельность Желябова и осуждает такие «вещи антисоциального характера», как «песни о «малых делах», непротивление злу, толстовщина, советы о личном самоусовершенствовании и самоуглублении. Вслед за этим дается оценка роли революционной интеллигенции в России и оценка «Вех». «Россия — страна своеобразий — исторических и экономических условий развития общественной жизни», — говорится в статье «Что делать?». Как одно из своеобразий журнал выделяет роль революционной интеллигенции: «Пусть кающиеся дворяне поносят ее, пусть авторы «Вех» приписывают ей все мерзкое, что есть в отдельном человеке, — им не уничтожить следов, сделанных лучшими представителями человеческого рода, им не умалить того богатства, которое они внесли в общественное самосознание»[37].

Таким образом, «Проблески» сумели разобраться в реакционной сущности высказываний ренегатов революции и разъясняли своим читателям их антинародные устремления. Для журнала и для той части симбирской молодежи, чьи настроения он выражал, дороги были Чернышевский и Горький, на идеях которых воспитывался «человек-гражданин, с развитыми социальными чувствами и общественными навыками». За такого человека и боролся юношеский журнал.

Выход в свет журнала «Проблески» — показатель собранности и высокой идейности передовой части симбирского юношества, которая нашла в себе силы противостоять реакционным и упадочным настроениям, охватившим симбирское общество в годы реакции, и не только противостоять, но и выступить против них.

Как видим, литературная деятельность и литературные интересы юных симбирян, объединившихся вокруг своих нелегальных журналов, были связаны с песнями борьбы, с Горьким и писателями-«знаньевцами», с Бе-

линским, Добролюбовым и Чернышевским. Художественные произведения, помещенные в симбирских юношеских журналах, не были революционными произведениями в прямом понимании этого слова, не были песнями борьбы и революционной поэзии. Но они подготавливали молодежь к восприятию революционной большевистской поэзии и творчества Горького, к восприятию идей революции[38].

«МЫ ШЛИ ЗА СВОБОДУ, ЗА ТРУД, ЗА НАРОД»

РОСТУ политической активности, распространению демократических и революционных настроений в старом Симбирске способствовала деятельность прогрессивно настроенной части студенчества. Здесь проживали «высланные» студенты, преследовавшиеся за участие в революционной деятельности в Петербурге, Москве, Казани, Саратове, Самаре и других городах.

О революционной деятельности студентов в нашем крае уже шла речь в предшествующих главах настоящей книги. Создание библиотеки им. И. А. Гончарова, вечер Скитальца и первая демонстрация в Симбирске, срыв организационного собрания Симбирской фракции черносотенцев — «Союза 17 октября», создание революционной организации в Кроткове и распространение антиправительственных прокламаций — во всех этих событиях самое активное участие принимали студенты. Нужно еще добавить, что «бывшие» студенты Брюханов, Георгиевский, Охотин были членами Симбирского ядра РСДРП.

В Симбирске проводились студенческие собрания и вечеринки, о чем рассказывает В. Рябиков. Вместе с В. Орловым они бывали на таких собраниях в доме купца Чебоксарова, представителя местных либеральных кругов. Описание этих вечеринок весьма любопытно: «На вечеринках у Чебоксаровых, — пишет В. Рябиков,— мы познакомились со всей сочувствующей революции студенческой молодежью, как с.-д., так и с.-р. Вечеринки эти были типичным для того времени студенческим пыланием. Поглощая сотни стаканов чая и бутерброды, приготовленные заботливыми хозяевами, наши студенты обсуждали вопросы момента. Я помню, что

только один вопрос о всеобщем, прямом, равном и тайном избирательном праве (четырехвостка) отнял у этого совещания часов семь и в результате каждый остался при своем мнении»[1].

Студенческие вечеринки в доме Чебоксаровых проходили часто. Знакомство с этой группой студенческой молодежи было использовано руководителями Симбирской группы РСДРП в партийных целях. Подтверждение о деятельной роли студентов в местной общественной жизни мы находим и в официальных выступлениях представителей власти. В главе «Нелегальные юношеские журналы» приведена нами выдержка из донесения симбирского губернатора министерству внутренних дел о настроении симбирских учащихся в ноябре 1905 года. В подготовке демонстрации, так озаботившей губернатора, определенное место занимали студенты. В донесении губернатора они названы вслед за рабочими.

Но особенно показательной для определения роли студентов в общественной жизни края была реакция общественности на выступление в г. Алатыре в декабре 1905 года симбирско-сызранского епископа. Выступив перед прихожанами церкви при Троицком мужском монастыре, епископ «ругал студентов и интеллигенцию, старался натравить простой класс населения на образованный». Выступление погромщика в рясе вызвало негодование передовой симбирской общественности. В Самарском «Волжском вестнике» было напечатано письмо «Протест против речи епископа», которое подписали 90 симбиряк. «Симбирская народная газета» перепечатала это письмо 11 января 1906 года. В письме-протесте дана отповедь черносотенцу епископу, а о студентах сказано: «Мы выражаем нашу глубокую благодарность тем студентам и интеллигенции, которые идут к нам, простому народу, говорят нам истинную правду, которые хотят жить с нами не в качестве вредных паразитов, присосавшихся к трудовому классу, а как товарищи на одной трудовой ниве, как товарищи в борьбе за право и свободу всего Российского народа»[2].

Таким образом, мы вправе сказать, что студенческая молодежь в годы первой русской революции принимала деятельное участие в местном социал-демократическом движении.

Кроме прямого участия в политической жизни края

(митинги, собрания, демонстрации, студенческие вечеринки и др.), студенты играли известную роль в распространении и создании вольной литературы. Мне бы хотелось в первую очередь назвать студенческие письма. В них почти нет элементов бытового порядка, а главенствуют описания политических событий. Студент Казанского университета Клейман первого декабря 1905 года направил в г. Курмыш инспектору городского училища Ф. В. Виноградову письмо, в котором писал: «Довольно ждать! Кадры пролетариата должны быть каждый день увеличиваемы, вооружаемы, воодушевлены и возбуждены. Недалек тот день, когда пролетариат даст последний бой падающей системе... Недалеко до битвы, которая, быть может, будет последняя, там мы, революционеры, покажем мощь пролетариата, там мы победим. В нашей победе может сомневаться теперь слишком близорукий человек... Вы тайно сочувствующие, вы тайно действующие, вы все, которые около нас, — смело присоединяйтесь к нам, смело идите в нашу сторону, и мы с вами победим...»[3].

Это письмо было перехвачено симбирскими жандармами, которые заинтересовались личностью его автора.

Есть письма в которых по существу ведется обмен политическим опытом. Авторами этих писем являются исключенные из университета или института и высланные в провинцию студенты, или же молодые люди, окончившие учебные заведения и окунувшиеся в революционную работу. Воспитанник 3-го класса Порецкой учительской семинарии С. В. Свалов получил 10 декабря 1905 года письмо от молодого учителя Н. М. Сивкова. «Был я в Ижевске, — пишет он. — Время там провел блестяще — печатали на гектографе прокламации и им подобное, так как там существовал кружок социал-демократической партии. Как только я уехал из Ижевска, так у меня все пошло кругом. Началась чертовщина с полицией из-за агитации. Теперь я живу в большом селе и заведую двухклассным училищем. Я веду народные чтения, совершенно игнорируя ограничительные циркуляры всех бюрократов, читаю все, что считаю важным... Ты в своем письме хвалишься Манифестом от 17 октября. Брось, брат, чепуха все это. Добьемся большего, если только борьба с отжившей проклятой бюрократией будет вестись единодушно. В единении

сила — вот девиз нашего времени. Слава борцам за честь, за свободу, за хлеб трудовой. Героическая борьба близится к концу. Рухнет самодержавие — рухнет зло навсегда. Скоро, скоро под дружным натиском борцов за освобождение, поливших кровью родную землю, рухнет тот полицейский режим, который столько лет тормозил дело народного просвещения»[4].

Совершенно очевидна зависимость этих писем от большевистских пламенных прокламаций и от песен революции. Студенческие письма революционных лет — это эпистолярные публицистические произведения, игравшие немаловажную роль в политическом воспитании молодежи, в создании революционной атмосферы в городе и крае. Такие письма не биографический, а общественный факт.

В нашем крае были известны и публицистические произведения, издаваемые студентами. Нам известно «Письмо А. Амфитеатрова к Жану Жоресу», изданное Организационным комитетом Санкт-Петербургского университета[5]. «Письмо» является одним из откликов на кровавые события 9 января 1905 года и на заключение Горького в Петропавловскую крепость.

Автор письма А. В. Амфитеатров — либеральный буржуазный писатель и журналист. В эти годы он был известен как автор острого фельетона «Господа Обмановы», т. е. Романовы, за который была закрыта газета «Россия», а автор выслан в 1902 году в Минусинск. В 1905 году Амфитеатров эмигрировал за границу. Письмо было написано им 30(17) января 1905 года в Италии, охваченной гневными манифестациями против «постыдного царизма» и его злодеяний, за освобождение и спасение Горького, «одного из самых выдающихся писателей России».

Письмо адресовано Жану Жоресу — вождю французского социалистического движения, редактору «Юманите», имя которого было широко известно прогрессивной России.

«Кровавая бойня в Петербурге, — говорится в этом письме, — наполнила ужасом весь цивилизованный мир! Голоса всех наций и рас слились в дружном вопле отвращения к палачам и сострадания к жертвам русского самодержавия... В доверчивых рабочих, наивно пришедших искать защиту у царя, летят смертоносные пули.

Залпы бьют в спину бегущих... Добивают лежавших... Тюрьмы переполнены. Печать задушена. Молодежь объявлена почти вне закона. Великий русский писатель, певец пролетариата, в плену, и палач Трепов грозит ему смертной казнью... Смерть и тюрьма — вот она современная Россия Николая II»[6].

В письме Амфитеатрова много хорошего сказано в адрес революционной Франции, родины Вольтера, Мирабо, Виктора Гюго, Прудона, Золя и Жана Жореса.

Письмо, изданное подпольно студентами Петербургского университета, стало, как видим, достоянием революционно настроенной студенческой молодежи в Симбирске.

Но особенно важным памятником духовной жизни передовой молодежи нашего края в годы революции является «Студенческий сборник», изданный в 1907 году в Симбирске и объединивший творческие силы Казани и Симбирска.

Студенческие сборники выходили в эти годы не так уж часто. В 1901 году в Нижнем Новгороде был издан гектографированный «Сборник произведений, возникших на почве студенческих беспорядков». В нем приняли участие воспитанники Московского университета, сосланные в Нижний Новгород и объединившиеся здесь в кружок ссыльных студентов. В сборнике выражался протест против произвола, повсеместного свирепого подавления студенческих волнений. Был известен «Бутырский вестник», издаваемый студентами, заключенными в Бутырскую тюрьму. В 1907 году в Харькове студенческим литературным кружком тоже был издан «Студенческий сборник».

В ряду этих памятников студенческого движения находится и названный нами симбирский «Студенческий сборник». Сборник был составлен из прозы и стихов. Почти все произведения подписаны псевдонимами (за исключением двух подписей). Вот участники сборника: Авенир Федорович Ярославцев — журналист и поэт, секретарь редакции казанского журнала «Метеор» (1906); Иван Григорьев — публицист, писатель и критик Иван Григорьевич Верещагин, сотрудничавший в «Волжском курьере», в казанском «Метеоре» (1906—1907), а также в симбирской литературной газете «Вестник» (1910); Марк Хмурый — поэт Александр Красновский, сотрудник

«Метеора» (1906—1907); Изгнанник — поэт и прозаик Николай Семенович Охотин, сотрудник «Метеора» (1906—1907) и деятельный сотрудник симбирских «Наших дней» (1907); Евгений Георгиевич Геркен — поэт и драматург, сотрудник «Метеора». Несколько псевдонимов (Н. Астров, Нивар, Н. Ар-в) не удалось расшифровать, но и то, что удалось установить, весьма важно: основные участники «Студенческого сборника» — сотрудники еженедельного казанского литературно-художественного, сатирического журнала «Метеор».

С декабря 1906 года вышло три номера этого журнала, а в начале 1907 года — четвертый и седьмой номера. В феврале журнал закончил свое существование.

«Метеор» был журналом революционного направления. Его первый номер открывается красноречивым рисунком на титульном листе: виселицы, убитые рабочие, кровь. На четвертой странице этого же номера рисунок — «Ремонт Красной площади»: царские министры выстилают площадь черепами. Эта же тема, тема расправы, — в стихотворении М. Быковского «На рассвете»:

На рассвете их в сад привели,
Листья сонно в саду шелестели...
— Захотели себе вы земли,
Воли полной себе захотели, —
Что ж, не долго их дать... Сотник, пли!
И почудилось всем, что вдали
Повторило и громко и внятно
Эхо слово короткое — «Пли!»
Дым рассеялся, темные тени
На траву, расползаясь, легли...

Но уже на титульном листе второго номера журнала — рабочий в красной рубахе, провозглашающий: «Да здравствует свобода!», а третий номер открывается еще более выразительным рисунком: на площади, на фоне фабрик и заводов, стоят на коленях фабриканты, а перед ними богатырского вида рабочий с дубиной в руках.

Вполне понятно, что черносотенцы не могли допустить издания «Метеора». К каким мерам они прибегали, можно представить по заметке «От редакции», напечатанной в 1907 году в четвертом номере журнала: «Бывший член редакции нашего журнала Николай Ермилович Воронцов, после обыска и ареста, произведен-

ного 3 ноября 1906 года в редакции «Метеора», — принужден был уехать из Казани. В Москве он был страшно избит полицейскими и в феврале 1907 года, 23 лет от роду, умер в Ярославле на больничной койке».

В «Метеоре» значительную роль играли казанские студенты. Однако почему «Студенческий сборник» вышел не в Казани, а в Симбирске? Ответ на этот вопрос нужно искать в политической обстановке того времени.

В октябре 1905 года пролетарское революционное движение в Казани достигло значительных успехов. 18 октября народ разоружил полицию, а оружие было свезено во двор университета, где проводилось вооружение отрядов народной милиции, состоявшей из рабочих и студентов. Но силы правительственной реакции оказались значительными. 20—21 октября казаки, юнкера, правительственные войска и черносотенцы расправились с народной милицией. Три дня шли погромы, сопровождаемые воплями черносотенцев: «Бей студентов!» Тюрьмы были переполнены. 12 декабря были арестованы Казанский комитет РСДРП и весь партийный актив. Прекратили свою деятельность студенческие и ученические организации.

Но в 1906 году Казанский комитет РСДРП активизируется, создает ряд нелегальных кружков среди рабочей и учащейся молодежи, издает прокламации. Вновь организуется «Революционный союз учащихся».

Однако революция в стране окончилась поражением. Начались новые репрессии. В апреле 1907 года было арестовано большинство членов Казанского комитета РСДРП. Студенческий «Казанский Совет объединенных землячеств и групп» оказался парализованным — на него также обрушились репрессии.

Реакция сказалась и на печати. В октябре 1905 года прекратила свое существование большевистская нелегальная газета «Рабочий», руководимая Я. Свердловым, а в декабре того же года — «Волжский листок», легальная газета, в которой сотрудничали казанские большевики. В 1906 году перестала выходить умеренно-либеральная общественно-политическая и литературная газета «Волжский вестник». В этом же году были задушены «Свобода» («Азат») и «Свободный народ» («Азат халык») — газеты демократического направления, выходившие на

татарском языке[7]. В 1907 году, как уже отмечалось, прекратил свое существование сатирический журнал «Метеор», в деятельности которого принимали участие и большевики (Н. Охотин и др.).

В Симбирске обстановка в 1907 году была несколько иной. В Симбирской группе РСДРП насчитывалось более 300 человек, в марте 1907 года был создан комитет РСДРП. С марта 1907 года стала выходить легальная большевистская газета «Наши дни». В июле 1907 года в Симбирске проходила вторая Поволжская конференция социал-демократов, на которой были заслушаны доклады о состоянии социал-демократических организаций Симбирска и Казани[8].

Естественно, что в Симбирск стекались (по своей инициативе или по приглашению Симбирского комитета РСДРП) партийные и общественные деятели Поволжья, в частности из Казани. В августе 1906 года в Симбирск приехал из Уфы бывший казанский студент, один из фактических руководителей Казанского социал-демократического комитета в 1902—1903 гг. Н. П. Брюханов. Он поступил на службу в редакцию «Симбирских вестей», одновременно был публицистом и неофициальным редактором «Наших дней»[9]. В ноябре того же года в город по приглашению симбиряк прибыл один из сотрудников «Метеора» — Н. С. Охотин. Его приезд ожидали в Симбирске, на него возлагали надежды как на писателя. И не ошиблись: Н. С. Охотин — Изгнанник, стал публицистом и поэтом «Наших дней». В это же время из Казани приехал Михаил Бродяга, ставший вскоре деятельным поэтом «Наших дней» и автором сборника рассказов и стихотворений «Аккорды бессильной злобы», вышедшего в 1907 году в Симбирске. Можно с уверенностью сказать: в Симбирске шло собирание прогрессивных сил вокруг «Наших дней».

Вот в этих условиях и осуществлялось издание симбирского «Студенческого сборника». А деятельное участие большевика Н. С. Охотина (Изгнанника) в сборнике указывает на те силы, которые способствовали его появлению.

В симбирском «Студенческом сборнике» преобладает проза. В нем напечатаны рассказы, эскизы, хроники: Ав. Ярославцева — «В весеннюю даль»; Ивана Григорьева — «Провокатор», «Черные»; Нивара — «Реко-

мендательное письмо»; Вл. Шалабанова — «Обыск»; Б. С.—«Таблица умножения»; Н. Ар-ва «Пробуждение»; А. Лодкина — «Зачем?»; Изгнанника — «Он вернулся».

Открывается сборник рассказом Авенира Ярославцева «В весеннюю даль», повествующим о студенте Чарском, который «весь ушел служению Святому Знамени». Вчера он был в тюрьме, а сегодня выступает на сходке с горячей речью-призывом: «Бурно и страстно море. Белыми гребнями усеяны мощные волны. Море собралось мстить. Друзья, мы на грозном и славном девятом вале, несущем нас с ужасающей быстротой на жалкие заставы! Крепче держитесь, друзья, за нами победа!»[10]. Страстные слова призыва нашли отклик в сердце каждого участника сходки, они заворожили и вызвали восхищение в душе девушки. Чарский заметил ее пылающий взгляд, преследовавший его и после сходки. Ночью студенту-революционеру пришлось бежать из города, спасаясь от жандармов. Друзья организовали его побег. На заставе Чарского ожидала тройка, а в тарантасе — очарованная им девушка, его «нежная мечта». «И оба они, счастливые и гордые, уверенные в себе, неслись вперед в весеннюю даль»[11].

Оптимистическое звучание этого рассказа, клятва верно служить «Святому Знамени» определяют общую направленность сборника.

В рассказе Ивана Григорьева «Провокатор» повествуется об одном эпизоде из жизни «Соединенного кружка учащихся», подпольной гимназической организации в городе Энске. Этот город был примечателен тем, что «по зимам в нем можно встретить лишь высланных студентов». В город засылается провокатор — студент Боровский с целью спровоцировать преждевременные выступления «Соединиловцев», что привело бы к разгрому ученической организации. Гимназеры попадают в расставленные провокатором сети. Но представители местной большевистской организации — рабочий Глухов, студент университета и писатель Михаил Семенович Корсаков — вмешиваются в эту «подготовку» забастовки учащихся. Провокатор изобличается и изгоняется из города. В разоблачении Боровского принимают самое деятельное участие студенты-революционеры. В рассказе убедительно выписан гимназист Сергей Жданов, который постепенно освобождается от ребячьей доверчи-

вости, решительно и сознательно становится на пролетарскую точку зрения. Запоминается Михаил Семенович Корсаков — писатель и публицист, любимец читающей молодежи. Он — марксист, душевный человек, о чем прекрасно знают обитатели «фаланстеры» — боковой комнаты дома, занимаемого писателем. В этой «фаланстере» находили приют «неблагонадежные» — народные учителя, бывшие студенты и др.

Рассказ Нивара «Рекомендательное письмо» — быль о поисках работы бедным студентом, проживающим в городе Энском. Рекомендательное письмо к известному предпринимателю города, полученное студентом от родственника-купца, радушный прием купцом окрыляют бедного студента. Но тут в разговор вмешивается гость купца — господин со значком «истинно русских людей» и предлагает студенту работать осведомителем. Возмущенный студент уходит из дома благообразного купца, получив первый тяжелый урок жизни. С ненавистью вспоминает он об этих людях, пытавшихся использовать его безвыходную нужду в своих грязных целях.

Почти те же чувства захватывают героя эскиза «Таблица умножения» — студента-юриста. Он готовится к экзамену по государственному праву. Читает вслух из учебника: «Императрица во время царствования ее супруга получает ежегодно, кроме содержания ее двора, по 200 тыс. рублей. Наследник престола ежегодно по 100 тыс. руб., супруга его по 50 тыс. В приданое дочерям и внукам императора выдается по 1 миллиону руб.; правнукам и праправнукам по 100 тыс. руб.; происходящим от праправнуков императорских по 30 тыс. рублей»[12]. Читая о тысячах, студент-юрист вспоминает о том, что кончился последний срок взноса за лекции, а у него осталось всего три рубля; вспоминает он об умирающем от чахотки отце, бывшем наборщике типографии «Правительственный курьер». Работал отец чуть ли не сутками, а получал 300 рублей в год. И вот умирает. Сын собирался отослать отцу оставшиеся у него три рубля...

Эти раздумья прерываются наивными вопросами девочки Нюры, которая учит таблицу умножения. Детская непосредственность ее замечаний о прочитанном студентом углубляет идейное звучание эскиза.

Короткие рассказы «Черные», «Пробуждение» и «Зачем?» внутренне связаны между собой. В их основе —

эпизоды классовых боев 1905—1906 гг., участниками которых были казанские студенты, а быть может, и авторы рассказов.

Своеобразно стихотворение в прозе Ивана Григорьева «Черные», посвященное «гномам работникам, смелым сердцам, острым умам». В нем автор обвиняет обывателей за их безразличие к делу революции, что объективно означает поддержку свирепеющей реакции: «Бьют разум!.. Братьев бьют!.. Угрозы злобные, — молящий плач... И дикий вой все рос, гудел... Жадная земля ненасытно пила людскую кровь... «Добей!» . —... гремит жестокий хохот смерти... И плакал чистый юноша и жадно, жадно мстить хотел... Кому?»[13].

Так приходят пробуждение, чувство долга и мучительных раздумий. Вопрос плачущего юноши — кому же мстить? — сочетается с другим вопросом, возникшим перед героем другого рассказа А. Лодкина «Зачем?».

В громадном актовом зале за партами сидят абитуриенты и пишут сочинение по словесности на тему «Знание — сила». Среди пишущих и он — ученик восьмого класса, участник вчерашней революционной демонстрации. В его сознании встают потрясающие картины: толпа с красными флагами, пение, казаки, лошади, нагайки, худенькая девушка, над головой которой занесена нагайка... Гимназист, выхватив револьвер, стреляет в казака, спасая плачущую девушку.

Неотвязные картины не выходят из памяти, и все же сочинение написано. Перед юношей возникают вопросы: «Зачем мне эта отметка? Впрочем... Да... А зачем тогда была эта кровь, эти страдания? Зачем? Зачем?..»[14].

Ответ на этот вопрос уже найден самим героем рассказа: он пока в порыве чувства чести защитил девушку от казацкой нагайки. Он на границе университетской жизни, а следовательно, — новой стадии борьбы.

Несколько особняком стоит в сборнике рассказ Изгнанника «Он вернулся», написанный в ноябре—декабре 1906 года в Симбирске[15]. Рассказ создан на основе симбирских наблюдений и впечатлений автора. В центре внимания — один из эпизодов подпольной работы симбирских революционеров: восстановление после провала типографской техники, а в связи с этим и описание работы по набору и печатанию листовок, прокламаций. Рассказывается о том, как печаталась «Крест-

ииская» прокламация, что дает возможность уточнить и время описываемых событий: май—июнь 1906 года. Работа с «техникой» была поручена студенту-революционеру Григорию, до этого работавшему в Киеве и Харькове, курсистке Людмиле и рабочему-печатнику Кузьмичу. Григорий и Людмила должны были фиктивно пожениться и под видом молодоженов снять удобную квартиру, где можно было бы организовать работу подпольной типографии. Квартиру нашли в доме над оврагом. Работа закипела — набирали прокламацию «К крестьянам».

Описывая жизнь подпольщиков, автор включает картины, дающие представление о повседневной жизни симбирских большевиков (работа кружка столяров, поездка революционеров на Волгу, ночь у костра и др.). Жизнь «супругов» усложняется: Григорий влюбляется в Людмилу, последняя также неравнодушна к своему «мужу». Во время одной из поездок Григория в соседний город по делу организации, в городок возвращается студент Алексей, который зимой вынужден был бежать от преследования полиции. Алексей — анархически настроенная натура, себялюб. Пренебрегая правилами конспирации, несмотря на то, что «его здесь вся полиция знает», он является на конспиративную квартиру к Людмиле.

У девушки пробуждается старое чувство к Алексею. В жизни «супругов» наступает отчуждение. Работа шла, но для Григория дни были тоскливыми и бесцветными. Анархизм и эгоистичность Алексея, пренебрежение интересами дела тяжело сказываются на работе организации. Посещения Алексея не остались незамеченными— за ним устанавливается слежка, и вот квартира «провалена». Благодаря связям, местные большевики (Терентий — семь раз сидел в тюрьме, Ван Ваныч — студент, высланный из Петербурга, Кузьмич — рабочий типографии) узнают о времени прихода полиции и предупреждают провал. «Техника» спасена. Но перед группой встает новая задача: надо искать другую квартиру. Это уже профессиональные будни революционного Симбирска.

Как видим, прозаический отдел «Студенческого сборника» раскрывает перед читателями жизнь революцион-

ного и демократического студенчества в период наступления реакции: пребывание в тюрьмах, борьба с полицией, черносотенцами и провокаторами, бесплодные поиски работы и думы о куске хлеба насущного, участие в демонстрациях, работа в подполье. Вот такова она, тревожная, многотрудная студенческая жизнь. Герои не прозябают, а живут широко; их жизнь не тление, а яркое горение, их помыслы устремлены в весеннюю даль, а дела посвящены верному служению «Святому Знамени».

Но особенную целеустремленность в «Студенческом сборнике» имеет раздел поэзии, представленный стихами Изгнанника, Ав. Ярославцева, Марка Хмурого и Н. Астрова. Композиционно стихи как бы пронизывают весь сборник, придавая ему революционную романтическую окрыленность. Стихи Ав. Ярославцева «Баллада волн», «Как ветер будь волен», «Люблю я изменчивость струй отраженных» разрабатывают основные мотивы его же рассказа «В весеннюю даль». Продолжением этого мотива является «Баллада волн» о «пленниках», насильно заброшенных в Сибирь. Живут они там «средь узких, грязных пут насилья и обмана».

Но смелы люди эти,
И горд их ясный взор!
. . . . . ,
Как солнце — исполины,
Как мощный взмах волны,
Те люди — властелины,
Сияния полны[16].

В «Балладе волн» завершается романтическая поэтизация подвига тех же собственно героев, о которых шла речь в прозаических произведениях сборника («Он вернулся», «В весеннюю даль»).

Нужно сказать, что поэты «Студенческого сборника» чувствовали приход безвременья, наступление реакции. «Мглы свинцовой» (Изгнанник). Но эти мотивы являются побочными. Для сборника в целом и, в особенности, для цикла стихов лейтмотивом звучит призыв:

Вставай народ!.. Раскаты грома
Несут нам весть: весна идет!..
(Н. Астров. «Весенний клич»).

Звучат также мотивы призыва в грядущее и мотивы Молота-властелина, который разобьет рабства гнет. В стихах Марка Хмурого «Молот», «Пламя грядущего» в аллегорической форме утверждается роль рабочего класса:

Верьте — под молотом в битве решающей
Будет разбит Властелин!

Наиболее полно это зовущее, жизнеутверждающее начало проявляется в цикле песен Изгнанника, следующем за рассказом Ав. Ярославцева «В весеннюю даль». В цикл входят стихи: «Новому», «Мы твердые духом идем впереди», «Стена», «Молнии», «Ты не хочешь понять, ты не можешь понять», «Не зови их», «Горят костры», «Они идут...», «На веселом огне настоящего», «Пламя грядущего». Часть этих произведений нам уже известна, — они были напечатаны в газете «Наши дни» («Не зови их», «Мы твердые духом идем впереди», «Молнии»). Новые произведения, вошедшие в «Студенческий сборник», характеризуются той же приподнятостью, что и песни в «Наших днях». Из этого цикла нужно выделить песню «Они идут...». В дни реакции «Наступила тишина умирающая», но

Близки дни неизбежные —
Дни пылающей битвы святой.
Близки дни разрушения,
Дни святого отмщения,
Дни создания жизни другой!
В тишине умирающей
Слышу гул нарастающий —
То идут не враги, а свои,
Эти крики проклявшего,
Эти песни восставшего,
Это крики и песни мои![17]

Эта песня написана в то время, когда реакция подняла голову. И все же, в песне нет пессимизма и уныния, для нее характерно оптимистическое звучание, вера в неизбежный приход новых творцов грядущего.

Цикл песен Изгнанника, как и рассказ Ав. Ярославцева «В весеннюю даль», определяет общую революционную романтическую приподнятость сборника, его оптимистический характер.

Симбирский «Студенческий сборник» объединил демократически настроенных молодых писателей и поэтов разных талантов и, вероятно, разных убеждений. Но все они видели, что «гибнут лучшие люди страны» (Изгнанник). Писатели-студенты не были безучастны к этому, их объединяло искреннее чувство, выраженное в словах «Студенческой марсельезы», созданной в начале девятисотых годов:

Мы шли за свободу, за труд, за народ.
Наш клич — справедливость и знанье!
Себя обрекли на скитанья.
Вперед, вперед, вперед![18]

Симбирский «Студенческий сборник», так же как и нижегородский, возник в процессе борьбы, является ответом передовой молодежи на репрессии в Казани, против студенческого движения и прогрессивной печати, в частности, против закрытия «Метеора». Этот сборник — ценный литературный памятник, раскрывающий взгляды и настроения учащейся молодежи в годы наступления реакции, является вкладом в революционную литературу Поволжья 1905—1907 годов.

СЫЗРАНСКИЙ МАРТИРОЛОГ ЛИТЕРАТУРЫ

В СВОЕЙ статье «Развитие революционных идей в России» Герцен утверждал, что «История нашей литературы — или мартиролог, или реестр каторги». Эти слова сохраняли свою страшную, правдивую силу на протяжении всего XIX и начала XX века, особенно в годы реакции после поражения революции 1905—1907 гг. По всей стране прокатилась волна арестов, судебных преследований прогрессивных писателей и их произведений. Был конфискован сборник А. Я. Коца «Песни пролетариев» (1907), изданный в Петербурге, прекращено издание «Рабочего дела», а все вышедшие номера конфискованы (1909), прекращено издание газеты «Новый день» (1909), закрыта газета «Наш путь» (1911), запрещен журнал «Мысль» (1911).

Этот мартиролог, т. е. перечень преследований и страданий литературы, можно было бы расширить. Горестными памятниками являются также «Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17 октября 1905 года по 1 января 1909 года», изданный под редакцией П. И. Беркова в 1909 году в Москве, и «Справочный указатель арестованной литературы с 17 октября 1905 по 1 января 1910 г.» Бо́днарского, вышедший в Москве в 1908—1910 гг. К числу таких же мартирологов надо отнести и брошюру Е. И. Аркадьева «Запрещенная литература: книги, брошюры, газеты и журналы, арестованные в 1911 году», изданную в 1912 году в Сызрани. У каждой из этих книг своя судьба. Особая судьба и у книги Е. И. Аркадьева.

Елпидифор Иванович Аркадьев жил в Сызрани с 1901 до 1914 года[1]. Издатель был деятельным журналистом, его статьи появлялись в самарских газетах, в «Рус-

ских ведомостях», «Русском слове», в «Библиографических записках». Он был известным библиографом. Ему принадлежат сборники: «Словарь библиофила» (1890 г., второе издание — 1903 г., в Сызрани), «Материалы для словаря псевдонимов», «Театральный словарь» и др. «Библиографический ежемесячный иллюстрированный листок» издавался Е. И. Аркадьевым в Сызрани с 1905 года. 31 мая 1911 года Аркадьев получил разрешение симбирского губернатора на издание «Библиографического ежемесячного листка». В 1912 году было издано пять номеров листка. Е. Аркадьев был одним из первых библиографов Горького.

В 1912 году известный историк литературы и библиограф С. А. Венгеров, работая над «Источниками словаря русских писателей», обратился к А. М. Горькому, находившемуся на Капри, с просьбой выслать библиографические сведения. В своем ответе Алексей Максимович, в частности, писал: «Могу указать, что в Сызрани в 911 году издан «Библиографический листок», частью посвященный перечню книг и статей обо мне»[2]. В этом же году Е. И. Аркадьев подготовил и издал в Сызранской типографии «Печать» брошюру «Запрещенная литература».

Однако Казанский комитет по делам печати 10 июля 1912 года обратился к симбирскому губернатору с просьбой «наложить арест на означенное издание». Из Симбирска полетела срочная телеграмма: «Сызранскому полицмейстеру. Согласно постановлению Казанского комитета арестуйте (в) типографии «Печать» все издания (с) заглавием «Запрещенная литература...»[3]. 13 июля многочисленный наряд полиции оцепил типографию и произвел обыск. Полицейские оставались в типографии до утра. Утром они явились в квартиру Аркадьева и «арестовали редактируемый им 1-й номер «Библиографического ежемесячного листка». Выяснилось при этом что большая часть тиража брошюры «Запрещенная литература» находится на железной дороге — подготовлена к отправке в Москву. Арестовали и эту брошюру.

Против Аркадьева было возбуждено судебное преследование. Однако в эту историю вмешалась печать В журнале «Русское слово» была опубликована статья «Обыск у журналиста», в которой рассказывалось о полицейском произволе по отношению к сызранскому жур-

листу, корреспонденту журнала[4]. Дело принимало нежелательный для полиции оборот. Ведь это был 1912 год, год революционного подъема в стране, — приходилось считаться с общественным мнением. Департамент юстиции министерства внутренних дел, ссылаясь на «Русское слово», запросил симбирского губернатора об обстоятельствах дела. Выяснилось, что Е. И. Аркадьев получил от симбирского губернатора разрешение на издание «Библиографического листка». В деле сказано: «Арестованный «Библиографический листок» с № 1—5 по содержанию тождественен с брошюрой «Запрещенная литература». А поэтому уголовное преследование прекращалось, конфискованная брошюра возвращалась издателю[5].

Брошюра Е. И. Аркадьева «Запрещенная литература» открывается портретом К. Маркса. Затем следует эпиграф, взятый из стихотворения «Свободное слово» О. Чюминой (1864—1909), автора сборников «Новые стихотворения», Спб, 1905 г. и «Песни о четырех свободах», Спб., 1906 г. В период первой русской революции поэтесса часто выступала с революционными, антиправительственными стихами. Широко известен, например, ее стихотворный памфлет «Колыбельная песня» на генерал-майора Д. Ф. Трепова, кровавого палача революционных рабочих[6].

В брошюре «Запрещенная литература» дан перечень названий арестованных книг по алфавиту, с указанием мер пресечения: суд, арест комитетом печати или полицией, изъятие. В этом перечне находим указание на то, что в 1911 году были изъяты русские переводы книг К. Маркса «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал» и др.[7] Были арестованы все книги А. Бебеля и К. Каутского, переведенные на русский язык. В перечне названа и книга В. И. Ленина «К деревенской бедноте. Объяснения для крестьян — чего хотят социал-демократы. С приложением программы социал-демократической партии»[8]. В числе запрещенных изданий находим также работу А. И. Герцена «Развитие революционных идей в России». Издатель В. М. Саблин, выпустивший ее в 1907 году, был привлечен за это к судебной ответственности.

Книга Герцена «Развитие революционных идей в России» вышла впервые в 1851 году во Франции на

французском языке. В России издание сочинений Герцена было «высочайше» запрещено. Но произведения «вечного изгнанника из России» все же издавались в 900-е годы московскими студентами литографированным способом.

Первое легальное издание сочинений Герцена в семи томах было осуществлено в нашей стране Ф. Павленковым в 1905 году. Издание книги «Развитие революционных идей в России» осуществлено Саблиным тоже в годы первой русской революции. Но правительство, как бы спохватившись, опять запрещает и преследует издание сочинений Герцена.

Книга Герцена «Развитие революционных идей в России» имела исключительно важное значение в истории русской общественной мысли и литературы. Она раскрывала связь передовой русской литературы с развитием революционного движения в нашей стране. Герцен писал: «Литература у народа, политической свободы не имеющего, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести»[9].

Вполне понятно, что появление такой книги было нежелательно для царского самодержавия. Но была и еще одна причина запрета этого произведения. В 1912 году исполнялось столетие со дня рождения А. И. Герцена. Страна готовилась отметить этот знаменательный юбилей. Правительство же и цензура принимали все меры, чтобы помешать этому.

Значительная часть запрещенной в 1911 году литературы была связана с именем Л. Н. Толстого. В брошюре Е. И. Аркадьева названы десятки арестованных произведений великого писателя, а также статей, книг, воспоминаний о нем. Были отданы под суд, арестованы или уничтожены следующие произведения Толстого: «Воскресение», «Крейцерова соната», «Два закона», «Рассказы» (изд. «Ясная поляна», Спб., 1911), «Круг чтения» (изд. «Посредник»), «На каждый день. Учение о жизни, изложенное в изречениях», «О значении русской революции», Собрания сочинений т. 17, изд. В. М. Саблина, «К рабочему народу», «Рабство нашего времени», «Не могу молчать», «Сказка об Иванушке-дурачке и его двух братьях» и ряд других.

Были арестованы многие издания периодической

печати за помещение статей о Толстом или за печатание его произведений: «Деревенская газета», 1910, № 33—39 — за отрывок «Бродячие люди» из рассказа Толстого «Три дня в деревне»; «Новая земля», 1910 г., № 12 — за статью «Лев Толстой и социализм»; «Копейка». 1910, № 161 — за статью по поводу похорон Толстого; «Русские ведомости», 1910, № 292 — за статью Белоконского «Граф Лев Николаевич Толстой и крестьянин Бондарев». Были также отданы под суд или уничтожены отдельные работы о Толстом Э. Кросби, А. С. Пругавина, П. А. Сергеенко и других литературоведов[10].

Мною названы далеко не все книги и статьи о Л. Н. Толстом, арестованные в 1911 году. Любознательный читатель брошюры Е. И. Аркадьева, знакомясь с этими фактами, задумывался и начинал понимать казенное лицемерие правительства, уверявшего в своем «уважении» к великому писателю и одновременно преследовавшего его произведения, душившего всякое проявление сочувствия к памяти Л. Н. Толстого.

Из художественной литературы в списке запрещенных произведений находим и книги, изданные горьковским «Знанием»: Гарина «Инженеры», рассказы Серафимовича (том 3-й), изданные в 1908 году.

Нужно назвать также социал-демократический популярный журнал «Человек». Первый номер этого журнала вышел в феврале 1911 года. Второй номер был арестован, так как в нем помещались стихи Тараса Шевченко и статья «Сказки Максима Горького», а издатель угодил под суд. На этом журнал прекратил свое существование.

В брошюре Аркадьева есть и симбирские издания. Первый номер литературной и общественно-политической газеты «Сызранский труженик» был арестован за передовую статью и общее направление газеты (этот номер сохранился только в следственном деле)[11]. Были конфискованы также № 14 и 15 симбирской литературной газеты «Жизнь», а редактор-издатель привлечен к суду. В брошюре «Запрещенная литература» зафиксирован последний этап насильственно погубленной симбирской литературной газеты[12].

Таким образом, брошюра Е. И. Аркадьева «Запрещенная литература» — не библиографический справочник, а именно мартиролог политической и художествен-

ной литературы, а также журналистики за 1911 год. Сам составитель стремился к этому. Портрет К. Маркса на первой странице «Запрещенной литературы» и «Свободное слово» О. Чюминой придали брошюре характер политического выступления в защиту свободного слова. Сызранский мартиролог Е. И. Аркадьева — одно из проявлений революционной общественной жизни в нашем крае и в стране.

ПРИМЕЧАНИЯ

БЕССМЕРТНОЕ СЛОВО

[1] Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России. Сборник материалов, под редакцией Е. Д. Стасовой, М., 1956, стр. 62—82.

[2] О В. В. Орлове см. брошюру Г. Н. Федорова «К истории Симбирской организации РСДРП», Приволжское книжное издательство, 1964, а также его же статью «Когда возникла Симбирская группа РСДРП», «Ульяновская правда», 1964, № 63. Разделяя точку зрения Г. Н. Федорова о том, что «Симбирская группа РСДРП возникла под влиянием ленинской газеты «Искра», марксистской литературы и решений II съезда РСДРП», следует отметить, что: а) «утробный» период возникновения Симбирской группы РСДРП и формирование ядра группы по времени относится к формированию большевистской библиотеки, т. е. к концу 1901 г. — марту 1904 г.; б) март — июль 1904 г. — формирование самой группы.

[3] Каталог библиотеки, изданный на гектографе, опубликован (с пропусками) как приложение к воспоминаниям В. В. Рябикова «Подпольная библиотека Симбирской социал-демократической организации большевиков в 1901—1906 гг.», помещенным в сборнике «Из истории нелегальных библиотек...», стр. 77—82. «Каталог» обнаружен в августе 1950 г., замурованным в стене дома № 1 по улице Радищева г. Ульяновска. Хранится в партийном архиве Ульяновского обкома КПСС (в дальнейшем — ПАУО).

[4] «Эрфуртская программа» Каутского в 1903 году была прислана В. Орловым в Симбирск В. Рябикову (на короткое время). Рябиков переписывал ее по ночам в течение месяца (т а м ж е, стр. 63). В 1904 году эта книга была ими приобретена для подпольной библиотеки в Самарской социал-демократической организации.

[5] Т а м ж е, стр. 65.

[6] В библиотеке были следующие номера ленинской «Искры»: 8, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, **24, 25, 26, 27;** 28; 29; 33; 34; 35; 36; 37; **38,** 40, 41, 42, 43, **50,** 51. Выделенные нами номера были в двух экземплярах. Кроме воспоминаний Рябикова и «Очерков истории Ульяновской организации КПСС», см. ст. Л. Филимоновой, В. Казюхина «Искра» в Симбирске», «Ульяновская правда», 1960, № 303.

В Ульяновском краеведческом музее хранится № 27 «Искры» от

14 (1) ноября 1902 г., в котором напечатана статья В. И. Ленина «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами».

[7] С конца 1901 года Владимир Ильич стал подписывать некоторые свои работы псевдонимом Ленин. Впервые под этим псевдонимом в декабре 1901 года была опубликована вышеназванная статья в «Заре». — «Владимир Ильич Ленин. Биография». Издание второе. М., 1964, стр. 81.

[8] Ленинский сборник, т. XIX, М., 1932, стр. 469.

[9] ПАУО, ф. 57а, оп. 3, д. № 3.

[10] Владимир Ильич Ленин. Биография. Издание второе. М., 1964, стр. 82.

[11] Из истории нелегальных библиотек.., стр. 74—75.

[12] М. Медведева. История библиотеки в Симбирске-Ульяновске. «Красный библиотекарь», 1939, стр. 26.

[13] В. Г. Короленко о литературе. ГИХЛ, 1957, стр. 526—527.

[14] Для анализа состава Симбирской библиотеки им. И. А. Гончарова мною использованы: Каталог Симбирской городской публичной библиотеки и бесплатной имени И. А. Гончарова, Симбирск, 1908 г.; Каталог публичной платной и Каталог бесплатной библиотеки памяти И. А. Гончарова для народного чтения и для детей, Симбирск, 1912, а также «Отчет Симбирских городских библиотек публичной платной и бесплатной имени И. А. Гончарова за 1912 год».

[15] Подробнее о положении библиотек в эти годы см. А. А. Громова, «Библиотечное дело в России (в 1908—1914 гг.)», М., 1955

[16] Сведения о трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, вышедших в России, даны в книге Л. А. Левина «Библиография произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», М., 1948 г.

ПЛАМЕННЫЙ СВЕТОЧ

[1] «Искра» от 20 октября 1901 года, № 13.

[2] Напечатаны соответственно названиям: «Вперед», 1905, № 17; «Пролетарий», 1905, № 10 и «Пролетарий», 1905, № 13. О песне «На событие 9 января» см. в главе «Песни борьбы».

[3] ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 162.

[4] «Пролетарий», Женева, 1905, № 13, 9 (22) августа.

[5] Иллюстрированное приложение к «Искре», 1901, № 8, 10 сентября. Подписи нет.

[6] Напечатаны в «Социал-демократе» в порядке названия: 1904, № 3, декабрь; 1905, № 4, январь — февраль; 1905, № 9, 7 июля; 1905, № 12, 18 августа.

[7] Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России, М., 1956, стр. 63.

[8] Г. В. Плеханов. Письмо к С. М. Степняку-Кравчинскому, сб. «Литература и эстетика», т. II, М., 1958, стр. 7.

В сборнике «Социал-демократ» (1888) статья Плеханова о Глебе Успенском посвящена С. М. Кравчинскому. См. также Е. Тарута, «Фридрих Энгельс и С. М. Степняк-Кравчинский». «Наука и жизнь», 1965, № 7—9.

[9] С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. М., 1929, стр. 43.

[10] Ленинский сборник, т. XIX, М., 1932, стр. 469.

[11] Каталог Симбирской городской публичной библиотеки и бесплатной имени И. А. Гончарова, Симбирск, 1908, стр. 18, 95.

[12] Вильгельм Либкнехт. Никаких компромиссов. Госполитиздат, М., 1958, стр. 107. В библиотеке им. И. А. Гончарова была работа В. Либкнехта «Роберт Оуэн. Его жизнь и общественно-политическая деятельность». Перевод с нем. Л. Г., Спб., 1905.

[13] А. И. Ульянова. Краткий рассказ о жизни. «Комсомольская правда», 13 августа 1964 г.

[14] В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин в Петрограде и Москве (1917—1920 гг.), М., 1966, стр. 35—36.

В. Бонч-Бруевич сообщает о том, что он сам широко распространял эту книжку среди московских рабочих: «Книжка бралась нарасхват. «Ткачи» читались рабочими повсюду, их переписывали, повторно издавали на гектографе, разыгрывали отдельные сцены на рабочих вечеринках (стр. 36). О гектографическом издании «Ткачи» в Москве пишет С. Мицкевич в своей «Революционной Москве». Он также говорит о редактировании перевода В. И. Лениным.

[15] Л. Григорьев. Ленин и «Ткачи» Гауптмана. «Советская культура», 25 мая 1963 г., № 63.

Издание «Ткачей» Лахтинской типографией в 1895 году, а также женевское и лондонское издания 1902 года хранятся в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Рукописный экземпляр «Ткачей» издания 1895 г. обнаружен в г. Ставрополе краеведом В. Пархоменко. Об этом сказано в ст. Л. Григорьева.

[16] ПАУО, ф. 57, оп. 57—1, д. 116, л. 21.

В этом тексте не указано, что перевод этого произведения на русский язык был осуществлен в 1883 году П. Л. Лавровым, под названием «Ткачи». В издании 1905—1906 гг. лавровский текст несколько переработан. Стих. П. Лаврова «Ткачи» (из Гейне)», см. в сб. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Библиотека поэта. Большая серия, второе издание». Л., 1959, стр. 522.

Кроме Гауптмана и «Барабанщика революции» Гейне, о Силезском восстании писали в XIX в.: Георг Веерт — «первый и самый значительный поэт немецкого рабочего класса» (Энгельс) и Ф. Фрейлиграт — поэт революции, член союза коммунистов.

[17] Революционная поэзия (1890—1917). 2-е изд., Л., 1954, стр. 563.

[18] ПАУО, ф. 855, д. 1145, л. 42.

[19] О Барыковой см. — А. Ефремин. А. П. Барыкова. Библиотека «Огонек», № 30 (801), М., 1924.

[20] «Вольная русская поэзия», цит. изд. стр. 507; на стр. 815 дана библиографическая справка о сказке.

[21] Г. В. Плеханов. Искусство и литература. ГИХЛ. М., 1948, стр. 627—630.

О самом же Плеханове читатель узнавал из статьи «Празднование 25-летия демонстрации на Казанской площади и революционной деятельности Г. В. Плеханова». «Искра», 1901, 20 декабря, № 13. Празднование и чествование проходило в Женеве. Плеханов в этой статье назван: «товарищ и учитель».

[22] «Искра», 1901, 20 декабря, № 13.

[23] П. И. Бирюков. Библиография Л. Н. Толстого, т. II, стр. 83, стр. 83;
А. С. Пругавин. Граф Л. Н. Толстой в голодовку 1873—74 года, «Образование». XI, 1904.
К. А. Селиванов. Русские писатели в Среднем Поволжье, Куйбышев, 1941, стр. 56—57;
М. Валкин. Лев Толстой и Симбирск. «Ульяновская правда», 1964, 3 июня.

[24] П. Бейсов. О литературной деятельности первоначальных учителей детей Ульяновых. «Ученые записки УГПИ», т. XVIII, 1963. в. 3. стр. 156—205.

[25] М. Валкин. Лев Толстой и Симбирск, «Ульяновская правда». 1964, 3 июня.

[26] ПАУО, ф. 57-а, оп. 3, д. 3. Каталог библиотеки. Нам было известно гектографированное издание статьи Л. Н. Толстого, дошедшее до наших дней «В чем моя вера», изданное в Казани. Это издание затерялось. Из названных произведений «Ответ Синоду», написанный 4 апреля 1901 года, является одним из самых сильных и ярких выступлений Толстого против церкви. Текст «Отлучения» и «Ответ Синоду» см. в книжке Г. И. Петрова «Отлучение Льва Толстого», изд. «Знание», М., 1964, стр. 18—21, 45—57.

Из нелегальных произведений, связанных с борьбой Толстого против церкви, нам известна также распространявшаяся в Симбирске басня «Лев и ослы». Она была обнаружена жандармами в 1913 году в вагоне на ст. Симбирск (ГАУО, ф. 855, д. 1145, л. 42). Эта басня является откликом на отлучение Л. Н. Толстого от церкви. Рассказав о попытке сановнейших семи Ослов расправиться со Львом за дерзостное поведение, т. е. о семи иерархах, подписавших определение Синода об отлучении Льва Толстого от церкви, — басня заканчивается словами:

Когда же льву прочли зловещую рацею,
То он сказал, махнув презрительно хвостом:
«Здесь все написано ослиным языком,
А я лишь понимать по-львиному умею.

Полный текст басни приведен в книжке Г. И. Петрова, стр. 80—81.

[27] «Дело о наложении административного взыскания на редактора-издателя газеты «Народные вести» Ф. А. Абрамова». ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 701, л. 11.

[28] ГАУО, ф. 76, оп. 7, д. 838, л. 1, 2, «Дело...» и телеграммы использованы в сообщении А. Ф. Варламовой, сделанном по телевидению к 135-летию со дня рождения Л. Н. Толстого.

[29] «Волжские вести», 1910. 11 ноября, № 483, стр. 3. См. также главу «Сызранский мартиролог литературы» настоящих очерков.

[30] В этой же газете напечатана 30 января 1910 г. (№ 499) заметка: «Толстовец», В ней рассказывается об артиллерийском офицере Репине, проживавшем в Вырах. Он был известен как толстовец. Репин говорил крестьянам: «Земля эта божья и платить за нее не следует».

[31] «Искра», 1903, 13 октября, № 50.

[32] Из истории нелегальных библиотек.. цит. изд., стр. 70—73.

Более обстоятельно о действенной роли нелегальной библиотеки см. в «Очерках истории Ульяновской организации КПСС». Приволжское книжное издательство, 1964, стр. 68—75, 87—88.

[33] Сб. «1905 год в Симбирске». Ульяновск, 1925, стр. 97.

ПЕСНИ БОРЬБЫ

[1] Об этих песнях см.: «Революционная поэзия (1890—1917). Библиотека поэта (большая серия)», Л., 1954; М. С. Друскин, Русская революционная песня, М., 1954; «Песни русских рабочих. Библиотека поэта, Большая серия, второе издание», М.—Л., 1962; «Биография песен», М., 1965.

В. Алексеев утверждает, что в Симбирске было издано несколько сборников революционных песен, — см. «Симбирское подполье», «Пролетарский путь», 1928, № 65. Нам известны три экземпляра симбирского сборника «Песни революции».

[2] В. И. Ленин. «Евгений Потье», сб. «В. И. Ленин о литературе и искусстве», ГИХЛ, М., 1957, стр. 85—86.

[3] Песни революции. Издание Казанского Комитета РСДРП. 1905, ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 159.

[4] Песни и ноты к ним. ПАУО, ф. 57, оп. 57—1, д. 116.

Для полноты картины назовем также Сборничек песен, изданный в июне 1906 г. в Самаре социалистами-революционерами. В него вошли: «Марсельеза», «Смело, друзья, не теряйте», «Варшавянка», «Похоронный марш», «Песня ходока» (Ах ты, доля, моя доля..), «Мы хотим, чтобы счастье народное...», «Крестьянская марсельеза» (Отпустили крестьян на свободу...). Тираж — 6000, Сборничек был известен в Симбирске.

[5] Дознание Симбирского жандармского управления в Сызранском и Сенгилеевском уездах. ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 297, л. 4—5.

[6] С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. Л., 1929, стр. 72—73.

[7] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 297, л. 4—5.

Песня написана неизвестным автором в 1886 г. Известна под названием «Казнь», см. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века, Библиотека поэта (большая серия), второе издание», Л., 1959, стр. 561—562; 824—825.

[8] Скиталец. Воспоминания. 1923, стр. 137.

[9] «Вперед», 1905, № 17, 9 (26) мая.

[10] Революционная поэзия. Библиотека поэта. Л., 1954, стр. 236—237, 565. Нами приведены первая и последняя строфы (всего 14 строф).

[11] ГАУО, ф. 855, д. 1145, л. 42.

[12] Любимыми песнями В. Кротова были «Крестьянская марсельеза», «Марсельеза» (Отречемся от старого мира...), «Узник» (Сижу за решеткой в темнице сырой...), «Солнце всходит и заходит». В «Воспоминаниях о 1905 годе», записанных от сестры Кротова, говорится: «У него был хороший голос. Многие из работавших с ним в кондитерской Черешникова подхватывали эти песни». Записано учительницей Е. И. Васильевой 2 июня 1952 г.

[13] Песенник, изд. в Самаре в июне 1906 года, стр. 7.

[14] Из прошлого села Ундоры. Записано в Ундорах учительницей Е. И. Васильевой от С. Н. Афонина в апреле 1952 года.

Пение «Крестьянской марсельезы» преследовалось. 23 апреля 1907 года крестьянин с. Алатырь И. Ф. Суров зашел в вагон 3-го класса пассажирского поезда, остановившегося у станции Алатырь, и запел песню «Отпустили крестьян на свободу...», а затем назвал царя «подлецом и негодяем», за что был задержан по доносу юнкера, находившегося в вагоне. ГАУО, ф. № 1, оп. 90, д. 169.

[15] ПАУО, ф. 57-а, оп. 2, л. 172. Была более выразительная концовка «Солдатской песни»:

Стреляй, солдат,
Коли штыком,
Кусай зубами,
Бей прикладом,
Но убивая не забудь,
Что убиваешь родного брата!

«Солдатская песня» исполнялась на мотив, близкий мелодии песни «Смерть Ермака» (Ревела буря, дождь шумел...).

[16] Записано от рабочего Кезьминской суконной фабрики В. П. Бесчастного студенткой литфака УГПИ Феоктистовой 10 февраля 1955 г. Репертуар революционных песен рабочих этой фабрики в 1905 году, по воспоминаниям В. П. Бесчастного и П. Г. Белоусова, такой: «Марсельеза» (Отречемся от старого мира...), «Смело, товарищи, в ногу», «Отпустили крестьян на свободу...», «Нагаечка», «Пью эту чашку за царя Николашку», «Я бедняк, я много радости видал». Песню «Нагайка» привезла в Кезьмино неизвестная студентка Казанского университета.

[17] Революционная поэзия (1890—1917). Л., 1954, стр. 82.

[18] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 793, л. 710—712.

[19] Рапорт Сенгилеевского исправника начальнику Симбирского губернского жандармского управления. ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 793. «О происшествиях, об арестах полицией разных лиц в порядке охраны», 1908, л. 529. Название стихотворения В. Н. Фигнер, помещенного в сенгилеевском сборнике «Песни борьбы», нами не уточнено. Ее сборник стихотворений был издан в Петербурге в 1906 году. До этого издания ее стихи, написанные в каземате Шлиссельбургской крепости, где она находилась в заключении на протяжении 20 лет (1884—1904), не выходили за пределы крепости. Следовательно, гектографированный сборник «Песни борьбы», обнаруженный в Сенгилее, создан не ранее 1906 года. По-видимому, в этом сборнике были стихи Веры Фигнер — «Матери» (Если, товарищ, на волю ты выйдешь. Всех, кого любишь, увидишь, обнимешь. То не забудь мою мать!), датированное: «16 января 1888 г., Шлиссельбургская крепость» и «Пали все лучшие»... (...В землю зарытые, в месте пустынном безвестно легли!), датированное: «1897, Шлиссельбургская крепость». Это наиболее популярные стихотворения пламенного участника русского революционного движения.

[20] «Революционная поэзия», Л., 1954, стр. 516—517.

[21] Прокламации Симбирской организации РСДРП. 1904—1907. Ульяновск, 1951, стр. 30—31.

[22] Там же, стр. 99.

[23] Сб. «1905 год в Симбирске», Ульяновск, 1925, стр. 24. В. Ор-

лов в одном из своих писем вспоминает о том, как после сходок они пели «Ермака». Революционная поэзия входила и в личную жизнь симбирских революционеров. На обороте фотокарточки наборщицы Симбирской подпольной типографии Марии Георгиевны Яковлевой сделана такая надпись:

«1 сент. 1905 г.
...Над вершинами гор,
Где рассвета рождается пламя,
Между молний и туч мы почуем простор
И поднимем свободное знамя».

См. И. Ротин, Ищу влюбленных. «Ульяновская правда», 1965, 8 декабря.

[24] Дело о разрешении устройства собраний и митингов. ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 768, л. 84—85; «Донесение симбирского губернатора министру внутренних дел о состоянии губернии», 1906, оп. 6. № 46, л. 2; см. также В. Алексеев. Симбирское подполье, «Пролетарский путь», 1928, № 65.

[25] О беспорядках в г. Симбирске. ГАУО. ф. 76, оп. 6, д. 21, лл. 34, 38. Призыв к созданию Симбирской Республики не является пустой фразой. В 1905—1906 гг. действительно возникали маленькие местные республики: Марковская (в Московской губернии), Рузаевская, Новороссийская, Старо-Буянская. О возникновении и жизни Старо-Буянской республики (в Самарской губернии) рассказал Скиталец в романе «Кандалы».

[26] Собрание Симбирской фракции «Союза 17 октября», «Симбирские вести», 1906, 5 февраля, № 32.

[27] «Дело по обвинению Гимова...», ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 385, л. 41.

Гимов был задержан запасным ефрейтором после того как, бросив прокламации, пытался скрыться. После следствия он был отдан под особый надзор полиции. Во время обыска, кроме прокламации «К крестьянам» и брошюры «Пауки и Мухи», у него были захвачены жандармами: «Рассказы из истории Англии» А. О. Быкова, экземпляр второго номера нелегальной социал-демократической газеты «Рабочий», издаваемой ЦК РСДРП. Газета печаталась в Москве. В этом номере было напечатано обращение «От редакции Центрального органа РСДРП», за подписью — «Редакция «Пролетария». Обращение было написано В. И. Лениным. В этом же номере помещены статьи: «Самодержавие и голод», «Путиловская забастовка» и др.

Жандармы отобрали у Гимова также три листка с карандашными заметками, которые, по словам арестованного, были им «писаны в гончаровской библиотеке из газеты «Волжский листок» (л. 41). Показание Гимова одно из немногих свидетельств о том, что симбирские революционеры пользовались материалами библиотеки имени И. А. Гончарова.

«Волжский листок» не назван в печатном «Каталоге» библиотеки. Следовательно, библиотека имела периодические издания, не вошедшие в «Каталог».

[28] «Симбирские вести», 1906, 9 февраля, № 35; см. также В. Алексеев. Симбирское подполье, «Пролетарский путь», 1928, 16 марта.

[29] Там же, «Письмо врача З. Соловьева», 1906, 17 февраля, № 40.

Феденька Кротиков — помпадур города Навозного (Щедрин, «Помпадуры и помпадурши», IX—X).

[30] С. Скиталец. Кандалы. Йошкар-Ола, 1960, стр. 398—99.

[31] Прокламации Симбирской организации РСДРП, стр. 74—77.

[32] ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 1237, л. 2—7.

Песни борьбы оказывали влияние и на формирование народной публицистики. Ораторы пользовались образами, поэтической фразеологией, почерпнутыми из революционной поэзии. Выступая в декабре 1905 года на митинге, проходившем на станции Алатырь, крестьянин села Промзино, инвалид русско-японской войны, сказал: «Нынешний император — это кровопийца, он пьет кровь, сосет мозги народа. Это вампир, он проливает реки человеческой крови. Я сам калека и то пришел соединиться с рабочими, чтобы сбросить с себя оковы». Совершенно очевидно влияние «Рабочей марсельезы» на политическую мысль и на характер выступления оратора.

[33] Ерофеев П. К. «Мои воспоминания о 1905 годе». ГАУО, ф. 589, оп. 2, д. 9, лл. 48—61. В «Воспоминаниях» названы любимые песни, исполнявшиеся в 1906 году в Симбирской тюрьме политическими заключенными: «Марсельеза», «Похоронный марш», «Дружно, товарищи, в ногу», «Варшавянка». В тюрьме проходили своеобразные импровизированные вечера революционной песни.

Приведу еще одно интересное свидетельство. В «Симбирской народной газете» от 11 января 1906 года напечатан очерк: «Жизнь в тюрьме. Посвящается моей дорогой матери Х. А.». Автор очерка скрыл свое имя под псевдонимом «Заключенный рабочий». Вот что он рассказывает о революционной песне: «Мрачное утро. В тюрьме от накоптевших грязных стекол полумрак... Прогулка... Завтрак... По окончании завтрака затягиваем революционную песню, стройные звуки которой раскатываются по камерам и коридорам. Товарищи, сидящие по другим камерам, подтягивают и тогда мощные звуки свободной песни раздаются по всей тюрьме. Вбегают надзиратели: «Петь запрещено, в карцер посажу!» — на что мы отвечаем свистками и криками: «Палачи!».

[34] Там же, л. 59—61.

[35] П. П. Евдокимов. «За землю, за волю», «Ульяновская правда», 1959, 24 ноября. В статье рассказывается о революционных событиях 1905—1909 гг. в Судосееве. В статье К. Васильева «Создатель крестьянской оперы в опале» («Ульяновская правда», 1960, 10 февраля) содержатся данные о жизни и деятельности В. М. Серовой в Судосееве в эти же годы. Приехав в голодный 1891 г. в село, чтобы помочь голодающим, Серова осталась в Судосееве, где жила до 1908 года. Она создала крестьянскую оперу. В самом селе ставилась в отрывках опера «Князь Игорь», а в 1900 году в Пензе Судосеевская оперная группа исполнила оперу «Рогнеда». Деятельностью Серовой заинтересовался департамент полиции и в 1908 году ей было предложено покинуть с. Судосеево.

[36] «О поранении учителя с. Судосеева, Карсунского уезда, Петра Антонова (бывшего агента уездного исправника)». ГАУО, ф. 76, оп. 6, д. 261, л. 7, 11 сентября 1907 г.

[37] «По запросам департамента полиции и начальников о разных лицах». ГАУО, ф. 855, оп. 1, д. 601, л. 395.

«Песня крестьянам» подписана инициалами: В. З.

Почти идентичный текст этого произведений, но под названием «За дело свободы» опубликован в газете «Наши дни», 1907, 18 марта, № 2, за подписью Михаила Бродяги.

[38] Записана в 1955 году в с. Кезьмино Астрадамовского района студенткой литфака Ульяновского пединститута Феоктистовой Е. Р. от Белоусова П. Г., рабочего фабрики.

[39] Записана в 1964 году студенткой литфака Ульяновского пединститута Ивановой Л. от Ф. А. Макарова.

Несколько слов о стихотворении «Карсун», текст которого поступил к нам от тов. Курдюмова. Это — сатира, созданная в 1905—1906 гг. одним из местных сатириков (возможно, Н. В. Власовым). Под сатирическим пером поэта проходит вереница карсунских воротил: председатель городской управы, член окружного суда, «бич Карсуна — мерзавец Сборщиков» и др. Здесь и взяточники, и преступники. Сатира «Карсун» написана под прямым воздействием «Губернской фотографии» Д. Д. Минаева, известной в многочисленных списках по всему краю с 1861—1862 гг.

ПРОВОЗВЕСТНИЦА НАШИХ ДНЕЙ

[1] Сб. «1905 год в Симбирске». Ульяновск, 1925, стр. 55.

[2] «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», ч. 1, Приволжское книжное издательство, 1964, стр. 132.

[3] «Наши дни», 28 апреля, № 11, 1907. «Обращение» было напечатано также 9 мая 1907, в № 14.

[4] «Симбирская народная газета», № 8, 11 января, 1906. См. также — П. Бейсов. Горький и Симбирск. «Ученые записки» УГПИ, т. XV, вып. 1, 1959, стр. 142, 144—145.

[5] «Наши дни», № 2, 18 марта 1907.

[6] Там же, № 14, 9 мая 1907. Статья «По поводу очередного съезда» (№ 2) подписана: — Н. П.; статья «Взаимное страхование» подписана: — П-вич.

Г. Н. Федоров и Г. А. Сазонтов в статье «Андрей Симбирский» («Ульяновская правда», 1964 от 14 мая) назвали автором статьи «Взаимное страхование» Н. П. Брюханова. Г. Н. Федоров считает, что автором статьи «По поводу очередного съезда» также был Н. П. Брюханов.

В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова, указано (т. II, 1957, стр. 350), что Н. П. Брюханов выступал в «Наших днях» под псевдонимами: Павлов Н; Павлович Н. Они близки к псевдонимам интересующих нас статей.

[7] Там же, № 11, 28 апреля 1907.

[8] Большевистская периодическая печать (1900—1917). М., 1964, стр. 84.

[9] «Наши дни», № 14, 9 мая.

[10] «Наши дни», № 8, 14 апреля.

[11] «Наши дни», № 11, 28 апреля.

[12] «Наши дни», № 14, 9 мая.

[13] М. Горький. Собрание сочинений. М., Гослитиздат, 1953, т. 23, стр. 385. Из статьи Горького о «Журнале для всех», напечатанной в «Нижегородском листке» в 1898 г. Об этом журнале

см. «Историю русской литературы», изд. АН СССР, т. X, 1954, стр. 101—103.

[14] Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России. Сборник материалов под редакцией Е. Д. Стасовой, М., 1956, стр. 73.

[15] «Наши дни», № 8, 14 апреля, стр. 4.

[16] Там же, № 14, 9 мая, стр. 4.

[17] Из истории нелегальных библиотек..., цит. изд., стр. 71.

[18] «Наши дни», № 2, 18 марта.

[19] Там же, № 6, 7 апреля.

[20] Там же, № 11, 28 апреля.

[21] Там же, стр. 2.

[22] Сб. «1905 год.», М—Куйбышев, 1935, стр. 79.

[23] Изгнанник. Песни предрассветных сумерек. — Спб., 1906, стр. 17. В 1917 году в Симбирске была издана книжка: «Из песен Изгнанника. Песни войны». Изгнанник печатался также в «Студенческом сборнике» (Симбирск).

«ТО КРИЧИТ ПРОРОК ПОБЕДЫ...»

[1] Подробнее о связи Горького с Симбирском см.—П. Бейсов, Горький и Симбирск, «Ученые записки» Ульяновского педагогического института им. И. Н. Ульянова, 1959, т. XV, в. 1, стр. 135—182, а также ст. Н. С. Чупахина «А. М. Горький — публицист и фельетонист «Самарской газеты», в сб. «Советские писатели и Среднее Повольжье», под ред. проф. Я. А. Ротковича. Куйбышев, 1959 стр. 9; М. Горький, Самарские рассказы, Куйбышевское издательство, 1938.

[2] «Самарская газета», 1895, № 205.

[3] «Симбирские вести», 1906, 2 июня, № 119, стр. 3.

[4] «Самарская газета», 1901, 18 мая, № 105.

[5] ГАУО, ф. 32с/855, д. 241, лл. 180—181. Кстати, нужно сказать, что в подражание этим горьковским песням возникло произведение, которое распространялось в 1904 году в Сызрани, среди учеников реального училища, под названием «Баллада Горького «Разрушенный мол».

[6] Цит. по кн. Л. Фарбера «А. М. Горький в Нижнем Новгороде», Горьковское издательство, 1957, стр. 143.

[7] «Симбирские вести», 1906, № 12 (перепечатано из «Самарской газеты», № 242).

[8] И. В. Гребенников. Скиталец в Нижнем Новгороде. «Ученые записки» Горьковского пединститута, серия филологическая, в. 42, 1963, стр. 67.

[9] Горький. Собрание сочинений, т. V, стр. 314.

[10] Литературный кружок в Сенгилее. «Волжские вести», 1910, 11 ноября, № 483, стр. 4.

[11] «Вестник», 1910, № 1, стр. 21. Автор рецензии — Сергей Гаврилов.

ПЕСНИ ГУСЛЯРА

[1] Более обстоятельную биографию писателя см.—П. Бейсов, «Скиталец (Петров)», послесловие к роману Скитальца «Дом Черновых», Ульяновское книжное издательство, 1960, стр. 466—490;

его же — «Первая демонстрация в Симбирске и Скиталец». «Ульяновская правда», 1955, 16 октября, № 206.

[2] В библиотеке им. И. А. Гончарова было трехтомное собрание сочинений Скитальца, вышедшее в 1910 году. В библиотеку оно поступило в 1910—1911 гг.

[3] «Записки Н. Н. Ильина», глава «Скиталец» из собрания материалов автора настоящих очерков.

[4] Н. Телешов. Записки писателя. М., 1948, стр. 41.

[5] «Гусляр» был опубликован в 1902 году в «Курьере» (№ 341), основной текст приведен в издании 1919 года. Полный текст опубликован как приложение к статье П. Бейсова «Заметки о Скитальце», «Ученые записки» УГПИ, 1955, в. 7, стр. 228—230, по списку Г. Г. Петрова, брата Скитальца.

[6] «Революционная поэзия», цитир. издание, стр. 536, здесь же — «Кузнец», стр. 534.

[7] В. Рябиков (Младенец Старший). Годы первой революции в Симбирске (Воспоминания), помещенные в сб. «1905 год», Куйбышевское краевое издание, 1935, стр. 67. Но есть другое описание вечера Скитальца. Л. Ильинский в книге «Симбирская группа РСДРП. Сборник материалов по истории Симбирской организации РСДРП и революционного движения в Симбирской губернии» (Симбирск, 1923), в главе «Первая демонстрация в Симбирске» утверждает, что вечер был проведен 2 мая 1905 года в пользу нуждающегося студенчества. После выступления Скитальца к эстраде подошла группа студентов. От их имени студент Поляков обратился к публике с предложением спеть «Марсельезу». Часть публики шарахнулась к выходу, а оставшиеся спели «Марсельезу» и «Варшавянку». После чего выступил В. Рябиков и начал излагать программу социал-демократов. Но явилась полиция, публика начала расходиться, а «зачинщики» ушли через черные двери (стр. 21). В. Рябиков, однако, настойчиво и в других своих выступлениях говорит о том, что вечер Скитальца завершился демонстрацией.

[8] Песни Скитальца. М., 1919, стр. 43. О распространении указанного стихотворения в с. Лукино мне сообщил Г. Г. Петров, брат поэта. Он учительствовал в Лукинской школе, разучивал с учениками это стихотворение, подыгрывая им на скрипке.

[9] Прокламации Симбирской организации РСДРП. Ульяновск, 1951, стр. 99.

ПЕСНИ МИХАИЛА БРОДЯГИ

[1] И. Ф. Массанов. Словарь псевдонимов. Т. 1, М., 1956, стр. 169. Б. Д. Федоров — пенсионер, офицер запаса, проживающий в г. Иванове, занимается собиранием материалов и документов о Михаиле Николаевиче Чикунове. В его распоряжении имеется тетрадь Чикунова, с несколькими ранними его произведениями. Остальные тетради с произведениями, представляющими историко-литературный интерес, погибли. (Из письма Б. Д. Федорова автору настоящих очерков).

[2] Михаил Бродяга. Аккорды бессильной злобы. Симбирск, типография А. М. Колосова, 1907, стр. 4.

[3] Там же, стр. 5—14.

[4] Там же, стр. 9.

[5] Там же, стр. 8—9.

[6] Там же, стр. 21.

[7] Там же, стр. 27.

[1] Моя автобиография, 1924, ГАУО, ф. Р-2928, л. 3 — из личного архива Т. Ф. Аверьянова.

Сохранились некоторые материалы, характеризующие революционную деятельность Т. Ф. Аверьянова в 1907 году:

а) Телеграмма от 24 марта 1907 года в «Симбирские вести»: «Желаем успехов в проведении новых реформ об улучшении положения исстрадавшегося народа. Просим добиваться народу «Земли и воли». Подписались 32 человека. При полицейском расследовании выяснилось, что Аверьянов пришел на крестьянский сход д. Степной Дурасовки с готовым текстом телеграммы и пригласил крестьян подписаться. Там же, оп. 1, д. 2, л. 4.

б) От земского начальника губернатору, 23 октября 1907 г.: «Некоторые сельские общества Беклемишевской волости под влиянием преступной агитации крестьянина дер. Степной Дурасовки Тимофея Федоровича Аверьянова осенью сего года не давали должностным лицам составлять описи имущества неплательщиков... Революционная деятельность крестьянина Аверьянова ложится тяжелым бременем на правильное течение общественной жизни в селениях, близко находящихся к Степной Дурасовке. Гласного дознания по сему не представляется возможным». (Там же, л. 5).

в) Представление земского уездного начальника Симбирскому губернатору 24 октября 1907 года: «У Тимофея Аверьянова имеются произведения революционного содержания». (Там же, л. 2).

[2] Аверьянов Т. Ф. Мое знакомство с народным писателем Петровым Степаном Гавриловичем (Скитальцем). Рукопись, 11 декабря 1953, л. 1 — из собрания материалов автора настоящей книги Скиталец действительно с большим расположением относился к поэту-самоучке. В указанной нами автобиографии Аверьянов написал: «Скиталец был моим искренним другом» (л. 5). В письме Васина к Аверьянову от 21 сентября 1935 года читаем: «На днях в Ульяновске был Ваш друг Скиталец»; архив Аверьянова, оп. 1, д. 73.

В записке «Мое знакомство с Петровым (Скитальцем)» сообщается об одном факте, характеризующем отношение Скитальца к поэту-самоучке и вместе с тем политическое настроение Скитальца тех лет. В ноябре 1918 года Аверьянов вместе с сыном Николаем вступили в ряды Красной Армии для борьбы против Дутова. Одновременно Тимофей Федорович вступил в партию. Аверьянов часто бывал в доме Скитальца («часто захаживал»), между ними шли разговоры о политике, литературе, Горьком. Естественно, что Аверьянов рассказал Скитальцу и о своем добровольном уходе в армию, и о вступлении в партию. Аверьянов описывает, как реагировал на этот рассказ Скиталец: «Степан Гаврилович после весьма торжественно даже воскликнул так: «Да, Тимофей Федорович, если бы в партию вступали такими, каким я Вас хорошо знаю так давно, то, пожалуй, и я не против того был бы, чтобы вступить в партию большевиков. Я весьма хвалю и завидую Вам за Ваш подвиг!» Степан Гаврилович удалился в свой рабочий кабинет, а из кабинета вынес кабинетную фотокарточку свою и вручил мне с теми словами, что написа-

ны на ней: «Дарю на память одному из русских лучших людей — Тимофею Федоровичу Аверьянову. Скиталец, 1918, ноябрь» (Там же, л. 4), Т. Ф. Аверьянов откликнулся на этот подарок стихотворением «Утро весны. К новой жизни, Посвящаю Скитальцу, 1917». Оно было напечатано в симбирской газете «Жизнь» в 1918 г.

Увеличенный портрет с кабинетной фотографии Скитальца с приведенной его надписью Т. Ф. Аверьянов в 1953 году передал в Ульяновский Дворец книги.

[3] Аверьянов Т. Ф. «Об отношении Скитальца к Горькому». Рукопись от 29 октября 1954, лл. 2—3. Из собрания материалов П. С. Бейсова.

[4] Подробнее о газете «Жизнь» см. П. Бейсов, Горький и Симбирск. «Ученые записки» Ульяновского педагогического института, т. XV, в. 1, 1959, стр. 166—172.

Его же. Заметки о Горьком. Письмо Симбирской газеты «Жизнь», — «Волга», 1957, № 18, стр 239—243.

[5] Н. Н. Ильин, издатель-редактор газеты «Жизнь», писал 27 июня 1915 г. Аверьянову в Новгород: «Я сейчас составляю «Солдатские письма». Очень интересно. Скиталец одобрил. Нужно будет уже издавать первый выпуск». Архив Аверьянова, оп. 1, д. 56.

В сентябре того же года Ильин спрашивал Аверьянова: «Захватили ли «Солдатские письма»? Читали свои мысли? Я их озаглавил — «Мысли крестьянина на каждый день»; там же, письмо от 19 сент. 1915 г. Судя по этой записи, готовилось новое издание.

[6] Полное название сборника стихов такое: «Стрелы, Вольные революционные песни Путника. 1911—1925 гг.»; Там же, оп. 1, д. 14. В сборник вошли стихи: «Путник» (1911), «Посвящение» (1911), «Путь к счастью» (1912), «Трудящемуся народу» (1913), «Предисловие к марсельезе» (1915), «Врагам народа» (1916). «Тюремные мечты революционера» (1915—1916), «На приезд в Россию В. И. Ленина» (1917), «Солнце революции» (1917), «Сподвижники революции» (1919), «Народу труда» (1922) и другие. В биографической справке «Тимофей Федорович Аверьянов», написанной П-ским для сборника стихов, дана оценка стихам Аверьянова: «...все они отличаются неподдельным чувством и большим революционным подъемом. Во всех них сквозит горячая любовь к трудящимся и кипучая, непримиримая ненависть ко всем поработителям и угнетателям» (там же, оп. 1, д. 2, л. 2).

Н. Н. Ильин также положительно оценивал подготовленный сборник: «Читая его (Аверьянова. — П. Б.) стихи, чувствуешь живое биение искреннего человека, болеющего за рабочего... Он более искренне выразил свою душу, мятущуюся в прошлом, рвущий цепи рабства, весь в огне мятежа, весь оригинальной, еще не устоявшейся мысли о будущем пролетарском мире» (там же, оп. 1, д. 3). Рукопись сборника была направлена автором в газету «Пролетарский путь», которая в октябре 1925 г. напечатала статью Ф. Подвальского под названием: «Рабочее творчество. Стрелы. Революционные песни Путника». Рецензент писал: «Путник, когда-то, еще до революции, печатался кое-где в газетах. Тогда его песни, может быть, были революционны по содержанию и удовлетворительны по технике. Теперь его песни устарели». (там же, оп. 1, д. 43, № 34).

[7] Сб. «Стрелы...», л. 2.

[8] Там же, л. 12—13. Есть отдельный список этого стихотворения (оп. 1, д. 123) под названием «Мечты в тюрьме».

[9] Библиографии напечатанных произведений Т. Ф. Аверьянова еще нет. Назову известные мне произведения, появившиеся в печати:

1. «О крушении потолка в Таврическом дворце». «Волжские вести». 1906 г. Статья была перепечатана другими газетами. Автор отсидел за нее 7 суток под арестом.

2. «К труженикам жизни», стих. 1912, в сб. стихов книгоиздательства «Жизнь», Москва.

3. «Голодным и холодным (из песен рабочего)», 1912, в сб. «Капля жизни», Симбирск, изд. Н. Ильина.

4. «К рабочему» («Век согнувшись за работой»), а также стихотворение «А счастья нет...» в сб. стихов и прозы «Иммортели», изданном книгоиздат. «Жизнь», М., 1913.

5. «Мечта», стих. в сб. «Солдатские письма», Карсун, 1915.

6. «Утро весны» (к новой жизни. Посвящаю Скитальцу — С. Г. Петрову, 1917), стих. в газете «Жизнь», Симбирск, 1918.

7. «Народу труда», стих., газ. «Заря», Симбирск, 1920, 8 авг.

8. «Склоним знамена пред памятью павших», стих., «Пролетарский путь», 1925, октябрь.

9. «Незабываемые дни», воспоминания, в сб. «Борьба за власть Советов», Ульяновск, 1956.

10. Рассказ участника первой русской революции Т. Ф. Аверьянова. Революционные выступления крестьян в 1905 г. в Карсунском уезде (в Степной Дурасовке), «Ульяновская правда», 14 декабря 1855 г.

11. Воспоминания Т. Ф. Аверьянова. Наш первомай. Там же, 4 мая 1957 г.

Это далеко не полный список статей и воспоминаний Т. Ф. Аверьянова. В «Моей автобиографии» сказано о том, что в газете «Волжские вести» (1906—1908) напечатаны под псевдонимом его статьи и заметки: о земском начальнике Бурском, о волостном старшине Кирюхине, об уряднике Стожарове. Напомню и о том, что Т. Ф. Аверьянов был членом редколлегии симбирской литературной газеты «Жизнь». С. Храмцов в статье «Встречи в редакции» («Ульяновская правда», 3 ноября 1957 г.) называет Т. Ф. Аверьянова «одним из старейших рабкоров «Зари». Для этого, надо полагать, у него были основания. Кроме этого, Аверьянов печатался в симбирских «Известиях», в «Экономическом пути» и в «Пролетарском пути». В 1918 году Т. Ф. Аверьянов был инструктором Дома народного творчества, возглавляемого Н. Н. Ильиным. Другими словами, Т. Ф. Аверьянов был деятельным журналистом.

Несколько дополнительных биографических данных об Аверьянове Т. Ф.:

а) 30 марта 1956 года в «Ульяновской правде» напечатано сообщение «О награждении орденами СССР активных участников революции 1905—1907 гг.». В числе награжденных — Аверьянов Тимофей Федорович, удостоенный ордена Трудового Красного Знамени.

б) В «Ульяновской правде» от 1 апреля 1956 г. помещены фотографии ветеранов революции — среди них Т. Ф. Аверьянов.

в) Умер Аверьянов Т. Ф. 11 февраля 1958 г.

[1] К. А. Селиванов. Русские писатели в Самаре и Самарской губернии, Куйбышев, 1953, стр. 118—128. Его же, Замечательные места Ульяновской области. Ульяновск, 1946, стр. 79—84.

[2] «Воспоминания о А. С. Неверове» А. И. Свидерского, 20 декабря 1938 г., рукопись. Из собрания материалов автора настоящих очерков.

[3] Для характеристики жизни А. С. Неверова в Камышевке мы пользуемся записью воспоминаний крестьян этой деревни: Н. А. Майорова, Ф. С. Бойко, Г. М. Сергеева. Запись сделана в марте 1938 года учителем школы этого села П. Т. Липатовым. Его рукопись «Неверов в Камышевке» хранится в собрании наших материалов. П. Липатов частично опубликовал эти записи в «Волжской коммуне» от 24 декабря 1938 г.

Важно отметить, что люди, близко знавшие писателя, в один голос отмечают близость Неверова к мужицкой жизни. Особенно полно об этом говорит Г. М. Сергеев: «Бывало Александр Сергеевич все время среди нас, мужиков, возился. Спрашивает бывало: «Ну, как живешь? Что снится — и про то спросит. Ходил с нами и на сходки; уйдет, бывало, на пашню к мужикам. Везде все наблюдал. Уж кому-кому, а мне-то он больше всех читал, что писал. И вот видишь, что все это он из наблюдения берет, а не из головы». Г. М. Сергеев рассказывает о том, какое событие легло в основу рассказа «Под корешок». (л. 11). Ф. С. Бойко передал содержание рассказа, прочитанного мужикам в 1910—1911 гг. самим Неверовым. Название рассказа он забыл, но содержание помнит хорошо. «Когда он нам его читал, мы чуть не плакали», — говорит Ф. С Бойко, Речь идет о рассказе «Егорка родился» (1911). (л. 9). Судя по воспоминаниям, А. С. Неверов читал камышевским крестьянам также «Горе залили» и «Под песнь вьюги».

Неверов давал крестьянам читать какую-то пропагандистскую сказку о четырех братьях, живших в лесу, а затем говорил читателям этой сказки: «Надо жить без помещиков. Надо всем пользоваться только тому, кто работает. Мы работаем, а доход получает кто-то, так не должно быть: сто человек работают, а один пользуется». (Рассказ Майорова Н. А, л. 7).

Запомнился им также текст любимой песни А. С. Неверова «Жгуч мороз трескучий». Песню пели вместе, Неверов и его, друзья-мужики. Вызывали А. Неверова для объяснения: «Против бога песню пели» (лл. 7—8).

[4] Избранные произведения А. С. Неверова. М., ГИХЛ, 1958, стр. 20.

[5] Там же, стр. 37.

[6] «Неверов о Камышевке», рукопись, л. 10. Прозвище Силантьева в Камышевке было не Арефа, а Мума.

[7] А. С. Неверов. Собрание сочинений. Т. IV, Статьи и письма. Куйбышев, 1958.

[8] Там же, т. 1, стр. 362. Материалы о переписке Горького с Неверовым в 1915 году сведены на стр. 361—362.

[9] Д. М. Семеновский. А. М. Горький. Письма и очерки. М., 1938, стр. 59,

[10] Краткая справка о П. Яровом — в кн. К. А. Селиванова, «Русские писатели в Самаре и Самарской губернии». Куйбышев, 1953, стр. 147—148.

[11] П. Яровой. Человек-художник. (Воспоминания о Неверове). «Волжская новь», 1940, кн. 10, стр. 254.

[12] П. Яровой. Сквозь строй. «Рабочий журнал», 1925, № 3, стр. 98.

[13] П. Яровой. Человек-художник, стр. 253—254.

АРЕСТОВАННАЯ КНИГА

[1] ГАУО, ф. 76, оп. 85, д. 46, лл. 1—5.

[2] Там же, л. 3.

[3] Б. Карамзин. Стихи под арестом. «В мире книг», 1962, № 12, стр. 42.

Псевдоним М. Н. Ананьева раскрыт в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова, т. III, 1958, стр. 140.

М. Н. Ананьев родился в 1877 году; фамильное имение Ананьевых — село Стоговка (Майнского района), отсюда и псевдоним.

[4] К. Селиванов. И. Н. Ульянов в Майнском районе. «Ульяновская правда» от 5 января 1945 г.

[5] Дело по обвинению купеческого сына Николая Ананьева квалифицировано по признакам преступления, предусмотренного 129 статьей Уголовного Уложения, ГАУО, ф. 895, д. 606.

[6] Михаил Стоговский, Басни, сказки, пародии, стихотворения. Издание Михаила Ананьева, Симбирск, 1907, стр. 4.

[7] Архив А. Н. Степанова, ГАУО, ф. 253, оп. 1, д. 352, л. 1.

[8] Михаил Стоговский. Стихотворение «Донцы (по Пушкину)» напечатано в газете «Симбирские вести», 1906, № 97.

[9] Михаил Стоговский. Басни, сказки..., стр. 63.

[10] Там же, стр. 21.

[11] Там же, стр. 36.

[12] Там же, стр. 47.

[13] Там же, стр. 16.

[14] Там же, стр. 48.

[15] «Собрание Симбирской фракции «Союза 17 октября», 2 февраля», «Симбирские вести, 1906 г., 5 февраля, № 32; «К обществу людей порядка и законности»,, там же, стр. 2; «Письмо в редакцию» А. Годнева (устроителя «собрания», как ответ на корреспонденцию) — там же, № 35; «Письмо в редакцию» В. Владиславлева — одного из участников собрания, там же, № 37.

[16] Михаил Стоговский. Басни, сказки..., стр. 64—65.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ЮНОШЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

[1] Прокламации Симбирской организации РСДРП, цит. изд., стр. 33.

В «Наших днях» были напечатаны статьи: Изгнанника «Реакция и школа» (1907 г. от 18 апреля, № 9); Е. К. «От преступления к преступлению» (1907 г. от 28 апреля, № 11). О статье Изгнанника сказано в главке «Провозвестница наших дней». В статье Е. К. идет речь о «департаменте затемнения», — так газета, исполь-

зуя выражение Салтыкова-Щедрина, называет министерство просвещения. «Для правительства необходима кастрация духовных сил молодежи... Школа, которая способствовала бы гармоническому развитию здоровья, чувств, ума и воли, одним словом, цельной личности, страшна для реакционеров», — говорится в статье. «Наши дни» призывают все слои общества протестовать против такого воспитания и добиваться того, чтобы школы «воспитывали не автоматов, а здоровых граждан страны».

[2] Там же, стр. 68—69.

[3] «Симбирские вести», 1906, 21 января, № 17; 18 февраля, № 52.

[4] «Симбирская народная газета», 1906, 14 января, № 11.

[5] ГАУО, ф. 32, д. 235, лл. 4—5.

[6] Там же, ф. 855, оп. 1, д. 601, л. 250.

[7] Там же, ф. 76, д. 56 «Переписка с начальниками военного ведомства о командировании в Симбирскую губернию воинских команд по случаю беспорядков», (27 окт. 1905 г. — 31 дек. 1905 г.), л. 129. В жандармском обзоре политического состояния Симбирской губернии за 1905 год говорится о том, что в этом году «население губернии смело работало на почве, враждебной для существующего государственного строя. Особенно отличались Земства, некоторые из горожан, учащаяся молодежь, железнодорожные служащие и многие из крестьян». — В. Ягодкин. Октябрь на Родине Ленина, Самара, 1932, стр. 10.

[8] Государственная дума. Четвертый созыв, сессия 1-я, заседание 55-е, 27 мая 1913 г. Стенографический отчет, стр. 357, 371. Выступление Пуришкевича связано с обсуждением сметы народного образования. В своем выступлении он излагает основные положения своей книги. Пуришкевич подробно останавливается на том, как в школьных пособиях по литературе освещаются вопросы: о боге, царе, о сословиях, о русском купечестве. В связи с этим говорится о произведениях Горького, Чехова, Короленко и других прогрессивных писателей, в которых «поется гимн свободе», «прямой призыв к революции» (стр. 350).

[9] С. Райский. Колыхнулось болото стоячее (Письмо из Симбирска). «Образование», 1903, № 3, стр. 18.

[10] В. Рябиков (Младенец старший). Симбирские большевики, 1903—1906 гг. Сб. «1905 год в Симбирске», издание Испартотдела Губкома РКП(б), 1925, стр. 4, примечание.

[11] Очерк деятельности Симбирской «Соединенной группы...» дается на основании материалов журнала «Вперед» и «Отчета Комитета Соединенной группы учащихся средних учебных заведений г. Симбирска», напечатанного в № 4 этого журнала. ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 181, 1905—1906 гг. Группа существовала до 30 апреля 1907 г.

Приведу некоторые данные, характеризующие работу Симбирского Комитета «Соединенной группы». В Комитет входило 9 членов и редактор журнала «Вперед». Имелась своя библиотека, в которой было 329 названий книг, из них 50 нелегальных. Было издано: «Вперед» № 1 — 100 экз., № 2 — 150 экз., № 3 — 200 экз.; прокламация «К обществу» — 400 экз. В 1904—1905 гг. кружок гимназистов и семинаристов издавал журнал «Зарницы», вышло — 7 номеров. В начале 1906 года был издан литературный сборник «Зарницы» (20 экз.) — на основе последнего (седьмого) номера журнала «Зарницы». Ни журнала, ни сборника нам обнаружить не уда-

лось. Однако можно смело сказать, что их политическое направление соответствовало направлению журнала «Вперед».

[12] «Вперед», 23 февраля (8 марта) 1905 г., № 9.

[13] Н. А. Константинов. Из истории организации учащихся средних учебных заведений в г. Казани (1905—1909). «Советская педагогика», 1946, № 10—11, стр. 73—81.

[14] Н. Ф. Калинин. Казань, Исторический очерк. Таткнигоиздат, 1955, стр. 144—150. Осенью 1906 года был вновь создан «Революционный союз учащихся средних учебных заведений», работой которого также руководил Казанский Комитет РСДРП (стр. 150).

[15] З. П. Соловьев. Памяти друга пионеров. Изд. «Молодая гвардия». 1930, стр. 15. Д. И. Ульянов приехал в Симбирск в начале апреля 1905 г. З. П. Соловьев — земский врач. По словам В. Рябикова, «Зиновий Соловьев вместе с Дмитрием Ульяновым выступали на особо серьезных собраниях и митингах». «1905 год в Симбирске», 1925, стр. 24.

[16] ПАУО, ф. 57, д. 177, л. 2. В архиве имеется только первый номер «Искорок», датированный августом 1904 г. Издавался этот журнал в Казани, на гектографе. По-видимому, этот номер журнала был привезен из Казани делегатом Симбирской группы.

[17] Там же, л. 27. У Н. Д. Телешова был цикл рассказов — «Переселенцы». В 1903 году в издательстве «Знание» вышел сборник рассказов Н. Телешова, в котором были напечатаны рассказы о переселенцах: «Самоходы», «С богом», «Нужда», «Домой». О них и говорится в «Искорках».

[18] Там же, л. 43. Стихотворение приводится без названия. Разночтений с общепринятым текстом нет. Есть только одно отступление: в четвертом стихе вместо «мутно и темно» сказано «низко и темно».

[19] Там же, л. 3.

[20] Там же, л. 19. Прислано из Казани; автор — Гамма.

[21] Там же, л. 51. Речь идет о гектографированном издании.

К этой же группе фактов, связанных с соратниками Горького, необходимо отнести и рисунок Репина «Босяк», воспроизведенный во всю страницу «Искорок» (л. 37), с указанием названия картины, имени художника и даты создания. Рисунок сделан Репиным в 1902 году, под впечатлением постановки пьесы Горького «На дне». Рисунок получил признание и распространение как набросок одного из независимых и гордых героев горьковской пьесы.

[22] «Вперед», № 3, ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 181, л. 16.

[23] В журнале «Вперед» № 3, датированном 15 января 1906 г., в статье «Реакция» есть такое сообщение: «У рабочего .....а 21 декабря 1905 года во время обыска забрали прокламации, хотели забрать «Новую жизнь», заявляя, что «некоторые №№ изъяты из обращения» (там же, л. 8). Это очень важное свидетельство того, что большевистская газета «Новая жизнь», названная В. И. Лениным «фактическим центральным органом партии», была известна симбирским рабочим и учащимся. У рабочего был комплект этой газеты, выходившей с 27 октября по 3 декабря 1905 г. В газете была напечатана статья В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», а также «Заметки о мещанстве» и «По поводу» Горького.

[24] «Вперед», № 4, там же, л. 6.

[25] Там же, л. 14.

[26] Там же, лл. 14 об. — 15 об.

[27] Архив А. Н. Степанова, учителя Симбирской мужской гимназии, ГАУО, оп. 1, д. 193. Характеристика Степанова дана на основе материалов этого архива.

Отец Степанова, Н. М. Степанов, был учителем И. Н. Ульянова, а также его сыновей — Александра и Владимира.

[28] Там же, д. 334, лл. 4—5.

[29] «Юная жизнь», № 1. Еженедельный журнал. Редактор-издатель В. Марков, д. 193, лл. 5—6. Мне известен только первый номер этого журнала.

[30] ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 158.

[31] Там же, д. 183; на 7 страницах, тираж и дата не указаны; «Посвящается казненным».

[32] В 1910—1911 гг. в Симбирске выходили две литературных газеты: «Литературная газета «Жизнь». Интимные беседы. Газета самостоятельного народного творчества» (1910—1911) и «Литературно-научная газета «Вестник» (журнал). О газете «Жизнь» сказано в главе «Вольные песни Путника». Газета «Вестник» названа впервые. Несколько слов о ней.

«Вестник» выходил с 1 октября по 15 ноября 1910 года; всего вышло четыре номера. Это была газета-журнал с отделами: литературный, литературные новости, критика, научный, общественный, хроника. (По России. За границей). Редактор-издатель — Н. А. Попов. «Вестник» — газета прогрессивного направления. В статье А-ра Кина «Черные пятна современности» (№ 1, стр. 40—44) о периоде реакции сказано: «Черна и мрачна современная русская жизнь. Мрак в ней до того сгустился, до того окутал ее всю, что, кажется, уже не осталось и места для просвета. Ночь темная, беспросветная, опустилась на русскую землю... Весь разгул реакции, вся давящая атмосфера современности питается этим безмерным общественным индеферентизмом. Черные пятна русской жизни исчезнут, когда рассеется мрак, питающей их общественной апатии».

В статье Арлекина «Симбирская жизнь» (№ 1, стр. 54) сказано, что в Симбирске — богоспасаемом городке — нет общественной жизни, «общественности днем с огнем не отыщешь».

Первый номер «Вестника открывается стихотворением «Осень». Лейтмотив — в последнем четверостишии:

Ясных дней уж нет в помине,
Нет живительной весны,
Только всюду осень ныне
Веет сумрачные сны!

Политическая подоплека стихотворения «Осень» раскрыта в следующем за ним рассказе «Митрич». Герой рассказа студент за участие в революционном движении сослан, а затем возвращается из Сибири: настала свобода (1905 г.). «Но скоро опять осень настала. Листья облетели, поля обнажились. Свобода, как перелетная птица, улетела в дальние страны. Ненастье настало» (стр. 7). Студент Митрич опять попал в Сибирь. Надо сказать, что выше этих оппозиционных настроений газета «Вестник» не поднималась, но они углублялись положительными отзывами газеты о Горьком, Скитальце.

[33] «Симбирская жизнь», 1911, № 4, от 30 января. Из художественных произведений этих лет назовем книгу стихов Н. Рамзаева

«На Волге у Сенгилея» (Симбирск, 1907), в которой в идиллическом, слащавом тоне описывается Волга, и сборник стихов (1909) карсунского поэта Николая Грена, в котором утверждается бренность и бесполезность жизни.

[34] ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 182. В обращении от редакции сказано, что это конспиративное издание. Издавалось на гектографе.

[35] Там же, л. 2.

[36] Г. Н. Федоров. К истории Симбирской большевистской организации РСДРП. Приволжское книжное издательство, 1964, стр. 36.

[37] «Проблески», ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 182, л. 4.

Не нужно думать, что это высказывание покоится на книжных впечатлениях. Это — протест против общей реакции, вехистской идеологии и против симбирских мракобесов и реакционеров, ополчившихся против интеллигенции. В Симбирске в годы реакции выступали профессора и доценты Казанской и Петербургской духовных семинарий с лекциями: «Банкротство науки», «Бегство от жизни» и др., в которых они поносили Дарвина, утверждали, что все «науки основаны на лжи», «книги — опиум, суррогат жизни»; они призывали молодежь «подражать отцам и дедам, которые читали очень мало», предостерегали от «низкой интеллигенции».

С реакционерами приходилось встречаться молодежи и в школе. «Симбирские вести» (1906, № 135) обнародовали «Мудрые изречения Симбирских педагогов». Среди этих «изречений», взятых из бесед учителей с гимназистами, есть такой перл дремучего мракобеса протоиерея Стернова: «Есть люди, которые по своему развитию стоят ниже лавочников, да что лавочников, ниже дворников, мужиков. Главою их были Бюхер, Ренан, Дарвин, Толстой и другие медноголобые, так называемые интеллигенты... Если встретятся когда-нибудь вам сочинения этих верхоглядов, заглянувших только в подворотню научного двора, — жгите, рвите их; бегите от них, кроме разврата умственного и нравственного они не дадут вам ничего».

Как видим, обращение нелегального молодежного журнала «Проблески» к симбирской молодежи в защиту прогрессивной интеллигенции шло не от книги, а от жизни.

[38] Несколько слов о «Журнале» и «Газете», названных нами в перечне молодежных нелегальных изданий. «Журнал» № 1 датирован 23 января 1906 года (ПАУО, ф. 57-а, оп. 3, д. 3), гектографическое издание на 8 тетрадных страницах, издатель не указан. Содержание: «Друзья народа», «Реакция» и др., стихотворения. Их идейная направленность видна из таких строк:

«Ты вольный человек»,
Ты должен жить свободой,
Так будь орлом...

В 1913 году в Сызрани выходила гектографированная ученическая газета «Жизнь». При обыске в бумагах ученика 7-го класса реального училища Ю. С. Щеглова были захвачены № 1, 2, 3 этой газеты, а также прокламация, начинавшаяся выдержкой из песни: «Смело, товарищи, в ногу, духом окрепнем в борьбе...» ГАУО, ф. 853, оп. 1, д. 1178.

[1] В. Рябиков (Младенец Старший). Симбирские большевики. 1903—1906 гг., в сб. «1905 год в Симбирске», 1928, стр. 11.

[2] «Симбирская народная газета», 1906, № 8.

Симбирский губернатор кн. Яшвиль направил эту статью прокурору Симбирского окружного суда с требованием привлечь редактора к ответственности. Прокурор ответил, что дело может быть возбуждено лишь по заявлению самого епископа. На полях ответа значится карандашная надпись: «Епископ не желает!» (ГАУО, ф. 76, оп. 1, д. 783). Черносотенец, как видно, был напуган выступлениями печати.

[3] ГАУО, ф. 32, д. 439, 1906 г.

[4] ГАУО, ф. 32, д. 719, 1907 г. Письмо было прислано из с. Ильинского Вятской губернии, где учительствовал Н. М. Сивков.

[5] ПАУО, ф. 57, оп. 1, д. 178; гектографированное издание, платное. Подробнее об этом «Письме» см. П. Бейсов. Горький и Симбирск. «Ученые записки», т. XV, в. 1, 1959, стр. 149—152.

[6] Там же, л. 2.

[7] Н. Ф. Калинин. Казань. Исторический очерк. Таткнигоиздат, 1955, стр. 144—150, 156—158.

Л. Б. Муллина. «Волжский листок» в 1905 году.

Р. Ш. Хакимова. Появление татарской периодической печати в Казани, в сб. «Из истории местной периодической печати», изд. Казанского университета, 1960, в. 1-й, стр. 25, 27, 62—63, 65—68.

[8] В 1907 году, после V съезда партии, начальник Самарского жандармского района писал в Симбирское жандармское управление: «Делегат партсъезда (т. е. Н. П. Брюханов. — **П. Б.**), видимо, уцелел. Работа в Симбирске за последнее время поднялась. Насчитывается восемь профессиональных союзов. Техника в Симбирске процветает, так как группа будет печатать листки для других организаций по два рубля с тысячи; **такая дешевизна возможна только** при рациональной подготовке технического дела». Цит. по кн. Г. Н. Федорова «К истории Симбирской большевистской организации РСДРП», 1964, стр. 17.

[9] О деятельности Н. П. Брюханова в Симбирске см. «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», 1964, стр. 132—137.

[10] Студенческий сборник, Симбирск, 1907, стр. 6.

[11] Там же, стр. 12.

[12] **Б. С.** Таблица умножения (эскиз), там же, стр. 117.

[13] Там же, стр. 122—123.

С 21 по 24 октября 1905 года в Казани шли дикие погромы. Черносотенцы избивали студенчество, истязали беззащитных людей. В еврейских погромах, организуемых черносотенцами, принимали участие и несознательные рабочие, подстрекаемые провокаторами. Трагизм этого и выражен в произведении И. Григорьева «Черные».

[14] Там же, стр. 136.

[15] Там же, стр. 173. В основе рассказа Изгнанника лежит действительный факт, связанный с подпольной типографской деятельностью симбирских большевиков. В. Рябиков в воспоминаниях «Симбирские большевики. 1903—1906 гг.» сообщает о том, что «бостонка» была получена в начале 1906 года В главе «Провал

типографии» рассказывается, что техникой заведовал бывший мелекесский учитель Алексей Агафонов с якобы своей женой курсисткой Рождественской (кличка «Пасха»). Но причина провала типографии другая, нежели в рассказе: подозрительная хозяйка пришла за советом к дьякону, боясь «как бы не взорвался ее дом» от устрашающих ночных стуков (ночью стучала бостонка). Сын дьякона, семинарист, сообщил об этом в комитет с.-р. Пришлось технику спасать. «Супруги» иммитировали развод. («1905 год в Симбирске», 1925, стр. 48).

Этот эпизод и взят в основу рассказа «Он вернулся», а «супруги» Агафоновы — прототипы его героев.

[16] «Студенческий сборник», стр. 99—100.

[17] Там же, стр. 22.

[18] Сб. «Революционная поэзия» (1890—1912), цит. изд., стр. 97. Песня написана А. Богдановым в начале XX века. Распространялась в списках, листовках, распевалась на мотив «Марсельезы».

СЫЗРАНСКИЙ МАРТИРОЛОГ ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Горький. Собр. соч., т. 29, стр. 239.

[2] Об Аркадьеве см. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии, в сб. «Двадцатипятилетие Саратовской ученой архивной комиссии», Саратов, 1911, стр. 3.

[3] Дело о конфискации отпечатанных в типографии «Печать»: 1) Брошюры «Запрещенная литература: книги, брошюры, газеты и журналы, арестованные в 1911 году»; 2) «Библиографического ежемесячного листка», изданного Е. И. Аркадьевым, ГАУО, ф. 66, (Канцелярия Симбирского губернатора), оп. 1, д. 1030, 1 июля 1912—17 декабря 1912; л. 2.

[4] «Русское слово», 1912, 14 июля.

В деле сказано, что «на квартире издателя, отставного подполковника, найдено 19 экземпляров «Библиографического ежемесячного листка», с № 1 по 5» (л. 3). Всего было арестовано в типографии, на железной дороге и в квартире издателя 564 экземпляра, из них 535 были отправлены в Москву.

[5] Дело о конфискации..., л. 3.

[6] Брошюра Е. Аркадьева названа в «Библиографическом ежегоднике. Систематический указатель литературы за 1912 год», под редакцией И. В. Владиславлева. Указано также на то, что она «изъята». Для анализа мы пользуемся печатным экземпляром Е. Аркадьева «Запрещенная литература», обнаруженном нами в Курском областном архиве.

Эпиграф к брошюре Е. И. Аркадьева, из стихотворения О. Чюминой, воспроизводится нами как эпиграф к настоящей книге.

[7] Е. Аркадьев, стр. 19—20.

[8] Там же, стр. 17.

[9] Сб. «Герцен об искусстве». М., 1954, стр. 193.

[10] Е. Аркадьев, стр. 22—23. Среди арестованных книг и статей названа также шоколадная обложка с портретом Толстого и текстом из его сочинения: «Земля, как воздух и солнце, есть достояние всех» (стр. 22).

[11] Там же, стр. 30.

[12] Подробнее об этой газете см. «Вольные песни Путника» в настоящих очерках.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3
Бессмертное слово 7
Пламенный светоч 20
Песни борьбы 43
Провозвестница наших дней 73
«То кричит пророк победы...» 84
Песни гусляра 90
Песни Михаила Бродяги 95
Вольные песни Путника 101
Первые шаги Неверова 108
Арестованная книга 117
Нелегальные юношеские журналы 127
«Мы шли за свободу, за труд, за народ» 152
Сызранский мартиролог литературы 167
Примечания 173

Петр Сергеевич БЕЙСОВ

СВОБОДНОЕ СЛОВО БЕССМЕРТНО

Редактор М. И. Никитин
Художник А. К. Павлов
Корректор Т. И. Егорова

Сдано в набор 28/VII 1966 г. Подписано к печати 24/XI 1966 г. Формат бум. 84×108$^{1}/_{32}$. Объем: 6,13 п. л. (усл.-п. л. 10.3), уч.-изд. л. 11. ЗМ00887. Заказ № 6306. Тираж 1000 экз Цена 75 к.

Приволжское книжное издательство. г. Саратов, ул. Вольская, 81.

Типография облуправления по печати. г. Ульяновск, ул. Ленина. 114.

75 коп.

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛЬЯНОВСК
1966